

Уровень жизни населения регионов России

№4 (210) / 2018

Издается с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI: 10.24411/ISSN. 1999-9836

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономических проблем народонаселения
Российской академии наук (ИСЭПН РАН).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 2 декабря 1996 г. № 015476
Перерегистрирован 29 декабря 2017 г. ПИ №ФС77-72078

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Бобков В.Н. — д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Новикова И.В. — д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ, доцент кафедры финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Юдина М.А. — научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бобков В.Н. — главный редактор журнала «Уровень жизни населения регионов России», д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Бурак П.И. — д-р экон. наук, проф., директор АО «Институт региональных экономических исследований»

Волгин Н.А. — д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, советник директора ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Минтруда России

Герций Ю.В. — канд. социол. наук, в ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» минтруда России директор по развитию региональных программ, Председатель совета по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения

Гонтмахер Е.Ш. — д-р экон. наук, проф., зам. директора Института мировой экономики и международных отношений РАН

Григорьев С.И. — д-р социол. наук, чл.-корр. Российской академии образования (РАО), ведущий научный сотрудник Института Художественного образования и культурологии; науч. рук-ль Алтайского межрегионального центра ИХО и К РАО

Калашников С.В. — д-р экон. наук, канд. психол. наук, проф., заслуженный экономист Российской Федерации, Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике

Куплин А.А. — д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики УрО РАН, заслуженный деятель науки РФ

Локосов В.В. — д-р социолог. наук, профессор, Врио директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.....5

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....9

А.В. Кашенов
Прогнозирование занятости населения и безработицы
в условиях повышения пенсионного возраста.....9

С.Х. Берешев
Регламентация гибких форм занятости
в Республике Казахстан.....18

И.Д. Мацуляк, Д.И. Мацуляк, Н.З. Нагдалиев
Концепция антикризисного регулирования
социально-трудовых отношений (СТО) несостоятельных
предприятий в системе кластеризации экономики.....24

Т.В. Пирогова, Н.И. Коляда
Эффективность муниципальных расходов и качество
работы местных органов власти в контексте интересов
гражданского общества.....32

В.В. Гаврилюк, В.Ю. Бочаров, М.А. Гильтман
Современное положение молодежи «нового рабочего
класса» на рынке труда УрФО.....42

М.А. Селиванова, Ю.М. Ильных
Проблемы закрепитованности населения России.....54

Н.И. Коляда
Экономическая культура и финансовый механизм.....61

Ю.Г. Одегов, В.В. Павлова, Л.С. Теленная
Технологические предпосылки трансформации
сферы труда.....69

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....76

С.И. Григорьев, Л.Г. Гусякова, Г.В. Говорухина
Культурвитализм – концептуальная основа оценки
эффективности управления и оптимального сочетания
уровня и качества жизни населения Сибири.....76

Рыбаковский Л.Л. — д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН
Субетто А.И. — д-р филос. наук, д-р экон. наук, проф., советник ректора в Смольном институте РАО (Санкт-Петербург), заслуженный деятель науки Российской Федерации

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери М. — проф., доцент, Генеральный секретарь EURISPES (Институт политических, экономических и социальных исследований в Риме)
Хепп Р-Д — д-р социол. наук, профессор Свободного университета, г. Берлин, ФРГ
Херрманн П. — д-р экономики, приглашенный научный сотрудник Института социального права и социальной политики им. Макса Планка
Хусаинов Б.Д. — д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Гулюгина А.А. — канд. экон. наук
Литвинов В.А. — д-р экон. наук, профессор кафедры «Безопасность жизнедеятельности» Московского городского педагогического университета
Мацуляк И.Д. — д-р экон. наук, проф., профессор кафедры «Экономическая теория» Государственного университета управления, засл. деятель науки Российской Федерации
Мачхелян Г.Г. — канд. экон. наук, доц., редактор по международной информации журнала «Уровень жизни населения регионов России»
Мигранова Л.А. — канд. экон. наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Новикова И.В. — д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ, доцент кафедры финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ
Одинцова Е.В. — канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Шеремет А.Н. — канд. соц. наук, зам. директора по развитию Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Фролова Е.Б. — канд. экон. наук, начальник Управления статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Федеральной службы государственной статистики
Юдина М.А. — ответственный секретарь журнала «Уровень жизни населения регионов России», научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Яршева А.В. — д-р экон. наук, профессор РАН, заведующая лабораторией исследования поведенческой экономики Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию.

Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187

Подписано в печать 30.11.2018.

Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 219.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Телефон: +7499 1251751

Электронный адрес: vcugjournal@mail.ru Веб-адрес: <http://vcugjournal.ru>

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство Шелест»

Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164

Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Тел. 8-904-317-76-93, 8-963-548-51-43

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Гаврилюк, Т.В. Гаврилюк
Рабочий класс в советском и российском социологическом дискурсе.....86

Т.В. Сиротина, Ю.А. Калинина, Т.А. Мазайлова, Т.В. Чуканова
Сопровождаемое проживание инвалидов как инновационная технология социального обслуживания (по результатам исследования в Алтайском крае в 2017–2018 гг.).....93

К.А. Великжанина, И.В. Антонович, О.Н. Колесникова, С.Г. Чудова
Реализация муниципальной социальной политики: роль научных исследований (по результатам исследования в городе Барнауле Алтайского края).....101

Л.А. Емельянова, С.М. Казанцев
Соревнование и конкуренция как формы взаимодействия субъектов профессиональной деятельности.....108

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....115

В.Н. Бобков, А.К. Акимов
Теория социального качества как инновационный инструмент изучения общества (размышления в связи с Международным социологическим форумом: «Социальное качество и социальное управление»).....115

С.И. Григорьев, Л.Г. Гусякова, Г.В. Говорухина
Ноосферная социология жизненных сил, благополучия человека и общества – концептуальная основа социальной работы в XXI столетии.....121

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.....127

В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова
Средние классы в капиталистической России (представление научной монографии).....127

В.Н. Бобков, И.В. Новикова
Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения (представление научной монографии).....129

Содержание выпусков журнала в 2018 году: №1–4.....131

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России».....135

За аутентичность фактического материала ответственность несут авторы. Взгляды, выраженные авторами, не обязательно отражают точку зрения редакции.

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

No 4 (210) / 2018

Issued since 1992

on a quarterly basis

DOI: 10.24411/ISSN. 1999-9836

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

The Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS)

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996

Reregistered PI No. FS77-72078, December 29, 2017

EDITOR-IN-CHIEF

Bobkov, VN — Editor-in-Chief of the journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia», Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences, Chief Research Worker

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Novikova, IV — Deputy Editor-in-Chief of the journal «Living standards of the Population in the Regions of Russia» Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Centre for Strategic Studies at Institute of Mathematical Research of Complex Systems, Lomonosov Moscow State University

EXECUTIVE SECRETARY

Yudina, MA — Research Worker at the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Bobkov, VN — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences

Burak, PI — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Regional Economic Research

Volgin, VN — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russian Scientific Research Institute of Labour

Gertsy, YuV — PhD in Sociology, Professor, Director for the Development of Regional Programs, Chairman of the Council for Professional skills in the Field of Labour Safety, Social Protection and Employment at the All-Russian Scientific Research Institute of Labour

Gontmakher, YeSh — Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Grigor'yev, SI — Doctor of Sociology, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Leading Researcher at the Institute of Art Education and Culture Studies, Supervisor of Studies at the Altay Interregional Centre of Art Education and Culture Studies, Russian Academy of Sciences

Kalashnikov, SV — Doctor of Economics, PhD in Psychology, Professor, Honoured Economist of the Russian Federation, First Deputy Chairman of the Committee for Economic Policy of the Council of the Federation

Kuklin, AA — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Honoured Science Worker of the Russian Federation

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S COLUMN.....5

ECONOMIC RESEARCH.....9

Kashepov, AV
Forecasting Employment and Unemployment in the
Conditions of Increasing the Retirement Age.....9

Bereshev, SKH
Regulating Flexible Forms of Employment in the Republic
of Kazakhstan.....18

Matskulyak, IV, Matskulyak, DI, Nagdaliyev, NZ
Concept of Anti-Recessionary Regulation of the Social
and Labour Relations of Insolvent Enterprises in the System
of an Economy Clustering.....24

Pirogova, TV, Kolyada, NI
The Efficiency of Municipal Expenditure and Quality of Work
of Local Authorities in the Context of The Interests of
Civil Society.....32

Bocharov, VY, Gavriluk, VV, Gil'tman, MA
The Current Position of Young People of the «New Working
Class» in the Labor Market of the Ural Federal Okrug.....42

Selivanova, MA, Il'yinykh, YU M
Problems of the Debt Load of the Population of Russia and
the Altay Kray.....54

Kolyada, NI
Economic Culture and Financial Mechanism.....61

Odegov, YU G, Pavlova, VV, Telemnaya, LS
Technological Prerequisites for the Transformation of the
Sphere of Labor.....69

SOCIOLOGICAL RESEARCH.....76

Grigoryev, SI, Guslyakova, LG, Govorukhina, GV
Kulturvitalizm – a Conceptual Basis for Assessing The
Effectiveness of Management and The Optimal Combination of
The Level and Quality of Life of The Population of Siberia....76

Lokosov, VV — Doctor of Sociology, Professor, Acting Director of the Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences
Rybakovskiy, LL — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker, Institute of Sociopolitical Research, Russian Academy of Sciences
Subetto, AI — Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Vice President of the Sankt Peterburg Branch of the Academy of Quality Problems. Adviser to Rector of the Smal'nyy institute, RAE (Sankt Peterburg)

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, M — Professor, docent, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES)
Hepp, R-D — Doctor of Sociology, Professor, Berlin Free University, Germany
Herrmann, P — Doctor of Economics, Visiting Researcher at the Max Planck Institute for Social Law and Social Policy in Munich
Khusainov, BD — Doctor of Economics, Chief Research Worker at the Institute of Economics of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Gulyugina, AA — PhD in Economics
Litvinov, VA — Doctor of Economics, Professor of the Safety and Vital Activity Chair at Moscow City Pedagogical University
Matskulyak, ID — Doctor of Economics, Professor at the Chair «Economic Theory», State University of Management, Honoured Science Worker of the Russian Federation
Machkhelyan, GG — PhD in Economics, Associate Professor, International Information Editor of the Editorial Staff of the Journal «Living Standards of the population in the Regions of Russia»
Migranov, LA — PhD in Economics, Chief Research Worker, Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences
Novikova, IV — Deputy Editor-in-Chief of the journal «Living standards of the Population in the Regions of Russia» Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Centre for Strategic Studies at Institute of Mathematical Research of Complex Systems, Lomonosov Moscow State University
Odintsova, YeV — PhD in Economics, Senior Research Worker of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences
Sheremet, AN — PhD in Sociology, Deputy Director on the Development at the Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences
Frolova, YeB — PhD in Economics, Head of the Department of Living Standards Statistics and Household Survey at the Federal Service of State Statistics
Yarasheva, AV — Doctor of Economics, Professor (RAS), Head of the Laboratory of Behavioral Economics Research, Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences
Yudina, MA — Research Worker at the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences

While quoting the reference to the journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required. The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications. Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to review
 Subscription index 71187.

Signed for publication 30.11.2018.
 Format 60x84/8, circulation 700 copies, order № 219.

Editorial Board Office address:

29 4ya Parkovaya St. Moscow 105043, Russia
 Tel., fax: (499) 164 9761
 e-mail: info@vcug.ru http://www.vcug.ru

Printing office: «Publishing company «Shelest»
 164 Yengel's Ulitsa
 Izhevsk 426060
 Russian Federation
 Telephone: +7 904-317-76-93; +7-963-548-51-43
 Email: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

CONTENTS

Gavrilyuk, VV, Gavriliuk, TV
 Working Class in Soviet and Russian Sociological Discourse.....86

Kalinina, YU A, Mazaylova, TA, Sirotina, TV, Chukanova, TV
 Supported Living of Disabled People as Innovative Practice of Social Service (by the Results of the Study at the Altay Kray in 2017–2018).....93

Antonovich, IV, Velikzhanina KA, Kolesnikova, ON, Chudova, SG
 Municipal Social Policy Realization: the Role of Scientific Researches (by the Results of the Study in Barnaul, Altay Kray).....101

Emel'yanova, LA, Kazantsev, SM
 Emulation and Competition as the Forms of Interaction of the Subjects of Professional Activity.....108

PHILOSOPHIC RESEARCH.....115

Bobkov, VN, Akimov, AK
 The Theory of Social Quality as an Innovative Tool for the Study of Society (Reflections on the International Sociological Forum: "Social Quality and Social Governance").....115

Grigoryev, SI, Guslyakova, LG, Govorukhina, GV
 The Noospheric Sociology of Life Forces, the Wellbeing of Man and Society Is the Conceptual Basis of Social Work in the 21st Century.....121

BOOK REVIEW.....127

Bobkov, VN, Odintsova, YE V
 Middle Classes in the Capitalist Russia (Presentation of the Scientific Monograph).....127

Bobkov, VN, Novikova, IV
 Precarious Employment in the Russian Federation: Theory and Methods of Identification, Evaluation and the Vector of Decreasing (Presentation of the Scientific Monograph).....129

The contents of the 2018 Journal Issues Nos. 1–4.....131

Rules of Drawing Up and Completing Manuscripts for the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia».....135

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Тема номера 4 (210) / 2018: «Экономические и социальные технологии благополучия человека и общества».

В представленном читателю выпуске журнала «Уровень жизни населения регионов России» приведены аналитические и методологические работы, посвященные современным экономическим, социологическим и философским аспектам развития России и её регионов.

Рубрика «Экономические исследования» представлена статьями, посвященными анализу технологических предпосылок трансформации сферы труда, вопросам прогнозирования занятости населения и безработицы в условиях повышения пенсионного возраста, регламентации гибких форм занятости, проблемам положения молодежи на рынке труда, антикризисного регулирования социально-трудовых отношений в несостоятельных предприятиях, взаимосвязи экономической культуры и финансового механизма и др.

В статье «Прогнозирование занятости населения и безработицы в условиях повышения пенсионного возраста» д.э.н., профессора, профессора Московского педагогического государственного университета, главного научного сотрудника Института макроэкономических исследований ВАВТ Министерства экономического развития Российской Федерации А.В. Кашепова выполнен прогноз влияния повышения пенсионного возраста на перспективную численность населения трудоспособного возраста, занятых и безработных на основе проведения расчетов по методологии баланса трудовых ресурсов.

В статье «Регламентация гибких форм занятости в республике Казахстан» д.э.н., директора ТОО «Казахский научно-исследовательский институт труда» С.Х. Берешева рассмотрены различные аспекты регулирования гибких форм занятости с учетом специфики рынка труда республики. Раскрыты особенности законодательного регулирования труда отдельных категорий работников с гибкими формами занятости. Разработаны предложения по совершенствованию трудового законодательства, направленному на регулирование труда работников в условиях неустойчивой занятости.

В статье «Концепция антикризисного регулирования социально-трудовых отношений (СТО) несостоятельных предприятий в системе кластеризации экономики» д.э.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ, профессора кафедры экономической теории и мировой экономики Государственного университета управления; президента фонда «Экономика» И.Д. Мацкуляка, к.э.н., генерального директора ООО «Юкон Лайн» Д.И. Мацкуляка, к.э.н., консультанта фонда «Экономика» Н.З. Нагдалиева предлагается концепция антикризисного регулирования СТО несостоятельных предприятий в системе кластеризации экономики. Рассматриваемые в публикации подходы позволяют представить структуру концепции, составляющими частями которой являются: миссия, цель, задачи, объект, категории занятых и работодателей, предметные области и результаты. Даны их характеристики. Обращается внимание на то, что для антикризисного регулирования СТО, наряду с наёмными работниками, важно рассматривать особенности соответствующих социально-экономических кластеров, их руководящие органы, включающие как минимум уровень муниципальных образований, а также предпринимателей и хозяйственников-работодателей, собственников средств и условий кластерного производства, которые призваны активно противостоять кризисным тенденциям.

В статье «Эффективность муниципальных расходов и качества работы местных органов власти в контексте интересов гражданского общества» к.э.н., доцента, зав. кафедрой «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Барнаульский филиал) Т.В. Пироговой, к.э.н., доцента, доцента кафедры финансы и кредит Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Барнаульский филиал) Н.И. Коляды рассмотрены теоретические и практиче-

ские аспекты оценки эффективности муниципальных расходов и деятельности местных органов власти. Раскрыты отдельные аспекты бюджетного процесса муниципального образования в части осуществления расходов местного бюджета г. Барнаула, включая регламентацию и реализацию муниципальных целевых программ (МЦП), а также участие гражданского общества в реализации бюджетной политики муниципального образования. Дана сравнительная оценка расходов местного бюджета г. Барнаула с бюджетами других городов Сибирского федерального округа в разрезе функциональных направлений, а также в расчете на душу населения.

В статье «Современное положение молодежи «нового рабочего класса» на рынке труда УрФО» к.социол.н., доцента кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва, ассоциированного научного сотрудника Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук В.Ю. Бочарова, д.социолог.н., профессора кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета В.В. Гаврилюк, к.э.н., профессора кафедры экономической теории и прикладной экономики Тюменского государственного университета М.А. Гилтман анализируется занятость молодежи УрФО на основе данных мониторинговых обследований микрохозяйств по проблемам занятости населения (ОНПЗ), проведенных НИУ ВШЭ совместно с Росстатом. Показана ситуация на региональном рынке труда не в целом по социальной группе населения (молодёжь), а только её определенной части, исходя из конструируемого авторами понятия «новый рабочий класс».

В статье «Проблемы закредитованности населения России и Алтайского края» к.э.н., доцента кафедры финансы и кредит Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Барнаульский филиал) М.А. Селивановой, к.э.н., доцента кафедры финансы и кредит Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Барнаульский филиал) Ю.М. Ильиных проведен анализ кредитной задолженности физических лиц как в целом по России, так и в Сибирском федеральном округе, рассмотрены объём и доля просроченной задолженности граждан. Особое внимание в исследовании уделено уровню кредитной нагрузки населения России и Алтайского края, исследованы причины закредитованности населения Алтайского края. Дана оценка последствиям закредитованности населения и проведен анализ изменения среднедушевых денежных доходов населения, среднемесячной номинальной заработной платы жителей Алтайского края. Для решения проблем, связанных с закредитованностью населения, предлагаются такие меры, как повышение финансовой грамотности населения и повышение его уровня жизни.

В статье «Экономическая культура и финансовый механизм» к.э.н., доцента кафедры финансы и кредит Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Барнаульский филиал) Н.И. Коляды показан финансовый механизм формирования экономической зависимости России, её граждан и граждан развивающихся стран в условиях глобализации, прикрываемый моделями свободных рыночных отношений.

В статье «Технологические предпосылки трансформации сферы труда» д.э.н., профессора, руководителя научной школы «Управление человеческими ресурсами» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова Ю.Г. Одегова, к.э.н., ведущего научного сотрудника научной школы «Управление человеческими ресурсами», доцента кафедры организационно-управленческих инноваций Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова В.В. Павловой, к.э.н., соискателя Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова Л.С. Теленной проведен анализ изменений в характере и содержании труда, обусловленный 4-ой промышленной революцией. Показано, что изменения в сфере труда, обусловленные технологическими изменениями в производстве, характеризуются многоукладностью применяемых технологий. Обозначены основные направления обеспечения качественной рабочей силой в условиях поэтапного перехода к новому технологическому укладу и в свете конкретных рекомендаций МОТ, касающихся будущей сферы труда.

Рубрика «Социологические исследования» представлена работами, посвященными особенностям оценки эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения, социологическим аспектам представления рабочего класса в советском и российском социологическом дискурсе, анализу инновационных технологий социального обслуживания проживания инвалидов, реализации муниципальной социальной политики, исследованию форм взаимодействия субъектов профессиональной деятельности.

В статье «Культурвитализм – концептуальная основа оценки эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения Сибири» д.социолог.н., профессора, член-кор-

респондента РАО, ведущего научного сотрудника Института художественного образования и культурологии Российской академии образования С.И. Григорьева, д.социолог.н., профессора, международного магистра социальной работы, профессора кафедры менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры Г.В. Гусляковой, к.социолог.н., доцента, доцента кафедры менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры Г.В. Говорухиной авторы представляют базовые позиции культурвитализма в качестве современной социогуманитарной метатеории, подчеркивают важность рассмотрения развития виталистской модели современного социального научного знания, парадигмы его специальных и отраслевых теорий, развивающихся на основе культурвитализма. В работе представлены результаты экспертных опросов в двух регионах Сибири относительно значимости культурвитализма для осмысления и решения проблем обеспечения достойного уровня и качества жизни населения современной России.

В статье «Рабочий класс в советском и российском социологическом дискурсе», д.социолог.н., профессора кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета В.В. Гаврилюк, к.социолог.н., доцента, старшего научного сотрудника Центра перспективных исследований и инновационных разработок Тюменского индустриального университета Т.В. Гаврилюк дается авторское определение понятия «новый рабочий класс», актуализируется проблема выявления содержания и структуры «нового рабочего класса», традиционные и актуальные способы его теоретической концептуализации. Исследуются особенности классовых и стратификационных подходов к выделению рабочего класса в структуре общества. Делается вывод о существенном отличии социального положения нового российского рабочего класса от социального положения советского рабочего класса.

В статье «Сопровождаемое проживание инвалидов как инновационная технология социального обслуживания (по результатам исследования в Алтайском крае в 2017–2018 гг.)» к.социолог.н., доцента, доцента кафедры социальной работы Алтайского государственного университета Ю.А. Калинин, к.социолог.н., доцента, доцента кафедры социальной работы Алтайского государственного университета Т.А. Мазайловой, к.социолог.н., доцента, доцента кафедры социальной работы Алтайского государственного университета Т.В. Сиротиной, к.социолог.н., доцента, доцента кафедры социальной работы Алтайского государственного университета Т.В. Чукановой рассматриваются основные ресурсы и препятствия для внедрения сопровождаемого проживания как стационарозамещающей технологии социального обслуживания на территории Алтайского края на основе проведенного исследования в 2017–2018 гг.

В статье «Реализация муниципальной социальной политики: роль научных исследований (по результатам исследования в городе Барнауле Алтайского края)» к.социолог.н., доцента, доцента кафедры социальной работы Алтайского государственного университета И.В. Антонович, старшего преподавателя кафедры социальной работы Алтайского государственного университета К.А. Великжаниной, к.социолог.н., доцента, доцента кафедры социальной работы Алтайского государственного университета О.Н. Колесниковой, к.социолог.н., доцента, доцента кафедры социальной работы Алтайского государственного университета С.Г. Чудовой рассмотрены основные теоретико-методологические и философские подходы к интеграции науки в осуществление социальной политики на уровне муниципальной власти. Дано обоснование эффективности использования научного потенциала при проведении социальной политики на местном уровне. Привлечение научных достижений и инновационных разработок при решении социальных проблем города Барнаула рассматриваются через реализацию в данном муниципалитете грантового механизма взаимодействия.

В статье «Соревнование и конкуренция как формы взаимодействия субъектов профессиональной деятельности» к.псих.н., доцента, ученого секретаря Научно-образовательного Центра «Культура – основа качества образования и жизненных сил современного человека и общества» Л.А. Емельяновой, председателя правления кооператива «Центр социальных услуг» С.М. Казанцева раскрываются особенности проявления социалистического соревнования и конкуренции в связи с общественным устройством государства, с системой существующих в нем общественных отношений. В статье исследуются отличительные характеристики социалистического соревнования и конкуренции как двух социальных явлений и форм взаимодействия субъектов профессиональной деятельности. В статье раскрыты особенности социалистического соревнования: его сущность, функции, формы, основные принципы и виды стимулирования его участников.

Рубрика «Философские исследования» представлена осмыслением теорий социального качества как инновационного инструмента изучения общества, а также ноосферной социологии жизненных сил, благополучия человека и общества.

В статье «Теория социального качества как инновационный инструмент изучения общества (размышления в связи с Международным социологическим форумом: «Социальное качество и социальное управление)» д.э.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заведующего лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главного научного сотрудника научной школы «Управление человеческими ресурсами» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова В.Н. Бобкова, д.э.н., профессора, заведующего кафедрой экономики труда и социальных отношений Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова А.К. Акимов показано, что теория социального качества разрабатывается как философская парадигма по отношению к современной капиталистической модернизации экономики, сопровождающейся потерей «социальной компоненты». Рассмотрены индикаторы социального качества, позволяющие проводить субъективное оценивание качества жизни не на индивидуальном уровне, а на уровне страновых обществ. Охарактеризованы итоги международного социологического форума «Социальное качество и социальное управление», проходившего в сентябре 2018 г. в г. Пекине, Китай. Очерчены особенности российской научной школы изучения уровня и качества жизни, сформировавшейся во Всероссийском центре уровня жизни, и позволяющие измерять уровень и качество жизни в единстве его объективных и субъективных характеристик. Рассмотрены особенности ноосферного социализма, представляющего собой модель устойчивого развития общества, позволяющую объединить разработки теории социального качества и теории уровня и качества жизни.

В статье «Ноосферная социология жизненных сил, благополучия человека и общества – концептуальная основа социальной работы в XXI столетии» д.социолог.н., профессора, член-корреспондента РАО, ведущего научного сотрудника Института художественного образования и культурологии Российской академии образования С.И. Григорьева, д.социолог.н., профессора, международного магистра социальной работы, профессора кафедры менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры Г.В. Гусликовой, к.социолог.н., доцента, доцента кафедры менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры Г.В. Говорухиной раскрываются особенности социальной защиты населения в мировом социальном пространстве во второй половине XX века, на основе обоснования тезиса о том, что виталистская социология играет интегративную роль в формировании виталистской модели социальной работы. Авторы обосновывают необходимость использования ноосферной социологии как концептуальной основы разработки виталистской модели социальной работы в условиях становления общества ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции. При этом подчеркивают, что базовым исследовательским методом ноосферной социологии как науки выступает принцип определения характера взаимодействия жизненных сил человека и общества с пространством их бытия в конкретных социально-исторических, природных и социокультурных условиях.

Рубрика «Книжное обозрение» представлена краткими описаниями вышедших в свет двух актуальных научных коллективных монографий под редакцией д.э.н., профессора В.Н. Бобкова: «Средние классы в России: критерии и социальные стандарты идентификации, количественное оценивание и механизмы увеличения численности» и «Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения».

Рубрика «Правила по комплектности рукописей и их оформление для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России» представлена требованиями, которые установлены в журнале при подготовке и оформлению статей.

Прогнозирование занятости населения и безработицы в условиях повышения пенсионного возраста

Forecasting Employment and Unemployment in the Conditions of Increasing the Retirement Age

Получено 11.10.2018 Одобрено 30.10.2018 Опубликовано 30.11.2018 УДК: 331.526

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10034

КАШЕПОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор экономических наук, профессор, профессор Московского педагогического государственного университета, главный научный сотрудник Института макроэкономических исследований ВАВТ Министерства экономического развития Российской Федерации

KASHEPOV, AV

Doctor of Economics, Professor, Moscow State Pedagogical University, Chief Researcher at the Institute of Macroeconomic Research of the Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Аннотация

Объект исследования. Рынок труда, занятость и безработица.

Предмет исследования. Прогнозирование рынка труда.

Цель исследования. Выявление влияния повышения пенсионного возраста на перспективную численность населения трудоспособного возраста, занятых и безработных.

Основные положения статьи. Согласно расчётам по методологии баланса трудовых ресурсов численность населения трудоспособного возраста значительно увеличится. В условиях более медленного роста спроса экономики на рабочую силу безработица возрастет.

Abstract

The Object of the Study: Labor market, employment and unemployment

The Subject of the Study: Labor market Forecasting

The Purpose of the Study: Identifying of the impact of increasing the retirement age on the prospective population of working age, employed and unemployed

The main Provisions of the Article: according to the calculations on the methodology of the balance of labor resources, the population of working age will increase significantly, in the conditions of slower growth of the economy's demand for labor, unemployment will increase.

Ключевые слова: население; демографический прогноз; прогноз валового внутреннего продукта; численность занятых и безработных; долгосрочная перспектива.

Keywords: population; demographic forecast; number of employed and unemployed; employment prospects.

Введение

Начнем наши рассуждения с краткого анализа актуальных процессов и отчетных показателей демографического и социально-экономического развития, затем перейдем к прогнозам. На 1 января 2018 года Росстат оценивал численность населения России в 146,9 млн. человек. В России с 2016 года наблюдается естественная убыль населения, которая не компенсируется сократившимся миграционным приростом.

Официальные прогнозы общей численности населения РФ сейчас более оптимистичны, чем прогнозы «нулевых» годов. Все прогнозы 2000-х годов были ориентированы на более или менее быстрое падение численности населения РФ. В версии прогноза Росстата 2018 года предполагаются три варианта общей численности населения на начало 2036 года: нижний – 136,7 млн. чел., средний – 145,9 млн. чел., высокий – 157,1 млн. чел. [Демографический прогноз, 2018, 5].

Влияние изменения границ пенсионного возраста на численность трудоспособного населения, рабочей силы и безработных

Основой прогнозирования трудовых ресурсов и занятости является показатель численности населения в трудоспособном возрасте. После принятия 27 сентября 2018 года закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» [Федеральный закон №350-ФЗ, 2018, 1] границы трудоспособного возраста меняются. Далее в настоящей статье это будет учтено в расчетах прогнозируемых показателей.

На рисунке 1 показана ретроспективная численность населения трудоспособного возраста 16-55(60) (демографическая статистика обозначает эту категорию как 16-54(59)), из отчетных публикаций в статистических сборниках Росстата. Условная ретроспектива населения в возрасте 16-60 (65) (в категориях демографической стати-

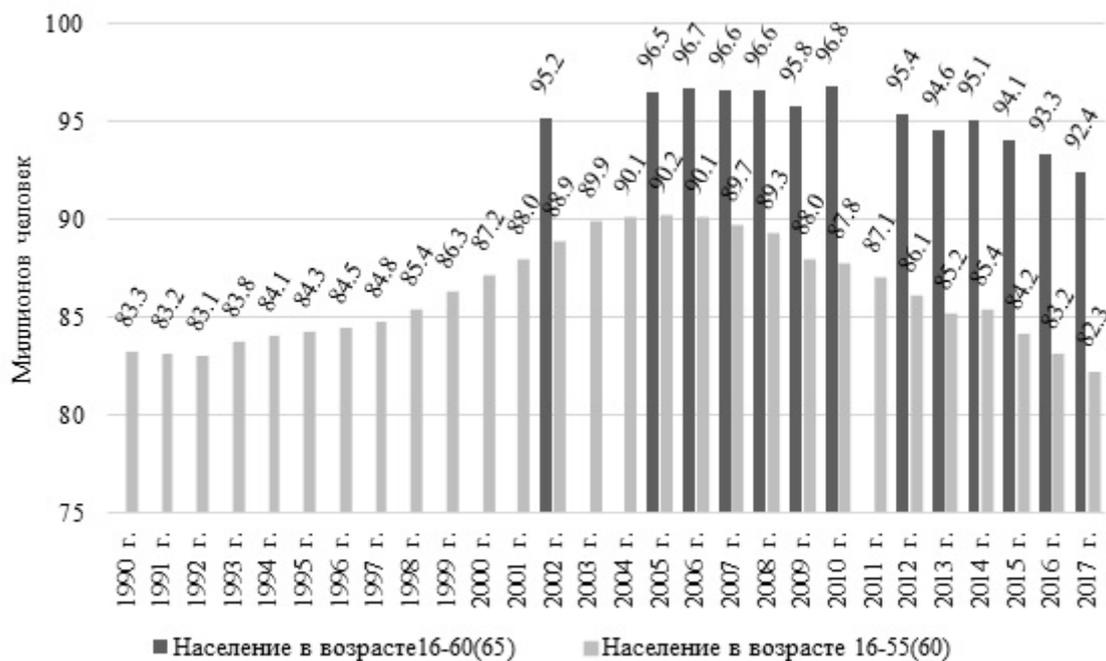

Рисунок 1. Численность населения в возрасте 16-55(60) и 16-60(65) в РФ в 1990–2017 гг.

На основе данных Росстата [Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики, 2018, 12]

стики 16-59 (64)), рассчитана нами исходя из периодически публиковавшихся Росстатом чисел мужчин и женщин на 5 лет старше «прежнего» пенсионного возраста.

Поскольку такие данные в открытых публикациях есть не за все годы ретроспективного периода, график этого ряда имеет разрывы в периоды после Переписей населения, и цифры, на нем показанные, нуждаются в официальном пересчете и верификации Росстата. Тем не менее, пока Росстатом не сделано официальных пересчетов полностью сопоставимых за разные годы рядов показателей, можно использовать наши оценки. Они, в частности, показывают, что в 2017 году разница чисел населения в «старом» трудоспособном возрасте (далее мы будем обозначать как 16-55(60)) и в «новом» пенсионном возрасте (далее 16-60(65)) составляет 10 млн. человек.

Согласно трем вариантам прогноза Росстата версии 2018 года, разработанного до принятия изменений в пенсионное законодательство, численность населения в возрасте 16-55(60), после достижения в 2005 г. исторического максимума 90,2 млн. человек, могла сократиться к концу 2030 г. до 77,0 - 82,2 млн. человек. Понятно, что если говорить о среднесрочной перспективе, то основными причинами этого сокращения являются увеличение потока лиц, пересекающих границы пенсионного возраста, которые появились на свет в период высокой рождаемости в 1950-1960-е годы, и

сокращение потока входящих в трудоспособный возраст детей демографического кризиса 1990-х годов. В долгосрочной перспективе начинается позитивное влияние на трудовой потенциал роста рождаемости в 2000-е годы, однако поколения, родившиеся до демографического кризиса 1990-х годов, все равно остаются более многочисленными.

В связи с принятием нового законодательства о пенсионном возрасте, численность населения трудоспособного возраста будет увеличиваться в 2019–2023 годах ежегодно на 1 годичную возрастную группу. Как показано на рисунке 2, в 2019 году численность населения трудоспособного возраста пополнится на 918,1 тысяч мужчин и 1153,0 женщин.

Далее увеличение численности будет происходить до 2023 года включительно, когда общее увеличение численности мужчин и женщин «новых трудоспособных» возрастов достигнет 9,4 млн. человек, и после будет колебаться с прохождением демографических волн в диапазоне 8,5-9,5 млн. человек в год.

«Старая» и «новая» численность населения трудоспособного возраста показаны на рисунке 3. В результате изменения границ трудоспособного возраста численность этой категории населения повышается с 82,2 млн. человек в 2017 году до 88,6 в 2023 году, и далее составляет в 2030 году 87,9 млн. человек и в 2036 году 88,6 млн. человек.

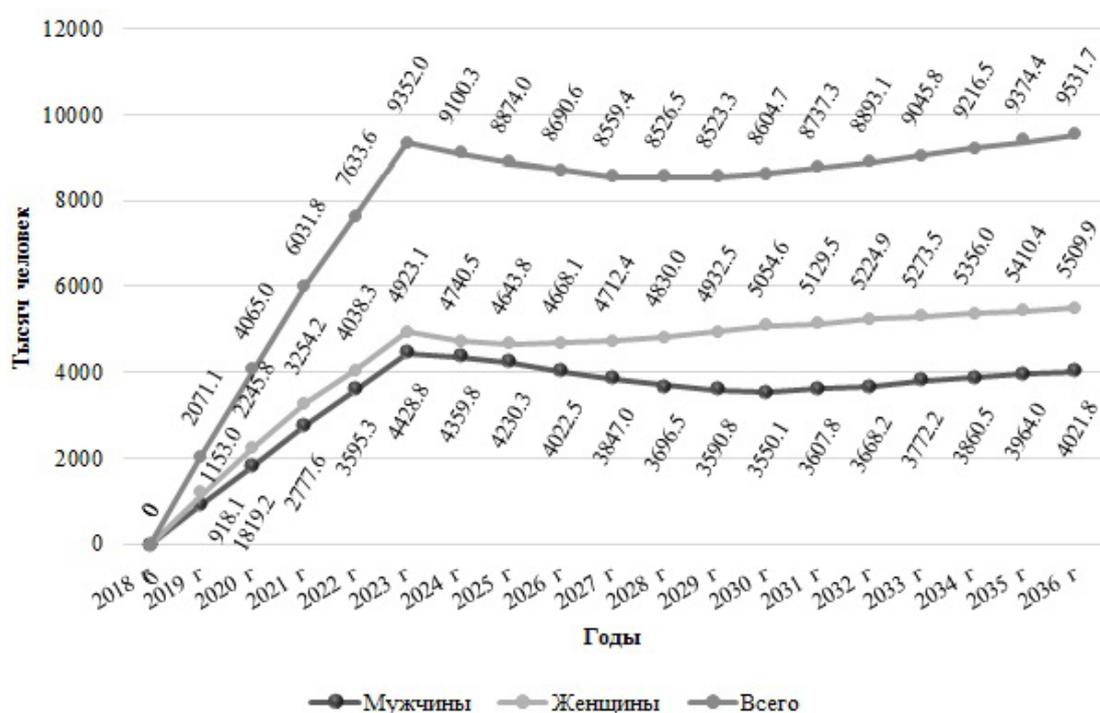

Рисунок 2. Увеличение численности населения трудоспособного возраста при переходе к новым границам трудоспособного возраста в 2019–2023 гг. и на период до 2036 года (тысяч человек).

Расчеты автора на основе данных Росстата [Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики, 2018, 12]

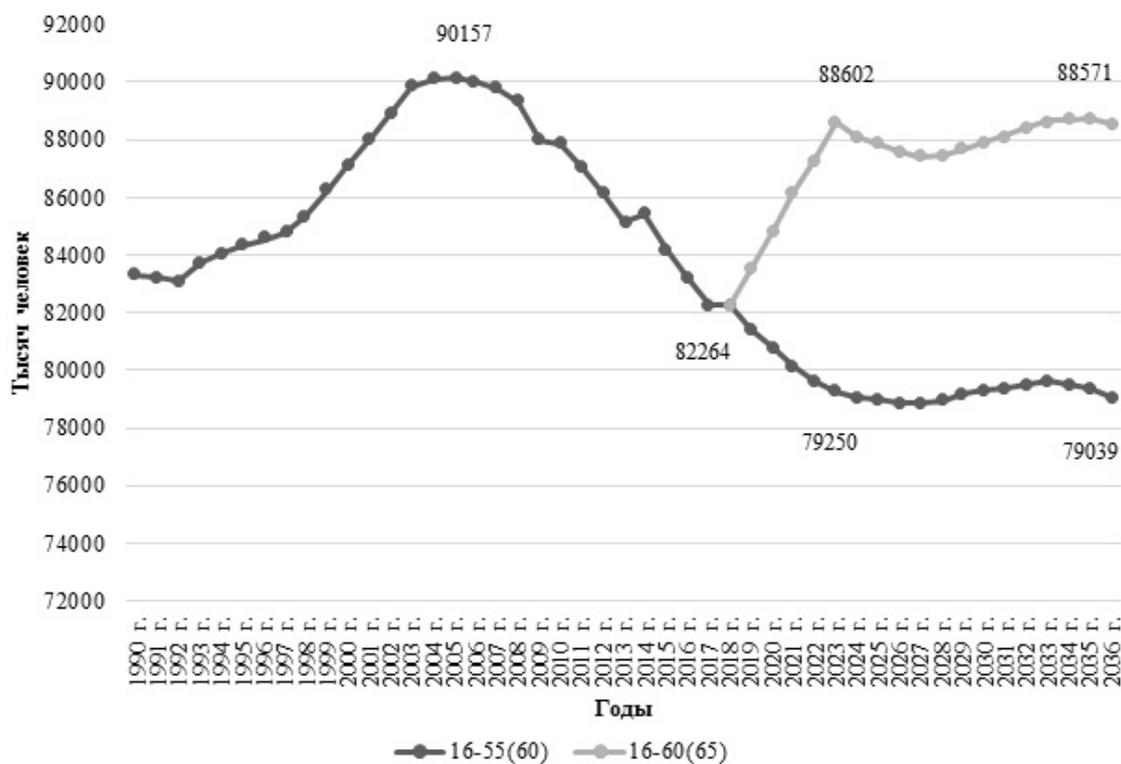

Рисунок 3. Численность населения трудоспособного возраста 16-55(60) в 1990-2017 гг. и средний вариант прогноза на 2018-2036 год по вариантам 16-55(60) и 16-60(65) (тысяч человек).

Расчеты автора на основе данных Росстата [Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики, 2018, 12]

Кратко охарактеризуем текущее положение с важнейшими показателями, необходимыми для прогнозирования численности занятого населения в России – ВВП и производительности труда. Спад производства ВВП в 2015 году в сопоставимых ценах составил 3,7%, затем постепенно восстановился слабый рост. В 2018 году Министерство экономического развития (далее – МЭР) предполагает прирост 1,8%, однако поскольку текущая оценка на август 2018 года составила всего 1,0%, мы предполагаем, что годовой итог будет около 1,5%. В проекте государственного бюджета на 2019 год и бюджетного плана на 2020-2021 годы Минфин прогнозирует соответственно 1,4%, 2,0%, 3,1%. [Официальный сайт Министерства Финансов, 4].

На заседании Правительства РФ 20 сентября 2018 г., посвященного обсуждению Прогноза социально-экономического развития на период до 2024 года» Министр экономического развития РФ М.С. Орешкин сообщил, что после 2020 года темп прироста экономики закрепится на уровне не ниже 3% в год. [Официальный сайт Министерства экономического развития, 13].

С 2011 года наблюдалось сокращение темпов прироста производительности труда, с переходом

в отрицательную зону в 2015-2016 годах, публикация за 2017 рассчитана Росстатом по новой методике ОКВЭД 2 и показатель за этот год находится в положительной зоне – прирост 1,5%. В целом производительность труда, как и ВВП, растет слабо и отстает от темпов роста этого показателя в ряде стран-лидеров мировой экономики. Единственным положительным следствием торможения роста производительности труда является ослабление негативного влияния данного фактора на безработицу.

Измерение участия в рабочей силе (экономической активности населения), занятости и безработицы проводится Росстатом посредством ежемесячных выборочных Обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ) Росстата. Последние опубликованные на момент написания данной работы данные за август 2018 года составляют: 76,9 млн. человек рабочей силы (экономически активного населения), в том числе 73,4 млн. занятых и 3,5 млн. безработных (4,6% – один из самых низких уровней в мировой практике).

Хотя данные о росте занятости в 2014-2018 годах отчасти связаны со включением территории Крымского ФО в Российскую Федерацию и не полностью сопоставимы с ранее опубликован-

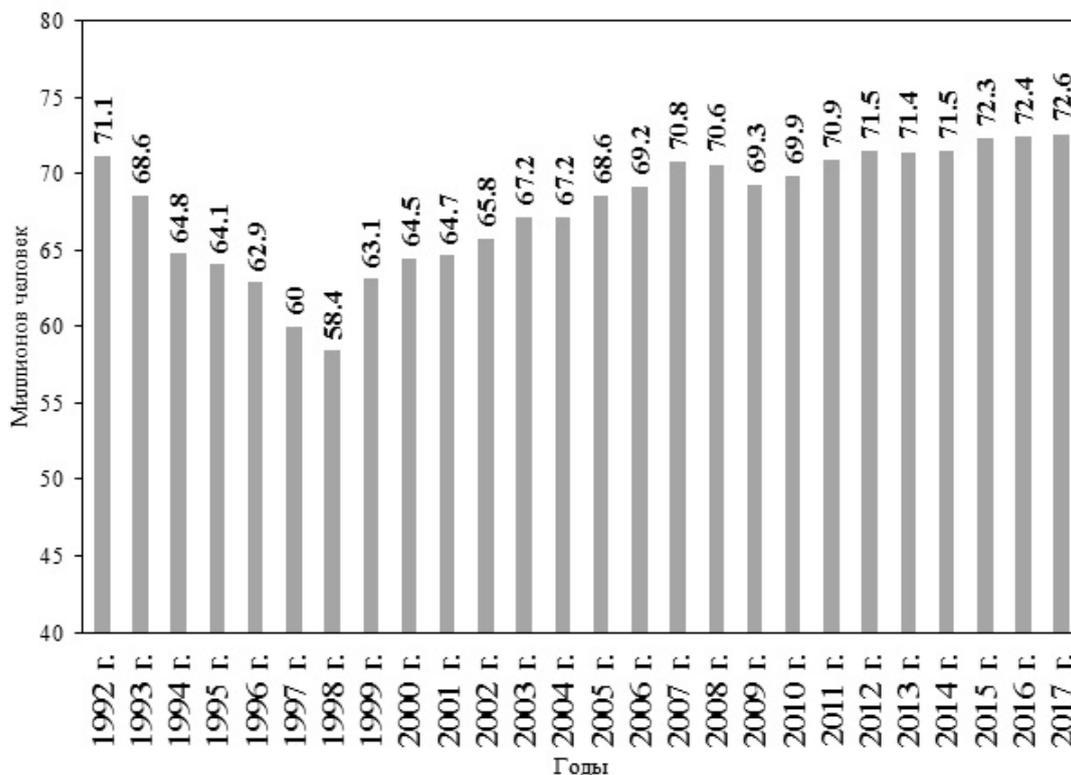

Рисунок 4. Численность занятого населения в 1992 - 2017 гг., миллионов человек.

На основе данных Росстата [12]

ными данными, тем не менее стабильно низкий уровень безработицы свидетельствует о том, что рецессия 2015-2016 года не оказала существенного негативного влияния на занятость в России. Отметим, что численность рабочей силы (экономически активного населения) в последние годы имела тенденцию к сокращению из-за «демографической ямы» в численности населения трудоспособного возраста. Показанный выше ожидаемый прирост этой численности вследствие повышения пенсионного возраста должен привести к увеличению численности рабочей силы в период 2019-2023 года с последующей стабилизацией.

Автор данной статьи в своих разработках следует методологии балансовых расчетов трудовых ресурсов и занятости, разработанной в свое время советскими учеными В.Г. Костиковым [Костиков В.Г., 1979, 10], В.М. Рутгайзером [Рутгайзер В.М., 1975, 11] и другими. Методика была адаптирована нами к современной статистике и экономической ситуации [Кашепов А.В., 2006, 6], ранее варианты прогнозов сначала на 2020 год, потом на 2030 г. были опубликованы в наших работах [Кашепов А.В., 2008, 7; 2010,8; 2011, 9].

Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) Росстата охватывали население в возрастных границах 15-72 года. Эти градации были установлены в 1992 году в соответствии с рекомендациями Международной организации труда (МОТ) и Международной конференции статистиков труда (МКСТ). С 2016 года в соответствии с обновленными международными стандартами в области статистики труда, принятыми 19-й Международной конференцией статистиков труда изменена терминология:

- вместо термина «экономически активное население» – термин «рабочая сила»;
- вместо термина «уровень экономической активности» – термин «уровень участия в рабочей силе»;
- вместо термина «экономически неактивное население» – термин «лица, не входящие в состав рабочей силы». [Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики, 12]

С января 2017 года в ОНПЗ используется только нижняя граница рабочей силы: 15 лет и более. Таким образом, возрастные границы рабочей силы не совпадают с границами населения трудоспособного возраста – как старыми 16-55(60), так и новыми 16-60 (65). Не совпадают и статистические методики их расчета в ретроспективном периоде. Поэтому сопоставление числа лиц, входящих в состав рабочей силы и населения в трудоспособном возрасте – метод не безупречный со статистической точки зрения. Тем не менее, чис-

ленность населения в трудоспособном возрасте – единственный прогнозируемый на долгосрочную перспективу официальный показатель, с которым можно оперировать.

Основным методом разработки перспективных оценок в данной статье является «сопоставление прогнозов», или «обнаружение взаимосвязей на границах между официальными прогнозами». Некоторые достаточно подробные по охвату показатели прогнозы периодически рассчитываются на базе соответствующих математических моделей Министерства экономического развития и Росстата. Но их результаты, в совокупности составляющие довольно интересную картину, названные министерства и ведомства обычно не увязывают между собой (например, прогнозы ВВП, производительности труда, с одной стороны, и численности занятого населения, с другой – в официальных публикациях методически не связаны друг с другом).

Исходя из прогноза численности населения в трудоспособном возрасте (Росстат) можно рассчитать перспективную численность рабочей силы.

Как было показано в наших предшествующих публикациях, в 1992-2005 годах соотношение чисел рабочей силы и населения трудоспособного возраста сокращалось, потом пошло в рост. В таблице 1 мы впервые попробовали сопоставить численность рабочей силы с численностью населения в «новом» трудоспособном возрасте 16-60(65) за период 2006-2017 года. Оказалось, что несмотря на отдельные колебания, в целом соотношение устойчиво растет. Линейная экстраполяция данного соотношения (коэффициента) с последующим округлением позволяет на 2024 год (время упреждения последних по времени прогнозов ВВП и следующий год после завершения поэтапного подъема границы трудоспособного возраста) принять его равным 0,870 и на 2030 год 0,900. Соответственно, при достижении чисел «нового» трудоспособного возраста по среднему варианту демографического прогноза Росстата 88,1 млн. человек в 2024 году и 87,9 млн. человек в 2030 году, численность рабочей силы в указанные годы может составить 76,6 млн. человек и 79,1 млн. человек.

В последние годы численность занятых пенсионеров в РФ росла, что повлияло на результаты расчетов соотношений в таблице 1. В 2017 году из 10,2 млн. мужчин в возрасте 60-64 года (до 65) и женщин 55-59 лет (до 60) согласно Обследованиям населения по проблемам занятости (ОНПЗ) входили в состав рабочей силы (были заняты) 5,3 млн. человек. Остальные мужчины и женщины

Таблица 1

Соотношение численности рабочей силы и населения в возрасте 16-60 (65) в Российской Федерации в 2006 – 2030 гг.

	2006 г	2010 г	2012 г	2013 г.	2014 г	2015 г
Численность населения в трудоспособном возрасте 16-60(65), млн. чел	96,7	96,8	95,4	94,6	95,1	94,1
Соотношение чисел РС и населения трудоспособного возраста, раз	0,769	0,779	0,794	0,798	0,793	0,814
Численность РС ст. 15 лет, млн. чел	74,4	75,5	75,7	75,5	75,4	76,6
	2016 г	2017 г			2024 г	2030 г
Численность населения в трудоспособном возрасте 16-60(65), млн. чел	93,3	92,4			88,1	87,9
Соотношение чисел РС и населения трудоспособного возраста, раз	0,821	0,824			0,870	0,900
Численность РС ст. 15 лет, млн. чел	76,6	76,1			76,6	79,1
Численность РС с учетом дополнительного вовлечения мужчин 60-65 лет и женщин 55-60 лет, млн. чел.					80,6	80,1

названных возрастных категорий не входили в состав рабочей силы – это и есть резерв ее увеличения на перспективу. Без учета численности льготных категорий пенсионеров, инвалидов 1,2 группы, то есть очень приблизительно, потенциальная дополнительная численность рабочей силы в 2017 году составляла около 5,0 млн. человек. Исходя из экстраполяции соотношения показателей таблицы 1 мы полагаем, что дополнение к рынку труда может составить порядка 4 млн. человек в 2024 году и 1 млн. человек в 2030 году. Таким образом, численность рабочей силы может составить 80,6 млн. человек в 2023 году и 80,1 млн. человек в 2030 году.

Как предусмотренное законом увеличение численности населения трудоспособного возраста и рабочей силы отразится на численности занятых и безработных в нашей стране? Это зависит от перспективного спроса экономики на рабочую силу. Перспективную потребность экономики в рабочей силе можно рассчитать на ос-

нове интеграции прогнозов роста производства ВВП и производительности труда.

Для продолжения расчетов требуются перспективные данные об ожидаемом изменении валового внутреннего продукта и производительности труда. Наиболее актуальным является «Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года», опубликованный Министерством экономического развития РФ 1 октября 2018 года [Прогноз социально-экономического развития..., 3], который был разработан для обоснования «Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» (ОНДП), утвержденных Председателем Правительства РФ 29 сентября 2018 года [Официальный сайт Министерства экономического развития, 13].

В отличие от большинства предшествующих официальных прогнозов, начиная с 2008 года, в ОНДП впервые заложено отставание темпов роста производительности труда от темпов роста

Таблица 2

Прогнозы динамики ВВП и производительности труда Министерства экономического развития РФ на период 2018 - 2024 года

Варианты	ΔВВП, раз	ΔПТ, раз	Соотношение ΔВВП/ΔПТ
Базовый	1,156	1,144	1,010
Консервативный	1,138	1,126	1,011

Таблица 3

**Прогноз численности занятых (потребности в рабочей силе) на период до 2024 года,
миллионов человек**

	2017 г.	Прогноз на 2024 г.	
		Консервативный	Базовый
Численность занятых в экономике	72,1	72,9	72,8

ВВП. При этом дополнительное производство ВВП за счет увеличения численности населения трудоспособного возраста этим прогнозом не предусмотрено.

Результаты расчетов на период до 2024 года достаточно условны, так как уже в августе 2018 года численность занятых составила 73,4 млн. человек. Варианты прогнозов МЭР на 2024 год также находятся ниже реального уровня 2018 года и несколько отличаются от наших – 72,7 млн. чел. по базовому варианту и 72,6 млн человек по консервативному. Но если рассматривать эти варианты как тренды, идущие от базы 2017 года – 72,1 млн. чел., то можно сказать, что сокращения спроса на рабочую силу не предвидится.

Для долгосрочного прогнозирования на 2030 год подходящие исходные данные содержатся только в опубликованном в 2013 году Министерством экономического развития (МЭР) «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Прогноз долгосрочного..., 2]. Прогноз Ми-

нистерства экономического развития на 2030 г. был разработан в 3 вариантах, интересующие нас выдержки из этих прогнозов показаны в таблице 4. За базовый период был принят 2010 г.

Исходя из показателей прогноза МЭР до 2030 г., рассчитаем ожидаемую численность рабочих мест (предполагаемую занятость) в России. Результаты произведенных расчетов показаны в таблице 5.

Интерпретация этих расчетов простая: если бы соотношение темпов роста ВВП и производительности труда после 2013 года сохранялось таким, как в таблице 5, то к 2030 году за счет цифровизации и других технологических и управленческих факторов спрос на рабочую силу мог бы сократиться на 3-5 млн. человек. Но с учетом нынешнего роста занятости и отставания в динамике производительности труда, а также с учетом трендов, заложенных в более современный прогноз до 2024 года, реализация подобного варианта представляется маловероятной.

Таблица 4

Прогнозы динамики ВВП и производительности труда Министерства экономического развития РФ на период до 2030 года

Варианты	ΔВВП, раз	ΔПТ, раз	Соотношение ΔВВП/ΔПТ
Консервативный	1,9	2,0	0,950
Инновационный	2,23	2,4	0,929
Целевой	2,81	2,9	0,969

Таблица 5

**Прогноз численности занятых (потребности в рабочей силе) на период до 2030 года,
миллионов человек**

	Базовый год	Прогноз на 2030 г.		
		Консервативный	Инновационный	Целевой
Численность занятых в экономике	69,9	66,4	64,9	67,7

Таблица 6

Прогноз численности рабочей силы, занятых и безработных, уровня безработицы на перспективный период

	2024 год	2030 год
Численность рабочей силы с учетом дополнительного вовлечения части мужчин в возрасте 60-64 (до 65) лет и женщин 55-59 (до 60) лет, млн. человек	80,6	80,1
Численность занятых в экономике (рабочих мест), миллионов	72,9-72,8	
Численность безработных, млн. человек	7,7-7,8	
Уровень безработицы, процентов от численности рабочей силы	9,6-9,7	

Балансовый прогноз численности безработных получается вычитанием числа занятых (рабочих мест) из численности рабочей силы. Мы представляем в таблице 6 расчеты, эквивалентные среднему варианту численности населения Росстата, на основе которого рассчитаны версии численности рабочей силы в таблице 1, и макроэкономические прогнозы в 2 вариантах на 2024 год из таблиц 2-3.

Балансовая оценка безработицы на 2030 год в качестве рабочего варианта также была нами произведена. Но с учетом вовлечения дополнительных контингентов населения в трудоспособный возраст и опережающего роста производительности труда согласно устаревшему макроэкономическому прогнозу 2013 года эта оценка дает совершенно неприемлемые результаты – увеличение численности безработных примерно в 4 раза по отношению к 2017 году. Реализация подобного прогноза политически невозможна, поэтому она не включена нами в итоговую таблицу 6.

Выводы

Таким образом, повышение пенсионного возраста вызовет увеличение численности населения в трудоспособном возрасте по среднему варианту примерно на 9 миллионов в 2023-2024 годах. При этом дополнительное вовлечение лиц в возрасте 55-60(65) лет в состав рабочей силы составит не более 4-5 млн. человек, поскольку половина «новых» трудоспособных уже входит в состав рабочей силы.

При сохранении параметров роста ВВП, производительности труда, заложенных в прогноз Министерства экономического развития до 2024, спрос экономики на рабочую силу будет иметь

тенденцию к росту, но в целом изменится незначительно. Вследствие опережения роста численности рабочей силы над ростом числа рабочих мест, безработица может увеличиться с 3,5-4,0 млн. человек до 7,7-7,8 млн. человек, и составить 9,6-9,7% от численности рабочей силы.

Во избежание подобного развития событий Правительству РФ необходимо срочно разработать новую Программу сохранения и создания рабочих мест на долгосрочный период и приступить к ее реализации. В Программе следует наметить пути решения взаимно противоречащих целей: развития цифровой мобильной занятости для молодежи и роста производительности труда в этом сегменте рабочей силы и сохранения достойных рабочих мест для работников предпенсионного возраста без существенного роста производительности труда в данном сегменте. В целом программа должна быть направлена на увеличение числа функционирующих в экономике рабочих мест на 4-5 млн. единиц.

Официальный прогноз социально-экономического развития на период до 2024 года должен быть пересмотрен в части увеличения численности рабочих мест и занятого населения. Эти задачи также должны быть учтены при разработке Прогноза на период до 2035 года.

Прогнозы и программы содействия миграции населения, особенно трудовой миграции, и миграционное законодательство должны быть переработаны с целью дифференцированного по возрастным и профессионально-квалификационным группам повышения мер защиты внутреннего рынка труда на период адаптации населения и экономики к принятым изменениям пенсионного и трудового законодательства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 03.10.2018 N 350-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий"
2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Министерство экономического развития РФ. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06
3. Прогноз социально-экономического развития РФ на период до 2024 года. Министерство экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/201801101>
4. Проект «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» (сентябрь 2018 г.). Министерство финансов РФ. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=123006#_2.3
5. Демографический прогноз до 2035 года. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population
6. Кашепов А.В. Социальная политика: рынок труда и политика занятости. // Журнал «Социальная политика и социальное партнерство», №6, №7, №8, №9, 2006.
7. Кашепов А.В. Рынок труда: проблемы и решения. Монография. (Соавт.: Сулакшин С.С., Малчинов А.С.). М.: Научный эксперт, 2008.
8. Кашепов А.В. Краткосрочные и долгосрочные прогнозы занятости и безработицы. // Журнал «Социальная политика и социальное партнерство», №8, 2010.
9. Кашепов А.В. Россия в 2020 г.: дефицит или избыток рабочей силы. // Журнал «Уровень жизни населения регионов России», №8, 2011.
10. Костаков В.Г. Прогноз занятости населения: методологические основы. – М.: Экономика, 1979.
11. Рутгайзер В.М. Ресурсы развития непродовольственной сферы. М.: Мысль, 1975.
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/
13. Официальный сайт Министерства экономического развития. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/201820096>

References

1. Federal'nyy zakon ot 03.10.2018 N 350-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonoda-tel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam naznacheniya i vyplaty pensiy"
2. Prognoz dolgosrochnogo sotsial'no - ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RF. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06
3. Prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya RF na period do 2024 goda. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RF. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/201801101>
4. Projekt «Osnovnyye napravleniya byudzhетной, nalogovoy i tamozhenno-tarifnoy politiki na 2019 god i na planovyy period 2020 i 2021 godov» (sentyabr' 2018 g.). Ministerstvo finansov RF. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=123006#_2.3
5. Demograficheskiy prognoz do 2035 goda. Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby gosudar-stvennoy statistiki. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population
6. Kашepov A.V. Sotsial'naya politika: ryнок труда i politika zanyatosti. Sotsial'naya poli-tika i sotsial'noye partnerstvo, №6, №7, №8, №9, 2006.
7. Kашepov A.V. Ryнок труда: problemy i resheniya. Monografiya. (Soavt.: Sulakshin S.S., Malchinov A.S.) – M.: Nauchnyy ekspert, 2008.
8. Kашepov A.V. Kratkosrochnyye i dolgosrochnyye prognozy zanyatosti i bezrabortitsy. Sotsi-al'naya politika i sotsial'noye partnerstvo, №8, 2010
9. Kашepov A.V. Rossiya v 2020 g.: defitsit ili izbytok rabochey sily. Zhurnal «Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii», №8, 2011.
10. Kostakov V.G. Prognoz zanyatosti naseleniya: metodologicheskiye osnovy. Moskva, Ekonomika, 1979.
11. Rutgayzer V.M. Resursy razvitiya neproizvodstvennoy sfery. Moskva, Mysl', 1975.
12. Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/
13. Ofitsial'nyy sayt Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/201820096>

Регламентация гибких форм занятости в Республике Казахстан

Regulating Flexible Forms of Employment in the Republic of Kazakhstan

Получено 05.10.2018 Одобрено 25.10.2018 Опубликовано 30.11.2018 УДК: 331.1 (075)

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10035

БЕРЕШЕВ СЕРИКУЖАН ХАМИТОВИЧ

доктор экономических наук, директор ТОО «Казахский научно-исследовательский институт труда», Республика Казахстан, г. Алматы
Email: niitroda@inbox.ru

BERESHEV, S KH

Doctor of Economics, Director of the Kazakh Scientific Research Institute of Labour, LLP, The Republic of Kazakhstan, Almaty
Email: niitroda@inbox.ru

Аннотация

Объект исследования. Процесс регулирования гибких форм занятости на национальном, отраслевом и региональном уровнях в Республике Казахстан.

Предмет исследования. Формы регламентации гибкой занятости в Казахстане.

Цель работы. Выявление необходимости, возможностей и условий законодательного и коллективно-договорного регулирования гибкой занятости в Республике Казахстан

Основные теоретические и эмпирические положения статьи. Теоретико-методологическую основу статьи составляют труды отечественных и зарубежных исследователей проблемы распространения нестандартных, неустойчивых и гибких форм занятости [Herrman P., Стэндинг Г., Бобков В., Джумамбаев С. и др]. Исследование основывается на изучении и анализе действующего законодательства по данной проблематике, содержания системы соглашений в рамках социального партнерства. В статье рассмотрены различные аспекты регулирования гибких форм занятости с учётом специфики рынка труда республики. Раскрыты особенности законодательного регулирования труда отдельных категорий работников с гибкими формами занятости. Разработаны предложения о дальнейшем совершенствовании трудового законодательства по регулированию труда работников в условиях неустойчивой занятости.

Ключевые слова: гибкая занятость; законодательное регулирование; коллективно-договорное регулирование; трудовые отношения; постановления; соглашения; самозанятое население.

Abstract

The Object of the Study. Regulation process of flexible forms of employment at the national, sectoral and regional levels in the Republic of Kazakhstan.

The Subject of the Study. Regulation forms of flexible employment in Kazakhstan.

The Purpose of the Study. Identification of the need, possibilities and conditions for legislative and collective-contractual regulation of flexible employment in the Republic of Kazakhstan

The Main Theoretical and Empirical Provisions of the Article. The theoretical and methodological basis of the article is the works of domestic and foreign researchers on problems of the spread of non-standard, unstable and flexible forms of employment (Herrman, P., Stending, G., Bobkov, V., Dzhumambayev S. and others). The research is based on studying and analysing current legislation on this issue, and on the content of system of agreements within the framework of social partnership. The article examines various aspects of regulating flexible forms of employment taking into account the specifics of the labour market in the republic. Features of legislative labour regulating certain workers categories with flexible forms of employment are revealed. Proposals for further improving labour legislation on regulating workers labour under unsustainable employment have been developed.

Keywords: flexible employment; legislative regulation; collective-contractual regulation; labour relations; regulations; agreements; self-employed population.

Введение

Широкое распространение гибких форм занятости в последние годы носит вполне объективный характер, обусловленный усилением глобализационных процессов, происходящих в мире, и высокими темпами внедрения передовых технологий. Такие складывающиеся тенденции в сфере занятости вызывают необходимость выработки соответствующих механизмов их регулирования со стороны государства и других соответствующих институтов.

Исследования, раскрывающие механизмы регулирования нестандартной занятости, включая

и гибкие ее формы, продолжают оставаться в центре внимания как зарубежных, так и отечественных экономистов [Бобков В.Н., 2017, 1, с. 7-16; Бобков и др., 2015, 6; Джумамбаев С.К., 2017, 3, 188 с.; Стэндинг Г., 2014, 11; Green Paper, 2006, 13; Herrman Peter, 2016, 14]. Комплексные подходы к регламентации нестандартных видов занятости представлены в монографии «Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда, изданной в 2017 году [Бобков и др., 2017, 5, 560 с. 560 с.]. И, хотя большинство из опубликованных работ посвящено проблеме прекаризации занятости, следует отме-

тить, что гибкая и неустойчивая занятость тесно переплетаются между собой и поэтому вопросы их регулирования имеют общую основу.

Необходимо особо отметить, что мнения многих экспертов сводятся к тому, что разрешение и официальная легализация гибких и смешанных форм занятости будет способствовать повышению конкурентоспособности в условиях нестабильных экономик. С практической точки зрения это означает отмену жестких и неоправданных ограничений применения гибких форм занятости. Кроме того, эксперты предвидят изменения на международном рынке труда, связанные с тем, что северное полушарие с развитой экономикой, но стареющим населением, будет компенсировать нехватку талантов с помощью южного полушария с развивающимися рынками и молодым динамичным приростом населения. На этой основе они призывают правительства стран провести соответствующие реформы, чтобы запустить экономические системы, эффективные в новых рыночных реалиях [Электронный ресурс, 15].

Как свидетельствует практика, в отдельных развитых странах Европы начались предприниматься небезуспешные, на наш взгляд, попытки законодательного регулирования гибких форм занятости на основе двух основополагающих подходов:

- легализации действующим трудовым законодательством отдельных форм гибкой занятости;
- активного использования социального диалога между представителями работодателей и наемных работников в национальном, отраслевом, территориально-отраслевом уровнях, а также в масштабах предприятия путем включения в коллективные договоры и соответствующие соглашения возможностей применения гибких форм [Электронный ресурс, 16].

В этой связи особую актуальность вызывает исследование практики регулирования гибкой занятости в постсоветских странах, к числу которых относится Республика Казахстан.

Практика законодательного регулирования гибкой занятости в Казахстане

В своей деятельности законодательные и исполнительные органы республики основываются на соблюдении международных трудовых норм, принятых Международной организацией труда (МОТ). МОТ, признавая объективный характер гибкой и неустойчивой, а также неформальной занятости, тем не менее, призывает страны мирового сообщества придерживаться требований конвенций и основных положений соответствующих

рекомендаций МОТ. При этом основная их направленность состоит в разработке активной политики занятости в целях обеспечения полной, продуктивной и свободно избранной занятости, как это предусматривает Конвенция МОТ «Политика в области занятости» № 122, принятая в 1964 [Конвенция МОТ 122, 1994, 4, с. 23-24]. Такая позиция нашла свое подтверждение и в принятой в 2015 году Рекомендации МОТ № 204 «Рекомендации о переходе от неформальной к формальной экономике», в которой продекларировано следующее: «Преследуя цель создания качественных рабочих мест в формальной экономике, члены Организации должны формировать и проводить в жизнь национальную политику в сфере занятости в соответствии с Конвенцией 1964 года о политике в области занятости (122) и превратить задачу обеспечения полной, достойной, продуктивной и свободно избранной занятости в главную цель своей национальной стратегии или национального плана развития и роста» [Электронный ресурс, 17].

Анализ трудового законодательства следует, очевидно, начать с того, что в Казахстане оно предоставляет право работодателю по соглашению с работником устанавливать так называемое неполное рабочее время, под которым подразумеваются:

- сокращение нормы часов работы в смену;
- уменьшение количества рабочих дней в неделе;
- одновременное применение двух вышеназванных условий неполной работы.

Примечательно, что при этом каких-либо минимально допустимых величин ежедневной или еженедельной работы законом не установлено. Это, по сути, означает, что работодатель может установить для работника, например, двухчасовой рабочий день или двухдневную рабочую неделю. Установленное же в законе ограничение о том, что применение подобного режима рабочего времени может быть установлено только по соглашению с работником, легко преодолимо из-за недостаточной развитости профсоюзного движения в стране. Правда, кодекс допускает оговорку, что работа на условиях неполного рабочего времени не влечет для работника ограничений в продолжительности оплачиваемого трудового отпуска, исчисления трудового стажа и других прав в сфере труда [Трудовой кодекс РК, 2016, 12, с. 22]. Однако подобные затраты для работодателя ввиду их незначительности, несопоставимы с затратами на оплату труда. Следовательно, исходя из представленной нормы трудового законодательства республики, можно предположить, что

применительно к наемным работникам работодатель имеет право применять практически любые формы гибкой занятости.

Кроме того, на сегодняшний день в Трудовом кодексе Республики Казахстан регламентируются и другие формы гибкой занятости, а именно:

- сезонные работы;
- домашние работники;
- надомная работа;
- дистанционная работа [12, с. 34-35].

Каждый из приведенных видов занятости регламентируется законодательством в соответствии со спецификой выполняемой работы. Например, для надомных работников в трудовом договоре предписано оговаривать следующие основные условия:

- какие виды работ будут выполняться с применением оборудования и материалов, принадлежащих работнику, а какие – выделяемых работодателем;
- порядок и сроки обеспечения работника необходимыми материалами для выполнения работы;
- выплата компенсационных и иных выплат работнику.

Применительно к дистанционным работникам кодексом определено применять так называемый фиксированный учет рабочего времени, соблюдение которого должно быть оговорено в заключенном трудовом договоре.

Дистанционная работа в законодательстве характеризуется тем, что ее выполнение может осуществляться средствами коммуникаций, принадлежащих как работодателю, так и работнику. Во втором случае работодатель компенсирует все расходы, размер которых определяется по соглашению с работником [12, с. 35].

Для отдельных из вышеперечисленных категорий работников закон оговаривает специфический порядок расторжения трудового договора. К примеру, сроки письменного предупреждения о таком расторжении договора с домашним работником устанавливаются этим же договором. Применительно к сезонным работникам трудовой договор, помимо предусмотренных для всех видов занятости случаев, может быть расторгнут по следующим дополнительным обстоятельствам:

- при возникновении у работодателя особых обстоятельств, приведших к приостановке работ более 14 дней;
- отсутствия работника на рабочем месте более одного месяца по причине временной нетрудоспособности [12, с. 34].

Для других категорий работников с гибкими формами занятости каких-либо особенных усло-

вий прекращения трудовых отношений законодательством не предусмотрено, поэтому можно предполагать, что расторжение трудового договора с ними производится на общих основаниях.

Как видно, все вышеперечисленные виды гибкой занятости в соответствии с требованиями трудового законодательства страны предусматривают заключение трудового договора. Разумеется, на практике такое условие, как правило, не соблюдается, однако наметившиеся попытки отрегулировать данные виды занятости заслуживают одобрения.

Определенные действия по регулированию отдельных элементов гибких форм занятости нашли отражение в других законодательных актах страны. Так, в законе «О занятости населения», принятом в 2016 году с дополнениями и изменениями, нашло отражение понятие «свободно избранная занятость», под которой понимается «деятельность граждан страны, оралманов, иностранцев и лиц без гражданства, проживающих в Республике Казахстан, выбранная ими путем свободного распоряжения своими способностями к труду, выбора профессии и рода деятельности» [Закон РК «О занятости населения», 7]. В принципиальном плане это существенно расширяет границы применения гибких форм занятости, ограниченные трудовым законодательством республики. Одновременно с этим в данном законодательном акте содержится понятие «аутсорсинг услуг в сфере занятости», что, по сути, законодательно разрешает применение одной из важнейших форм заемного труда [Закон РК «О занятости населения», 7].

Таким образом, можно констатировать, что действующее законодательство Республики Казахстан, сохраняя приверженность традиционным формам трудовых отношений, тем не менее, расширяет легитимность отдельных видов гибкой занятости. При этом обращает на себя внимание тот факт, что ни в одном из вышеназванных актов не присутствует такая самая многочисленная категория работников, как самозанятые работники, численность которых в 2017 году составила 24,4% от занятого населения и 32,4% – от работников по найму. Как представляется, исходя из статуса и характера труда самозанятых, данная категория работников относится к прекариату. Если же принять во внимание, что отличительной чертой гибких форм занятости является отработанное рабочее время, отличное от установленных стандартов, то самозанятые вполне могут быть отнесены к категории работников с гибкой занятостью. Такой вывод во многом коррелируется с положениями правительственного постановле-

ния, принятого в 2016 году, в котором утверждена программа по развитию продуктивной занятости и массового предпринимательства. Участниками данной программы являются безработные, молодежь до 29 лет, сокращаемые работники и **самозанятые** (выделено нами – С.Б.). Для них предусмотрена реализация следующих направлений:

- «краткосрочное профессиональное обучение по востребованным на рынке труда профессиям и навыкам;
- обучение основам предпринимательства по проекту «Бастау Бизнес»;
- поддержка предпринимательских инициатив;
- содействие в обеспечении занятости безработных и самозанятых;
- социальная профессиональная ориентация» [Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 года № 919, 9].

Как видно, данная программа относит самозанятых к социально уязвимым слоям населения с неустойчивой и гибкой занятостью.

Вышеизложенное дает основания предполагать, что действующее в Республике Казахстан законодательство в части регламентации применения гибких форм занятости носит в определенной степени противоречивый характер. С одной стороны, государство, придерживаясь требований международных трудовых норм, определенных МОТ, формально выступает за стандартную (традиционную) форму трудовых отношений, основанной на принципах полной занятости. Однако, с другой стороны, трудовое законодательство фактически предусматривает возможность применения на практике неполной занятости наемных работников, предусматривающей применение и сокращенного рабочего дня и сокращенной рабочей недели. Одновременно с этим до настоящего времени не отрегулированы проблемы с самозанятым населением.

Коллективно-договорное регулирование гибких форм занятости

Как показывает опыт индустриально развитых стран в регулировании гибких форм занятости значительную роль играет система социального диалога (социального партнерства). На практике такая система предназначена для улучшения положения работников по сравнению с нормами трудового законодательства. В Республике Казахстан социальное партнерство в основном реализуется на основе разработки и заключения генеральных, отраслевых и региональных трехсторонних соглашений по регулированию социальных-трудовых отношений. В

соответствии с действующим законодательством в генеральных соглашениях среди других основных направлений должны быть приняты договоренности о развитии рынка труда и содействии эффективности занятости населения. Применительно к региональным соглашениям законодательство обязывает отражать в них согласованные договоренности о мерах, обеспечивающих эффективную занятость и снижение численности безработных.

В трехстороннем генеральном соглашении, заключенном на 2018-2020 годы, вопросам регулирования занятости населения посвящен целый раздел. Однако согласованных конкретных мер по регламентации каких-либо форм гибкой занятости в нем не содержится. Единственное, на что стоит обратить внимание, это обязательство правительства о «...принятии дорожной карты по формализации самозанятых лиц и выработке комплекса системных и тактических мер для легализации трудовых отношений и сокращения неформальной самозанятости населения» [Генеральное соглашение между Правительством Республики Казахстан, республиканскими объединениями работников и республиканскими объединениями работодателей на 2018-2020 годы, 2018, 2, с. 9-10]. Об отношении социальных партнеров и, главным образом, профсоюзов, к гибким формам занятости в данном соглашении не сказано ни одного слова.

Аналогичная картина складывается и при изучении содержания региональных соглашений. Так, в региональном соглашении, заключенном по городу Алматы, стороны договорились принимать меры по обеспечению эффективности различных форм регулирования занятости, включая принятие мер по переходу от неформальной к формальной занятости. Кроме того, в нем отражены обязательства сторон по обеспечению продуктивной занятости на основе изучения положения на городском рынке труда и разработки прогноза соотношения между спросом и предложением рабочей силы без какой-либо конкретизации [Региональное соглашение между акимом города Алматы, территориальным объединением профсоюзов «Алматинский союз профсоюзов», территориальным объединением профсоюзов «Профсоюзный центр города Алматы», Палатой предпринимателей города Алматы на 2018-2020 годы, 2018, 10, с. 13].

Практически отсутствуют договоренности в сфере применения гибких форм занятости между сторонами социального партнерства и абсолютном большинстве отраслевых соглашений. Такое положение в основном обусловлено тем обстоя-

тельством, что в трудовом законодательстве не предусмотрено отражать эти вопросы в таких соглашениях. Исключение составляет соглашение, заключенное в горно-металлургическом комплексе республики. В частности в нем предусмотрено обязательство работодателей принимать акты с учетом мнения профсоюзов при введении режима неполного рабочего времени. Кроме того, работодатели при наличии производственных возможностей обязаны создавать беременным женщинам, также работникам, воспитывающим детей в возрасте до трех лет, условия для работы в режиме гибкого рабочего времени по их письменному заявлению [Отраслевое соглашение между профсоюзами работников горно-металлургической промышленности, Республиканской ассоциацией горно-добывающих и горно-металлургических предприятий и Министерством по инвестициям и развитию Республики Казахстан на 2018-2020 годы, 2018, 8, с. 15, 18].

На основе проведенного анализа можно сформулировать вывод о том, что возможности коллективно-договорного регулирования проблем, связанных с применением гибких форм занятости, используются далеко не полностью. Не следует забывать, что система социального диалога между государственными органами, объединениями работодателей и работников призвана, как отмечалось выше, в первую очередь улучшать положение работников по сравнению с трудовым законодательством, поэтому вполне логично было бы предположить, что в соглашениях разного уровня должны содержаться именно такие договоренности. В первом приближении, в генеральных соглашениях вполне целесообразными могли бы выглядеть договоренности между соци-

альными партнерами о введении определенных ограничений при введении работодателями практики неполного рабочего времени. К подобного рода ограничениям, к примеру, можно отнести установление минимально допустимой продолжительности рабочего дня 4 часа, а рабочей недели – 3-4 рабочих дня. Аналогичного рода договоренности, на наш взгляд, должны содержаться в отраслевых и региональных соглашениях. В конечном счете, все эти согласованные договоренности закрепляются в коллективных договорах, с учетом особенностей функционирования каждого конкретного предприятия.

Выводы

Исследование практики законодательного и коллективно-договорного регулирования гибких форм занятости дает основания утверждать, что действующие законы разрешают работодателям применять практически все возможные формы такой занятости, за исключением аутстаффинга, лизинга и подбора временного персонала. С другой стороны, в разного уровня соглашениях, принятых в рамках действующей системы социального партнерства (генеральных, отраслевых, региональных), вопросы на исследуемую тему практически не рассматриваются, что ставит под сомнение эффективность социального диалога по данной проблематике.

Как представляется, эффективная регламентация гибкой занятости требует более взвешенного подхода, основанного на тщательном исследовании позитивных и негативных сторон данного явления, выявления численности работников, вынужденно занятых данной формой, включая самозанятое население.

Список литературы

1. Бобков В.Н. Неустойчивая занятость в формальной экономике России – Основная причина неформальной занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1 (203). С. 7-16.
2. Генеральное соглашение между Правительством Республики Казахстан, республиканскими объединениями работников и республиканскими объединениями работодателей на 2018-2020 годы // Труд в Казахстане: проблемы, факты, комментарии. 2018. № 2. С. 7-18.
3. Джумамбаев С.К. Прекаризация занятости: теоретико-методологические аспекты и казахстанская практика: монография / С.К. Джумамбаев. Алматы: Қазақ университеті, 2017. 188 с.
4. Конвенция № 122. Политика в области занятости (1964). Резюме международных трудовых норм. Второе издание (перевод с французского). Женева: Международное бюро труда, 1994. 136 с.

References

1. Bobkov V.N. Neustoychivaya zanyatost' v formal'noy ekonomike Rossii – Osnovnaya prichina neformal'noy zanyatosti // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2017. № 1 (203). P. 7-16.
2. General'noye soglasheniye mezhdru Pravitel'stvom Respubliki Kazakhstan, respublikanskimi ob'yedineniyami rabotnikov i respublikanskimi ob'yedineniyami rabotodateley na 2018-2020 gody. - // Trud v Kazakhstane: problemy, fakty, kommentarii. 2018. № 2. P. 7-18.
3. Dzhumambayev S.K. Prekarizatsiya zanyatosti: teoretiko-metodologicheskiye aspekty i kazakhstanskaya praktika: monografiya / S.K. Dzhumambayev. – Алматы: K, azak, unisiteti, 2017. – 188 p.
4. Konventsiya № 122. Politika v oblasti zanyatosti (1964). – Rezyume mezhdunarodnykh trudovykh norm. Vtoroye izdaniye (perevod s frantsuzskogo). – Zheneva: Mezhdunarodnoye byuro truda, 1994 – 136 p.

5. Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда: Монография / Главный научный редактор д.э.н. проф. В.Н. Бобков. Редакционный коллектив: Альхименко О.Н., Квачев В.Г., Колмаков И.Б., Локтюхина Н.В., Мешков В.Р., Новикова И.В., Одегов Ю.Г., Одинцова Е.В., Павлова В.В., Шичкин И.А. М.: Изд-во РеалПринт, 2017. 560 с.
6. Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества / Главный научный редактор В.Н. Бобков. Редакционный коллектив: Артамонов Г.Н., Локтюхина Н.В., Панина Т.А., Рожков В.Д. М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2015.
7. «О занятости населения» Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 482- V- ЗРК. Интернет ресурс: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000482>. Дата обращения – 11.07.2018
8. Отраслевое соглашение между профсоюзами работников горно-металлургической промышленности, Республиканской ассоциацией горно-добывающих и горно-металлургических предприятий и Министерством по инвестициям и развитию Республики Казахстан на 2018-2020 годы // Труд в Казахстане: проблемы, факты, комментарии. 2018. № 4. С. 14-22.
9. Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 года № 919 «Об утверждении Программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017-2021 годы, внесении изменения и дополнения в постановление Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2015 года № 1136 «Об утверждении перечня правительственных программ и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Казахстан». Интернет ресурс: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=36574337. Дата обращения – 03.08.2018
10. Региональное соглашение между акиматом города Алматы, территориальным объединением профсоюзов «Алматинский союз профсоюзов», территориальным объединением профсоюзов «Профсоюзный центр города Алматы», Палатой предпринимателей города Алматы на 2018-2020 годы // Труд в Казахстане: проблемы, факты, комментарии. 2018. № 4. С. 10-19.
11. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
12. Трудовой кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК. // Труд в Казахстане: проблемы, факты, комментарии. 2015. № 12. С. 2-58.
13. Green Paper. Modernising labour law to meet the challenges of the 21 st century. Commission of the European communities Brussels, 2006.
14. Herrman Peter, 2016: Social Quality – Regaining Political Economy; International Journal for Social Quality, 6 (1), Summer: 88-107.
15. Электронный ресурс: http://achaz.ru/press_center/128/. Дата обращения – 06.06.2018
16. Электронный ресурс: <http://www.dissercat.com/content/gibkaya-zanyatost-v-ekonomike-razvitykh-stran-prichiny-formy-effektivnost>. Дата обращения – 20.06.2018
17. Электронный ресурс: <http://docplayer.ru/34357228-Rekomendaciya-o-perehode-ot-neformalnoy-k-formalnoy-ekonomike.html>. Дата обращения – 19.07.2018
5. Neustoychivost' zanyatosti: mezhdunarodnyy i rossiyskiy konteksty budushchego sfery truda: Monografiya / Glavnyy nauchnyy redaktor d.e.n. prof. V.N. Bobkov. Redaktsionnyy kollektiv: Al'khimenko O.N., Kvachev V.G., Kolmakov I.B., Loktyukhina N.V., Meshkov V.R., Novikova I.V., Odegov YU.G., Odintsova Ye.V., Pavlova V.V., Shichkin I.A. M.: Izd-vo RealPrint, 2017. – 560 c.
6. Neustoychivost' zanyatosti (prekarizatsiya): osobennoye i obshcheye s uchetom integratsionnykh usilii gosudarstva i obshchestva. / Glavnyy nauchnyy redaktor V.N. Bobkov. Redaktsionnyy kollektiv: Artamonov G.N., Loktyukhina N.V., Panina T.A., Rozhkov V.D. - M.: Izdatel'skiy Dom MAGISTR-PRESS, 2015.
7. «O zanyatosti naseleniya» Zakon Respubliki Kazakhstan ot 6 aprelya 2016goda № 482- V- ZRK <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000482>. Date of access - 11.07.2018
8. Otrasleye sglasheniye mezhdru profsoyuzami rabotnikov gorno-metallurgicheskoy promyshlennosti, Respublikanskoj assotsiatsiyey gorno-dobyvayushchikh i gorno-metallurgicheskikh predpriyatij i Ministerstvom po investitsiyam i razvitiyu Respubliki Kazakhstan na 2018-2020 gody. - // Trud v Kazakhstane: problemy, fakty, kommentarii. – 2018. - № 4. – P. 14-22.
9. Postanovleniye Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 29 dekabrya 2016 goda № 919 «Ob utverzhdenii Programmy razvitiya produktivnoy zanyatosti i massovogo predprinimatel'stva na 2017-2021 gody, vnesenii izmeneniya i dopolneniya v postanovleniye Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 30 dekabrya 2015 goda № 1136 «Ob utverzhdenii perechnya pravitel'stvennykh programm i priznanii utrativshimi silu nekotorykh resheniy Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan». http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=36574337. Date of access – 03.08.2018
10. Regional'noye sglasheniye mezhdru akimatom goroda Almaty, territorial'nym ob'yedineniyem profsoyuzov «Almatinskiy soyuz profsoyuzov», territorial'nym ob'yedineniyem profsoyuzov «Profsoyuznyy tsentr goroda Almaty», Palatoy predprinimateley goroda Almaty na 2018-2020 gody. - // Trud v Kazakhstane: problemy, fakty, kommentarii. – 2018. - № 4. – P. 10-19.
11. Stending G. Prekariat: novyy opasnyy klass. – M.: Ad Marginem Press, 2014. – 328 p.
12. Трудовой кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК. – // Труд в Казахстане: проблемы, факты, комментарии. – 2015. - № 12. – P. 2-58.
13. Green Paper. Modernising labour law to meet the challenges of the 21 st century. Commission of the European communities Brussels, 2006.
14. Herrman Peter, 2016: Social Quality – Regaining Political Economy; International Journal for Social Quality, 6 (1), Summer: 88-107.
15. Electronic resource http://achaz.ru/press_center/128/ Date of access – 06.06.2018
16. Electronic resource <http://www.dissercat.com/content/gibkaya-zanyatost-v-ekonomike-razvitykh-stran-prichiny-formy-effektivnost>. Date of access - 20.06.2018
17. Electronic resource <http://docplayer.ru/34357228-Rekomendaciya-o-perehode-ot-neformalnoy-k-formalnoy-ekonomike.html>. Date of access - 19.07.2018

Концепция антикризисного регулирования социально-трудовых отношений (СТО) несостоятельных предприятий в системе кластеризации экономики

Concept of Anti-Recessionary regulation of the Social and Labor Relations of Insolvent Enterprises in the System of an Economy Clustering

Получено 18.10.2018 Одобрено 30.10.2018 Опубликовано 30.11.2018 УДК: 331.104.2 DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10036

МАЦКУЛЯК ИВАН ДМИТРИЕВИЧ

Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики Государственного университета управления; президент фонда «Экономика»
Email: mid48@mail.ru

МАЦКУЛЯК ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

кандидат экономических наук, генеральный директор ООО «Юкон Лайн»
Email: midio@mail.ru

НАГДАЛИЕВ НЕЙМАТ ЗЕЙНАЛ-ОГЛЫ

кандидат экономических наук, консультант фонда «Экономика»
Email: n_n_zed@mail.ru

MATSKULYAK, ID

Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic theory and World Economy at the State University of Management; President of the Ekonomika Fund
Email: mid48@mail.ru

MATSKULYAK, DV

PhD in Economics, Director General of the Yukon Line, LLC
Email: midio@mail.ru

NAGDALIYEV, NZ

PhD in Economics, Consultant of the Ekonomika Fund
Email: n_n_zed@mail.ru

Аннотация

Объект исследования. Несостоятельные (предкризисные, кризисные, посткризисные) предприятия в промышленности России и кластеры, в условиях которых они функционируют. **Предмет исследования.** Социально-трудовые отношения (СТО), возникающие в ходе антикризисного регулирования несостоятельных (убыточных) предприятий промышленности.

Цель исследования. Формирование концепции антикризисного регулирования СТО несостоятельных предприятий в системе кластеризации экономики.

Основные положения статьи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления несостоятельности предприятий промышленности России, их вывода на эффективную траекторию развития. Гипотеза исследования состоит в том, что соединение финансово-экономических возможностей бизнеса, науки, образования, институтов и органов власти, входящих в соответствующий кластер определённой территории, включая несостоятельные структуры, позволяет преодолеть кризисное состояние последних. Авторами предлагается концепция антикризисного регулирования СТО несостоятельных предприятий в системе кластеризации экономики. Предлагаемые в публикации подходы позволяют представить структуру концепции, составляющими частями которой являются: миссия, цель, задачи, объект, категории занятых и работодателей, предметные области и результаты. Даны их характеристики. Обращается внимание на то, что для антикризисного регулирования СТО, наряду с наёмными работниками, важно рассматривать соответствующие кластеры, их руководящие органы, включающие как минимум уровень муниципальных образований, а также предпринимателей и хозяйственников – работодателей, собственников средств и условий кластерного производства, которые призваны активно противостоять кризисным тенденциям. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в качестве теоретико-методологической и практической основы и противостояния, и упреждения появления несостоятельных предприятий в промышленности страны. Сформулированные рекомендации о трансформации отраслевого регулирования в территориально-отраслевое регулирование могут быть ориентирами государственной

Abstract

The Object of the Study. Insolvent (pre-crisis, crisis, post-crisis) enterprises in the industries of Russia and clusters in the conditions of their function.

The Subject of the Study. The Social and Labour Relations (SLR) arising during the anti-recessionary regulation of the insolvent (unprofitable) enterprises of the industry.

The Purpose of the Study. The article deals with the problems of forming the concept of anti-recessionary regulation of the SLR of insolvent enterprises in the system of an economy clustering.

The Main Provisions of the Article. The relevance of a research is caused by the need to address the insolvency of the enterprises of the industry of Russia, their conclusion to an effective trajectory of development. The hypothesis of a research consists that the connection of financial economic opportunities of business, sciences, educations, the institutes and authorities joint in the corresponding cluster of a certain territory, including insolvent structures, allows to overcome their crisis state. Authors offer the concept of anti-recessionary regulation of the SLR of insolvent enterprises in the system of an economy clustering. The approaches offered in the article allow to present the structure of the concept, that comprises: the mission, goal, tasks, object, categories of occupied and employers, subject domains and results, their characteristics given. The attention is paid to the fact that for anti-recessionary regulation of the SLR, along with hired workers, considering the corresponding clusters, their governing bodies including at least a level of a municipal formation and also business owners and business executives – employers, assets owners and conditions of cluster production, calling to resist to crisis tendencies actively is very important. Basic provisions and conclusions of article could be used as a theoretical, methodological and practical basis and opposition, as well as anticipation to emerging the insolvent enterprises in the industry of the country. The formulated recommendations of transformation of the branch regulation into a territorial and branch regulation could be reference points for state policy on development of regional economy through the integration of crisis structures, research and educational organizations, high-tech productions, institutes of development and the state (municipal) power authorities. That will give a powerful impulse

политики по развитию региональной экономики через интеграцию кризисных структур, научно-исследовательских и образовательных организаций, высокотехнологических производств, институтов развития и органов государственной (муниципальной) власти. Это даст мощный импульс для модернизации антикризисного воспроизводства и роста при этом конкурентоспособности бывших несостоятельных предприятий в условиях их кластеризации в конкретных регионах.

Ключевые слова: концепция; СТО, их особенности; антикризисное регулирование; кризис; системный, комплексный подход; индивидуальный и совокупный работники; кластер; финансовая устойчивость, несостоятельность.

for modernizing the anti-recessionary reproduction and at the same time growth of competitiveness of the former insolvent enterprises in the conditions of their clustering in concrete regions.

Keywords: the concept; social and labour relations; anti-recessionary regulation; a crisis; a risk; a system; an integrated approach; individual and cumulative workers; a cluster; financial stability; insolvency.

Введение

Преодоление кризисных явлений или хотя бы их минимизация в современной рыночной экономике, особенно в её несостоятельных предприятиях, невозможны без соответствующего регулирования общественного производства, складывающихся в нём социально-трудовых отношений (СТО) [Мацкуляк И. Д., 2014, 6, с. 244-271]. Изучение данного феномена подтверждает, что он представляет собой многоуровневое явление, поэтому при формировании концепции антикризисного регулирования СТО важно различать, как минимум, пять уровней, а именно: страны (общества, государства); региона (субъекта федерации); муниципального образования, или размещённого в его пределах поселения; собственно предприятия; и индивидуального предпринимателя. Все они взаимосвязаны. Каждый влияет на другие, ощущая и воспринимая их воздействие на себе. Будучи однотипными в своей основе, каждый из них состоит, выражаясь образно, из одного и того же строительного материала – СТО, комбинации и дозировка которых в той или иной части различны.

Вместе с тем каждому уровню СТО присущи определённые особенности, проявляющиеся только в его условиях. Любой конкретный уровень СТО предполагает наличие ряда необходимых компонент: материальных условий производства, экономических субъектов, определённых форм собственности, форм хозяйствования, экономических связей, противостоящих возникающим (или потенциальным) предкризисным или кризисным угрозам и опасностям, или посткризисным рискам и т. п.

Материальные условия общественного производства – это, в первую очередь, материальные, трудовые и финансовые ресурсы. Экономические субъекты – различные предприятия, организации и учреждения, их трудовые коллективы и работ-

ники, соответствующие юридические и физические лица, а также структурные подразделения основного звена экономики. К экономическим субъектам относятся органы государственной и муниципальной власти, а также местного самоуправления, включая их руководящие структуры. Многообразие форм и видов собственности определяет формы хозяйствования (предпринимательства), применяемые национальной практикой. Система экономических связей складывается в трудовых коллективах и между ними, а также между ими и вышестоящими структурами. Нередко она требует регулирования, которое охватывает все слои СТО. Среди них культивируются такие отношения, которые ряд авторов условно называет *общими*, проявляющимися на всех её уровнях. Другая часть отношений в их характеристике обозначается как *особая* в виду её распространения не на все, а только на некоторые уровни регулирования. И, наконец, третью часть отношений регулирования по праву характеризуют как *специфическую*. Она присуща конкретному уровню СТО [Мацкуляк Д.И., 2016, 4, с. 29]. При этом следует иметь в виду, что в рассматриваемой совокупности экономических связей «первую скрипку» играют специфические отношения. Именно от них зависит проявление как особых, так и общих связей, а значит и эффективность предпринимаемых мер и их воздействия на СТО.

Теория

Антикризисное регулирование СТО на каждом уровне представляет собой определённую систему социально-трудовых элементов, которые обладают лишь им присущими качествами, чертами. Последние находятся между собой в определённой иерархии. Это значит, что каждый конкретный уровень регулирования СТО отличается от других. Вместе с тем, несмотря на однотипность, взаимозависимость разных уровней

регулирования СТО, при разработке концепции требуется их конкретизация на каждом уровне, а также учёт особенностей любого из них.

Каждый уровень регулирования СТО обладает относительной самостоятельностью и, поэтому, может исследоваться в отдельности, независимо от других уровней. Однако при дальнейшем углублении научного поиска обнаруживается его ограниченность. Возникнет необходимость в системном подходе, позволяющем обнаружить причинно-следственную связь между отдельными уровнями всей совокупной целостности СТО. И, наконец, антикризисному регулированию СТО как совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных уровней свойственна внутренняя дифференциация, качественная разнородность. Она обладает активностью, способна к самодвижению и саморазвитию.

Следовательно, антикризисное *регулирование СТО* – это диалектически взаимосвязанная совокупность разнородных уровней социально-трудовых отношений и их элементов, обладающих относительной самостоятельностью и качественным своеобразием, взаимодействие между которыми конституирует её как особую органическую целостность, способную в силу присущих ей внутренних противоречий к самодвижению и саморазвитию. Устойчивая связь, взаимозависимость и взаимообусловленность составляющих уровней СТО и их элементов образуют её структуру, вне которой она существовать не может.

Успешное функционирование СТО, а тем более их антикризисное регулирование невозможно без определённых принципов, роль и значимость которых определяются как учёными, так и практиками неоднозначно. Речь идёт о таких основных принципах как: принцип системности; принцип комплексности; принцип актуальности; принцип непрерывности; принцип преемственности; принцип саморазвития; принцип опережающего развития; и принцип эффективности [Вела У.Т., 2017, 1, с. 83-84].

В связи с этим понятие и структура «регулирование СТО» трактуется ими по-разному. Во всяком случае, с данных позиций их можно воспринимать как чисто абстрактно-теоретическое построение, при помощи которого характеризуется способ организации трудового коллектива в любом общественном производстве.

Согласно этому способу формируется «трудо-вой дух», охватывающий три основных элемента: трудовую психологию, трудовой порядок и конкретную технику, которая соответствует определённой технологии производства. Опираясь на выводы В. Зомбарта, исследовавшего обозначен-

ный аспект [Зомбарт В., 2005, 2], А. Шпитгофф сформировал понятие «хозяйственного стиля». Он выделил пять его элементов, среди которых: хозяйственный дух, природные и технические компоненты, общественная и хозяйственная конституции, а также хозяйственный процесс [Шпитгофф А., 1952, 12; Шпитгофф А., 1953, 13]. Основоположник неолиберализма В. Ойкен рассматривал «хозяйственный порядок» как реально-типичное понятие, в котором предприятия и домашние хозяйства связаны друг с другом. Он определял его как совокупность реализованных форм, в которых протекает конкретный хозяйственный процесс [Ойкен В., 1996, 10]. Полагаем, что в зависимости от состояния и эффективности существующего хозяйственно-трудового порядка и осуществляется регулирование СТО, включая и его антикризисное направление.

Иначе характеризует соответствующую структуру американский экономист венгерского происхождения Я. Корнай. Он, в частности, полагает, что институты, создание которых индуцируется предприятиями (организациями), являются компонентами экономической системы [Корнай Я., 2012, 3]. На наш взгляд, таковой выступает и антикризисное регулирование СТО. Тем более, что трудовой коллектив – это кооперация работников, которые в рамках ограниченных правами деятельности выполняют определённые функции. Последние образуют базисные элементы предприятий, их трудовых коллективов и возникающих внутри и вне их СТО. Экономическое поведение субъектов рынка осуществляется согласно определённым закономерностям, включая получение информации о необходимости их регулирования. Взаимодействие данных субъектов благодаря потоку информации образует основу функционирования и регулирующего развития СТО. Информационный поток ощущается двояко. С одной стороны, он, отражая особую реальность, в которой находятся рыночные субъекты, движутся потоки товаров, характеризуется отношениями по поводу материально-физических составляющих. С другой – в виде контроля, охватывающего информационные потоки (наблюдение, передача информации и её обработка), выражающие их контрольный характер.

По-другому будет выглядеть антикризисное регулирование СТО, если к его характеристике применить подход других американских экономистов Е. Нойбергера и В. Даффи. Они обосновали собственную идею о принятии решений, с помощью которой определяют конкретную систему как общественно признанный механизм. Благодаря ему возможно решение, принимаемое

в процессе производства, распределения и потребления товаров [Нойбергер Е., Даффи В., 1976, 15]. Учитывая, что антикризисное регулирование СТО подпадает под данную характеристику, то этот механизм, собственно, и определяет, кто, когда, где и для кого обязан принимать не только хозяйственные решения, но и действия, обеспечивающие модернизацию СТО. При этом указанные учёные выделяют три подсистемы: а) принятия решений, которая охватывает правила, закрепляющие и распределяющие права по принятию решений среди индивидуумов и хозяйственных единиц. Особую роль здесь играет порядок собственности, который предопределяет характер отношений между хозяйствующими субъектами. В зависимости от конкретных форм собственности эти отношения могут быть как отношениями подчинения, так и отношениями хозяйственного стимулирования и авторитета; б) информационную, включающую в себя совокупность механизмов и каналов по сбору, обработке, хранению, использованию, передаче и обратному контролю экономической информации. Её главная функция состоит в согласовании и координации хозяйственных решений. Среди координационных механизмов выделяются иерархический (вертикальный), характеризующийся как механизм планирования, и горизонтальный, то есть рыночный механизм; в) мотивационную, охватывающую все правила и механизмы, которые обеспечивают практическую реализацию хозяйственных решений. В качестве форм мотивации, наряду с духовными и материальными стимулами к труду, традицией, лояльностью и т. д., рассматривается также принуждение [Нойбергер Е., Даффи В., 1976, 15].

Таким образом, антикризисное регулирование СТО можно рассматривать как сложноорганизованную структуру, в пределах которой происходит всё обновление связей и отношений. Процессы проектирования определённых действий в рамках антикризисного регулирования СТО, его осуществления на практике, как и в ходе производства, распределения и потребления, рассматриваются в виде важнейших составных частей данной совокупности. Особое значение важно при этом уделять изучению социально-экономической среды, под которой принято понимать достаточно широкий круг явлений. В него входят также люди со своими способностями, компетенциями, умениями, опытом, навыками, интересами и потребностями, природные и материальные хозяйственные ресурсы, технологические, политические и культурные информационные системы.

Аналогичные взгляды по рассматриваемому вопросу высказывает ряд других учёных. Так, на

базе идей Д. Норта можно выделить три компоненты антикризисного регулирования СТО – демографию, технологию и институты [Норт Д., 1997, 9]. В работах немецких исследователей Н. Лумана и Г. Ляйпольда их несколько. Природные и материальные элементы; человек как производитель и потребитель; экономические связи занятых в процессе производства, распределения, обмена и потребления; хозяйственный порядок, конституируемый обязательными в трудовом процессе правовыми и прочими правилами [Луман Н., 2004, 14].

Особое место в познании СТО и их антикризисного регулирования, при разработке соответствующей концепции, может занимать системная теория трудового порядка. Она вытекает из сформированной на основе интеграции теории принятия решений и теории хозяйственного порядка. Согласно данной теории, трудовой порядок – это совокупность осознанно создаваемых в процессе исторического развития и закрепляемых в традициях институционально-правовых правил, определяющих трудовое поведение людей. Среди форм проявления трудового порядка выделяются конституирующие формы – порядок собственности и порядок координации, а также прочие формы. Их множество: разделения, совмещения, интеграции, перемены труда, его экономии, повышения производительности, предпринимательства (хозяйствования), ценообразования, денежно-финансовый и др. [Мацкуляк Д.И., Мацкуляк И.Д., 2016, 5; Мацкуляк И.Д., 2014, 6; Мацкуляк Д.И., Мацкуляк И.Д., 2013, 7].

Вместе с тем полагаем, что изложенная характеристика затрагиваемых явлений не исчерпывает многообразие взглядов и специфики многообразия оттенков в трактовке структуры регулирования СТО. В мировой экономической литературе можно обнаружить и иные концептуальные подходы. С их учётом вполне очевидно, что, несмотря на имеющиеся различия в теоретической интерпретации отдельных элементов рассматриваемого регулирования СТО, и механизма его осуществления, все эти подходы опираются на методологию системного анализа.

В российской экономической науке регулирование СТО характеризуется в широком смысле слова. С учётом методологии системного (комплексного) анализа к числу её важнейших элементов действительно можно отнести широкий круг экономических явлений и процессов. Относительно же общественной хозяйственной (трудовой) психологии, обычаев, традиций и т. п. заметим: они также влияют на антикризисное регулирование СТО, хотя и не всегда носят экономический

характер. При этом в последние годы и им уделяется более пристальное внимание в исследованиях рынка труда, функционирования трудовых ресурсов, применения человеческого потенциала, чем прежде.

Несмотря на многообразие подходов в восприятии регулирования СТО, практика подтверждает, что в обществе нет консенсуса относительно эффективного противостояния сложностям и преодоления возникающих противоречий, особенно в кризисных рыночных условиях. Отсюда трудности в разработке концепции антикризисного регулирования СТО, её реализации на том или ином уровне. Уместно отметить, что концепция антикризисного регулирования СТО – это не какая-то подробная стратегия, или программа, или план её обеспечения, а, по сути, принципиальная позиция, замысел, совокупность взглядов, требований и условий функционирования определённой системы названного регулирования СТО на конкретном уровне.

Концепция

К основным элементам *концепции* антикризисного регулирования СТО, например, на уровне *предприятия* могут быть отнесены: мониторинг состояния СТО и необходимости их регулирования, особенно с антикризисным уклоном; антикризисное совершенствование норм и функций всех категорий занятых; перевод части работников на гибкий режим антикризисной организации труда; применения лучшего антикризисного опыта работы; повышение квалификации персонала с целью его вывода на более высокий уровень реализации сформированного им профессионализма; кластеризация СТО; внутренняя и внешняя конкурентная разведка; информационно-аналитическая работа по всем основным показателям; экспертиза механизма системы антикризисного регулирования СТО.

Если изложенную идею перенести на формируемую концепцию антикризисного регулирования СТО, акцентируя внимание на несостоятельных предприятиях (организациях), то её ключевые моменты можно представить в виде таблицы 1.

Важным моментом в ходе антикризисного регулирования СТО является переориентация многих управленческих решений от стратегических задач преодоления несостоятельности предприятий (организаций) к решению проблем оперативного характера по их выводу из кризисного состояния [Мацкуляк И. Д., Мацкуляк Д. И., 2013, 7]. Антикризисную стратегию, конечно же, нельзя отвергать совсем. Её следует предусматривать, как

минимум, с ориентацией на важнейшие опорные точки: а) временные – промежуточные этапы, б) технологические – конкретные блоки работы. И те, и другие целесообразно рассматривать с помощью определённых критериев – предполагаемых результатов деятельности.

При этом недостаточно в ходе антикризисного регулирования СТО ограничиться каким-то небольшим набором мер – ликвидировать вакансии, уволить часть работающих, другую их часть отправить в отпуск без сохранения заработной платы. А у оставшихся занятых повысить уровень знаний, расширить компетенции, усовершенствовать навыки и т. п. [Мацкуляк И.Д., 2004, 6, с. 203-221]. Важно, чтобы результатом антикризисного регулирования СТО стал рост производительности труда и организационные перемены [Норт Д., 1997, 9, с. 9-54], повышающие конкурентоспособность и эффективность деятельности предприятий, отраслей и комплексов, преодоление ими состояния банкротства, достижение финансовой устойчивости.

Поэтому цели деятельности предприятия (организации) в контексте антикризисного регулирования СТО формулируются так, чтобы показать: данные процессы могут улучшить функционирование кризисных структур путём достижения ими более высоких результатов работы. По сути, речь идёт о новой концепции антикризисного регулирования СТО несостоятельных предприятий. Она концентрирует *основное* внимание на процессах или *оперативных результатах* работы, и одновременно *лишь в определённой* мере – на способах, механизмах и институтах управления на базе *стратегических целей*. Придаёт значение совокупному влиянию обеих групп отношений на конечные антикризисные итоги функционирования предприятий (организаций), отраслей и комплексов.

Другое отличие концепции антикризисного регулирования СТО состоит в определении её объекта. В противовес знаниям, опыту и навыкам экономически активного субъекта, которые далеко не всегда могут отражать реальную потребность бизнеса, она выводит на первый план потенциал разных уровней – интеллектуализацию, «запас» знаний, способности, компетенции, мотивацию и поведенческие установки. Обращение к явным и скрытым возможностям субъектов создает мощный импульс к их активному участию в соответствующей деятельности, росту удовлетворенности трудом, и формированию на этой основе постоянной потребности в улучшении уровня и качества жизни.

Построение системной деятельности по антикризисному регулированию СТО на основе новой идеологии сочетания оперативного и стратеги-

Таблица 1

Концепция антикризисного регулирования СТО

Критерий	Характеристика
Миссия	Оптимизация СТО как стратегической основы экономических (производственных) отношений предприятий, отраслей и комплексов, а также кластеров – главного антикризисного преимущества современной российской экономики
Цель	Достижение такого состояния СТО, которое оптимизирует общественное производство и расходование при этом человеческого потенциала, позволяет индивидуальному и совокупному работнику успешно функционировать в условиях перемены экономики и обеспечивать антикризисную финансовую устойчивость предприятий, отраслей и комплексов на основе кластерного подхода
Задачи	<ul style="list-style-type: none"> • Формирование СТО, позволяющих индивидуальным и совокупным работникам на базе кластерного подхода добиваться антикризисной финансовой устойчивости предприятий, отраслей и комплексов • Оценка СТО, их носителей – индивидуальных и совокупных работников, деятельность которых осуществляется в нестабильных экономических условиях, и направлена, в т. ч. благодаря кластерному подходу, на достижение антикризисной финансовой устойчивости предприятий, отраслей и комплексов • Нарастивание среди предпринимателей и хозяйственников средств и условий производства, а также среди наёмных работников, участвующих в общественном производстве, интеллектуализации их деятельности, обеспечивающей через кластерную сеть антикризисное преодоление неустойчивости экономики
Объект	Неустойчивые (как правило) СТО на нестабильных предкризисных, кризисных и посткризисных предприятиях (в организациях), в отраслях и комплексах, их носители – индивидуальные и совокупные работники, а также кластеры, влияющие на антикризисное регулирование СТО
Категории занятых, в т. ч. работодателей	Все категории работающих, включая предпринимателей и хозяйственников – работодателей, в том числе собственников средств и условий производства всех структур, входящих в территориальные кластеры
Предметные области	<i>Оценка.</i> Наличие корпоративных, функциональных, управленческих свойств, качеств и черт неустойчиво занятых, а заодно работодателей – предпринимателей и хозяйственников; проблемы антикризисного регулирования ими СТО, их решение в ходе осуществляемой деятельности; результаты работы и их воздействие на эффективность подразделений предприятий (организаций), входящих в территориальные кластеры, а также отраслей и комплексов
	<i>Обучение.</i> Знания, навыки, опыт и компетенции, позволяющие индивидуальным и совокупным работникам добиваться на основе антикризисного регулирования СТО максимальной эффективности труда и устойчивости предприятий (организаций), отраслей и комплексов. Привитие работодателям нравственно-этических черт, ориентирующих их на соблюдение справедливых, объективных норм в антикризисном производстве
	<i>Продвижение.</i> Подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадрового резерва из числа занятых, способных замещать любые вакансии, требующих квалифицированных работников, включая управленческий персонал как по вертикали, так и по горизонтали; ключевой акцент – человеческий потенциал (интеллект, компетенции, навыки, опыт), направленный на антикризисное регулирование СТО в условиях инновационных территориальных кластеров
	<i>Мотивация.</i> Постоянная занятость; признание полезности и ценности работника для предприятия в ходе антикризисного регулирования СТО; вознаграждение работодателей за объективные и справедливые трудовые нормы занятости и высвобождения, а работников – за вклад в реализацию стратегии или проекта, экспертные знания, инициативу и принятие на себя ответственности за решение новых задач в кластерных условиях
Результат	Преодоление кризисного состояния, неустойчивости предприятий (организаций), способных эффективно функционировать вне кластеров на основе достижения лучших результатов индивидуального и коллективного регулирования СТО, повышение эффективности российской экономики

ческого подходов предполагает, во-первых, определение его предметной области и, во-вторых, реализацию консолидирующих принципов регулирования, среди которых принципы информационной открытости; превентивной оценки затрат; инициативы снизу; непрерывности; индивидуальной компенсации [Чуланова О.Л., 2014, 11, с. 24-25].

Более всего, по мнению авторов, таким подходам соответствует кластеризация тех территорий страны, где имеют место банкротства, несостоятельность предприятий (компаний), особо нуждающиеся в антикризисном регулировании СТО, общественного производства в целом. Речь идет о необходимости создания *инновационных территориальных кластеров (ИТК)*, которые представляют собой совместные проекты предприятий (компаний), научных и образовательных центров, институтов развития и местных властей по созданию на данной территории инновационной кластерной сети. Это сетевые структуры, которые не просто опираются на горизонтальные связи между предприятиями (компаниями) и прочими организациями, а наделены элементами самоорганизации, саморегулирования и межфирменной координации. Их деятельность нацелена на поддержание такой динамики взаимодействий, которая обеспечивает непрерывность инновационного процесса, ведёт к укреплению конкурентоспособности кластера, поэтому главная задача кластерной организации состоит в преодолении инновационных разрывов. Иначе говоря, речь идёт о налаживании взаимодействий внутренних связей в самом кластере (бизнес-наука – образование – институты – органы власти) и в сфере взаимоотношений кластера с внешней средой (региональный кластер – глобальный рынок) [Мацкуляк И.Д. и др., 2018, 8, с. 15].

Формирование ИТК – это прежде всего регулирование СТО, их совершенствование в новых условиях. Это один из самых важных векторов в развитии современной российской экономики. Он в состоянии обеспечить рост инновационности и конкурентоспособности не только регионов, но национальной экономики в целом, если иметь в виду совокупность кластеров. Новый организационный порядок, рассчитанный на рост инновационной инициативы, трансформирует сложившееся отраслевое управление в территориально-отраслевое и всех его подсистем в сторону динамичного саморазвития на базе синергетических эффектов.

Полученные результаты

Политика кластеризации региональной экономики (КРЭ) может быть успешна – если бу-

дут учитываться все её ключевые факторы: расширение кооперационных связей между хозяйствующими субъектами; достраивание производственных цепочек создания стоимости; развитие импортозамещающих компетенций и производств; повышение инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности компаний и регионов их базирования [Мацкуляк И.Д. и др., 2018, 8, с. 16-17].

КРЭ кардинально меняет организационную структуру производства. Она становится антикризисной, способствует выводу предприятий-банкротов (а их только в добывающей промышленности страны до 40%) [Мацкуляк И.Д. и др., 2018, 8, с. 21] на уровень *устойчивого развития*. По сути, такой подход созвучен с широко распространёнными в стране традициями, которые подтверждают полезность инновационных кластеров в части антикризисного производства. Речь идёт, во-первых, о решении проблем, возникающих в семье, всеми её членами. Особенно важно подчеркнуть ситуацию, когда все члены семьи, или большая их часть объединяются для оказания помощи нуждающемуся в ней кому-то одному из родных. Например, в семье подрастает младший ребёнок, заканчивающий общеобразовательную школу и нуждающийся в финансовой поддержке при поступлении в вуз. Работающие родители, старшие братья и сёстры, кооперируясь, в складчину помогают своему младшему сыну и брату. Думается, что случай достаточно распространённый, типичный и понятный. Во-вторых, о широко известном опыте строительства домов, по сути, «всем миром», который широко практиковался в прошлом, да иногда применяется и в настоящее время в деревнях и сёлах. Имеет место кооперация родни, соседей, а то и более широких слоёв, проживающих в указанных населённых пунктах, с целью оказания совокупной помощи своему родственнику в строительстве жилья, в котором он остро нуждается.

КРЭ может сделать кризисные предприятия не только прибыльными, рентабельными и эффективными, но и решить целый ряд других важных вопросов. Речь, прежде всего, идёт о занятости трудоспособного населения, их доходах, а значит об уровне и качестве жизни членов их семей, об увеличении производства товаров и расширении услуг. Понятно, что в новых условиях иначе будут преодолеваются демографические проблемы и мн. др.

Для решения данной задачи можно было бы в рамках КРЭ предусмотреть создание кластерного антикризисного финансового фонда. Его средства целевым образом следовало бы исполь-

зовать на противостояние кризисным явлениям. Такой подход позволил бы преодолеть имеющиеся в российской практике соответствующие банкротства, вывести несостоятельные предприятия на траекторию устойчивого развития. Они же, в свою очередь, достигнув стабильной рентабельности, призваны вернуть использованные средства фонда или какую-то их часть, что в каждом конкретном случае могло бы решаться ИТК ещё накануне выделения средств.

Таким образом, концепция антикризисного регулирования СТО несостоятельных предпри-

ятий в системе кластеризации экономики является интегрированной разработкой, формирующей основные условия преодоления пред-, пост-, кризисного состояния предприятий, отраслей и комплексов, их превращение в финансово устойчивые структуры. Она представляет собой официально утвержденный документ, которым определяются действия общества (государства), субъектов федерации, муниципальных образований, предприятий, их структурных подразделений на различных этапах и уровнях соответствующей деятельности.

Список литературы

1. Веила У.Т. Концепция преодоления неустойчивой занятости населения // Финансовая экономика. 2017. № 3. С. 78-87.
2. Зомбарт В. Собрание сочинений: В 3 т. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 3. 480 с.
3. Корнаи Я. Размышления о капитализме. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. 348 с.
4. Мацулюк Д.И. Концепция повышения финансово-экономической безопасности // Финансовая экономика. 2016. № 2. С. 28-38.
5. Мацулюк Д.И., Мацулюк И.Д. Перемена политико-экономических отношений и безопасность. М.: Издательский дом ГУУ, 2016. 335 с.
6. Мацулюк И.Д. Научная школа в сфере финансовых, агропромышленных и трудовых отношений. М.: Издательский дом ГУУ, 2014. 277 с.
7. Мацулюк И.Д., Мацулюк Д.И. Об управляемом рынке, экономических законах и безопасных финансовых результатах // Финансовая экономика. 2013. № 6. С. 5-20.
8. Мацулюк И.Д., Веила У.Т., Мацулюк Д.И., Нагдалиев Н.З.-О. Закономерности экономического роста: содержание и государственно-рыночное регулирование в России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2018. № 1-2. С. 5-25.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
10. Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996. 351 с.
11. Чуланова О.Л. Формирование и развитие компетентного подхода в работе с персоналом: теория, методология, практика. Автореф. диссерт. д. э. н. М., 2014. 50 с.
12. Шпитгофф А. Исторический характер экономических теорий, 1952.
13. Шпитгофф А. Чистая теория и экономическая гештальт-теория, 1953.
14. Luhmann N. Law as a social system. Oxford, 2004. 498 p.
15. Neuberger E., Duffy W. Comparative economic systems: a decision – making approach. Boston, 1976. 378 p.

References

1. Vail U. T. Concept of the population unstable employment overcoming // Financial economy. – 2017. - No. 3. – P. 78-87.
2. Zombart V. Collected works: In 3 t. – SPb.: Vl. Dahl, 2005. T. 3. – 480 p.
3. Kornai Ya. Reflections about the capitalism. - M.: Publishing house of Institute of Gaidar, 2012. – 348 p.
4. Matskulyak D.I. Concept of the financial and economic safety increase //Financial economy. – 2016. - No. 2. – P. 28-38.
5. Matskulyak D.I., Matskulyak I. D. Change of the political and economic relations and safety / D.I. Matskulyak, I.D. Matskulyak; State University of management. – M.: GUU publishing house, 2016. – 335 p.
6. Matskulyak I. D. School of sciences in the sphere of the financial, agro-industrial and labor relations / I.D. Matskulyak; State university of management. – M.: GUU publishing house, 2014. – 277 p.
7. Matskulyak I. D., Matskulyak D.I. About the controllable market, economic laws and safe financial results // Financial economy. – 2013. - No. 6. – P. 5-20.
8. Matskulyak I.D., Vail U.T., Matskulyak D.I., Nagdaliyev N. Z.-O. Regularities of economic growth: maintenance and state and market regulation in Russia // The Scientific review. Series 1. Economy and right. - 2018. - No. 1-2. – P. 5-25.
9. Nort D. Institutes, institutional changes and functioning of economy. - M.: Fund of the economic book of "Beginning", 1997. - 180 p.
10. Eucken W. Bases of national economy. - M.: Economy, 1996. - 351 p.
11. Chulanova O.L. Formation and development of competence-based approach in work with personnel: theory, methodology, practice. The extended abstract of Doctor Sci. Dissertation. – M., 2014. – 50 p.
12. Shpitgoff A. Historical character of economic theories, 1952.
13. Shpitgoff A. Blank theory and economic gestalt theory, 1953.
14. Luhmann N. Law as a social system. - Oxford, 2004. – 498 p.
15. Neuberger E., Duffy W. Comparative economic systems: a decision – making approach. – Boston, 1976. – 378 p.

Эффективность муниципальных расходов и качество работы местных органов власти в контексте интересов гражданского общества

The Efficiency of Municipal Expenditure and Quality of Work of Local Authorities in the Context of the Interests of Civil Society

Получено 10.09.2018

Одобрено 09.10.2018

Опубликовано 30.11.2018

УДК: 336.5

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10037

ПИРОГОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА

зав. кафедрой «Финансы и кредит», канд. экон. наук, доцент
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации» (Барнаульский филиал)
Email: pirogowa@yandex.ru

КОЛЯДА НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

доцент кафедры «Финансы и кредит», канд. экон. наук,
доцент ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
(Барнаульский филиал)
Email: nikolai59115@mail.ru

PIROGOVA, TI

PhD in Economics, Associate Professor, Barnaul Branch
of Financial University under the Government
of the Russian Federation
Email: pirogowa@yandex.ru

KOLYADA, NI

PhD in Economics, associate professor Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Barnaul branch
Email: nikolai59115@mail.ru

Аннотация

Объект исследования. Бюджетная политика муниципального образования.

Предмет исследования. Оценка эффективности расходов местного бюджета, деятельность местных органов власти и общества как участников бюджетного процесса и бюджетной политики.

Цель исследования. Провести анализ, дать оценку эффективности муниципальных расходов и деятельности органов местного самоуправления городского округа. Определить приоритеты бюджетной политики в интересах гражданского общества в целях повышения качества жизни населения.

Основные положения статьи. Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам оценки эффективности муниципальных расходов и деятельности местных органов власти. Раскрыты отдельные аспекты бюджетного процесса муниципального образования в части осуществления расходов местного бюджета г. Барнаула, включая регламентацию и реализацию муниципальных целевых программ (МЦП), а также участие гражданского общества в реализации бюджетной политики муниципального образования. Кроме того, дана сравнительная оценка расходов местного бюджета г. Барнаула с бюджетами других городов Сибирского федерального округа в разрезе функциональных направлений, а также в расчете на душу населения. Проведенный анализ показал неоднозначность структуры расходов местных бюджетов, вскрыл ряд проблем управления муниципальными финансами и позволил определить положительные сдвиги в ходе реализации муниципальной бюджетной политики г. Барнаула.

Ключевые слова: муниципальные расходы; местный бюджет; эффективность расходов; целевая программа; инициативное бюджетирование.

Abstract

The Object of the Study. Budget policy of the municipality.

The Subject of the Study. Assessment of the effectiveness of local budget expenditures, the activities of local authorities and society as participants in the budget process and budget policy.

The Purpose of the Study. Carrying out the analysis and giving an assessment of efficiency of municipal expenses and activity of local governments of the city district. Determining the priorities of budget policy in the interests of civil society in order to improve the quality of life of the population.

The Main Provisions of the Article. The article deals with theoretical and practical aspects of assessing the effectiveness of municipal expenditures and the activities of local authorities. Certain aspects of the budget process of the municipality in terms of the implementation of the local budget of Barnaul including the regulation and implementation of municipal target programs, as well as the participation of civil society in the implementation of the budget policy of the municipality have been revealed. In addition, a comparative assessment of the local budget expenditures of Barnaul with the budgets of other cities of the Siberian Federal district in the context of functional areas, as well as per capita is given. The analysis has shown the ambiguity of the structure of expenditures of local budgets, revealed a number of problems of management of municipal finances and made it possible to identify positive developments in the implementation of the municipal budget policy of the city of Barnaul.

Keywords: municipal expenses; a local budget; cost-effectiveness; a target program; initiative budgeting.

Введение

Играя важную экономическую и социальную роль в воспроизводстве человеческого капитала, местный бюджет (МБ) представляет собой центральное звено муниципальных финансов

и главный инструмент воздействия на развитие экономики и социальной сферы муниципального образования (МО). Путем распределения расходов МБ происходит концентрация финансовых ресурсов на таких приоритетных направлениях,

как: развитие учреждений образования, содержание и развитие муниципального жилищно-коммунального хозяйства, строительство и содержание дорог местного значения, а также финансовое обеспечение социальных обязательств муниципального образования.

От того, насколько качественно организовано управление расходами МБ, в значительной степени зависит уровень благосостояния проживающего населения. Но в условиях ограниченности источников доходов МБ и, одновременно, постоянного возрастания потребностей МО, особое значение приобретает эффективное и прозрачное расходование бюджетных средств, которое напрямую влияет на уровень и качество жизни населения, поэтому в настоящее время одной из стратегических целей бюджетной политики является повышение эффективности расходов МБ при одновременной оптимизации их распределения и обеспечении высокого качества предоставляемых услуг.

Эффективность использования бюджетных средств

На протяжении многих лет бюджетное законодательство не раскрывает истинный смысл понятия эффективности использования бюджетных средств при том, что Бюджетный кодекс РФ устанавливает принцип эффективности их использования (ст. 34). Этот принцип означает, что при составлении и исполнении бюджетов, участники данного процесса, в рамках установленных полномочий, должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности). Соответственно, если эффективность отражает, как или с помощью чего достигнут результат, то результативность показывает, достигнут конечный результат или нет от оказания услуг и осуществления функций органами власти. Это привносит дополнительные проблемы в систему оценки эффективности в бюджетной сфере, так как непонятно, чему соответствует лучший результат, что можно считать оптимальным вариантом, что является заданным результатом и как его измерять.

В теории экономики общественного сектора под эффективностью понимается соотношение достигнутых результатов и объемов затраченных ресурсов (финансовых, трудовых и т.п.). Применяя эту общую формулу к использованию бюджетных средств, можно понять, что оценка эффективности бюджетных расходов определяется как соотношение достигнутых результатов (эко-

номических, социальных, экологических и пр.), а также мероприятий целевых программ к затраченным на их достижение бюджетным средствам [Афанасьев Р., 2015, 1, с. 99].

Западные исследователи отмечают, что в функциях государственной деятельности (прежде всего, в производстве общественных благ) «... аллокационная цель реализуется тогда, когда для конечного результата (суммы произведенных товаров и услуг) выполняются два условия» [Zimmerman Н., 2003, 15, с. 19]: результат соответствует предпочтениям потребителей: предложение общественных благ соответствует предпочтениям их потребителей; товары и услуги предоставляются с минимальными затратами.

Преобразования в бюджетном законодательстве в части совершенствования системы управления общественными финансами частично обусловили встраивание в бюджетный процесс государственных (муниципальных) программ, способствующих повышению эффективности бюджетных расходов, качества бюджетного планирования, гибкости использования бюджетных средств. Изменения позволили осуществить переход к формированию бюджетов бюджетной системы РФ, за исключением бюджетов государственных внебюджетных фондов РФ, на основе программного-целевого принципа. Программно-целевое финансирование на практике реализуется посредством целевых программ. Последние разрабатываются по установленной форме как паспорт программы. В нем отражены конкретные индикаторы достижения целей программы.

Вопросами оценки эффективности целевых программ и расходов бюджетов занимаются многие ученые-экономисты. Проблема оценки эффективности обусловлена тем, что полученные результаты и затраты использования бюджетных средств, зачастую, измеряются в разных показателях. Объем затрат всегда имеет стоимостную оценку, а результаты (индикаторы муниципальной программы) – иную (иногда – стоимостную), отражающую уровень реализации поставленной цели. Поскольку показатели, достигаемые при реализации целевой программы (ЦП), обладают разносторонней эффективностью, следовательно, трудно, а зачастую невозможно разграничить их по видам.

Взаимосвязь социальной и экономической эффективности должна заключаться в приоритете социальной эффективности, поскольку экономическая эффективность подчинена социальным целям, служит средством их осуществления. Кроме того, эффекты могут проявляться сразу после начала расходования бюджетных средств, а могут иметь некоторый лаг проявления, причём вели-

чина этого лага может быть различной [Пирогова Т.В., 2006, 12, с. 95].

В рамках программного бюджетирования оценка эффективности расходования бюджетных средств производится при сопоставлении плановых и фактических целевых показателей всей программы и по отдельным направлениям. В результате МЦП будет считаться эффективной, если запланированные показатели достигнуты и был использован минимально необходимый объем бюджетных средств. На данный момент действующим законодательством не предусмотрено проведение оценки результативности бюджетных расходов. В бюджетном законодательстве и нормативных актах о стратегическом планировании говорится об оценке эффективности государственных (муниципальных) программ. В этом случае происходит оценка степени достижения намеченных результатов и социально-экономических эффектов от их реализации, что приводит к росту значения эффективности реализации государственных (муниципальных) целевых программ.

Значимость оценки МЦП как инструмента бюджетирования связана с тем, что результаты оценки представляют органам местного самоуправления полную, осмысленную, достаточно точную информацию об уровне достижения целевых индикаторов МЦП и эффективности хода ее реализации. Оценка МЦП является рычагом обратной связи между представителями органов власти, юридическими и физическими лицами, в чьих интересах реализуется программа, при этом информация, полученная в ходе оценки, позволяет популяризировать конкретную программу в местном сообществе [Баранова И.В., Пирогова Т.В., 2009, 3, с. 55].

Муниципальный финансовый менеджмент и бюджетные расходы г. Барнаула

В пояснительной записке к планированию бюджетных ассигнований бюджета г. Барнаула каждым главным распорядителем бюджетных средств (ГРБС) приводится краткая характеристика планируемых на очередной финансовый год основных результатов (в натуральных показателях) использования бюджетных ассигнований бюджета города. Оценка эффективности программных расходов бюджета в Барнауле осуществляется в соответствии с постановлением администрации Барнаула от 03.04.2014 № 635 «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ», в котором прописана методика оценки. Комплексная оценка эффективности реализации МЦП и входящих в нее подпрограмм проводит-

ся на основе оценок по трем критериям: высоким уровнем эффективности (не менее 90%); средним уровнем эффективности (не менее 70%); низким уровнем эффективности (менее 70%) [8].

По данным сводного годового доклада о ходе реализации и об оценке эффективности МЦП за 2017 г. комитета экономического развития и инвестиционной деятельности г. Барнаула, можно сказать, что 89,5% МЦП реализуется с высоким уровнем эффективности. В частности, за 2017 год, 8 МЦП, в число которых вошли и «Совершенствование муниципального управления и развитие гражданского общества в г. Барнауле на 2015-2019 годы», и «Управление муниципальными финансами г. Барнаула на 2015-2019 годы», реализованы с комплексной оценкой свыше 99%.

В 2015 г. бюджет города впервые был сформирован в полноценном программном формате, в 2017 г. действовало уже 19 МП, а на 2018 предусмотрено 20 МП. В целом доля программных расходов в общем объеме расходов в 2017 г. увеличилась на 8,1% к результатам 2015 г. и составила 89,5%.

В Барнауле существующие программы представлены 4 блоками, которые соответствуют направлениям «Стратегии социально-экономического развития города до 2025 года» и обеспечивают динамическое развитие экономики (4 программы); человеческого капитала (7 программ); инвестиционной деятельности (1 программа) и инфраструктуры (7 программ). Наибольший удельный вес в общем объеме расходов составляют программы блока «Развитие человеческого капитала» (69,8%) к которым относятся программы по развитию системы образования, культуры, спорта, социальной поддержке населения и др. Следующим по важности являются инфраструктурные и инвестиционные расходы. Доля МЦП направления «Развитие инфраструктурной системы» и «Развитие инвестиционной деятельности» составили 28,6% и 0,3% соответственно.

В целях повышения эффективности расходов и качества управления средствами бюджета города утверждено постановление администрации г. Барнаула от 03.10.2012 № 2776 «Об утверждении порядка и методики оценки качества финансового менеджмента главных распорядителей средств бюджета города». В соответствии с Методикой, оценка качества финансового менеджмента производится по следующим направлениям: оценка механизмов планирования расходов бюджета; оценка результатов исполнения бюджета в части расходов; оценка управления обязательствами в процессе исполнения бюджета; оценка состояния отчетности; оценка организации контроля (таблица 1) [7].

Таблица 1

Шкала оценки качества финансового менеджмента ГРБС г. Барнаула

Наименование	Рейтинговая оценка, баллы
Высокое качество финансового менеджмента	от 4,5 до 5,0
Хорошее качество финансового менеджмента	от 4 до 4,4
Удовлетворительное качество финансового менеджмента	от 3,0 до 3,9
Низкое качество финансового менеджмента	от 1 до 2,9
Неудовлетворительное качество финансового менеджмента	ниже 1

Максимальную рейтинговую оценку или высокое качество финансового менеджмента (5 баллов) за IV квартал 2017 года показали Счетная палата и Избирательная комиссия муниципального образования г. Барнаула, а минимальную рейтинговую оценку или удовлетворительное качество финансового менеджмента (3,6 баллов) продемонстрировал комитет ЖКХ.

Мониторинг эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов осуществляется в рамках Указа Президента РФ от 28.04.2008 № 607. В соответствии с этим указом мониторинг по

Барнаулу проводится по основным сферам деятельности: экономическое развитие, дошкольное образование, общее и дополнительное образование, культура, физическая культура и спорт, жилищное строительство и обеспечение граждан жильем, ЖКХ, организация муниципального управления, энергосбережение и повышение энергетической эффективности. Результаты мониторинга, в форме Доклада главы Барнаула, публикуются на официальном сайте города.

Общая оценка состояния бюджета г. Барнаула за 2015-2017 гг. и на плановый период 2018-2020 гг. представлены в таблицах 2, 3 [13].

Таблица 2

Динамика основных характеристик бюджета г. Барнаула за 2015-2017 гг., млн руб.

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста (снижения), %		
				2016/2015	2017/2016	2017/2015
Доходы	9712,9	10246,7	11878,8	105,5	115,9	122,3
Расходы	10045,5	10385,5	11887,7	103,4	114,5	118,3
Дефицит (-) / профицит(+)	-332,6	-138,8	-8,9	-	-	-

Таблица 3

Динамика плановых показателей бюджета г. Барнаула в 2018-2020 гг., млн руб.

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темп роста (снижения), %			
				2018/2017	2019/2018	2020/2019	2020/2018
Доходы	10204,3	10121,5	10411,9	85,9	99,2	102,9	102,0
Расходы	10816,8	10771,0	11042,4	91,0	99,6	102,5	102,1
Дефицит (-) / профицит(+)	-612,5	-649,5	-630,5	-	-	-	-

Представленные данные демонстрируют рост доходов с 2015 по 2017 гг. на 22,3% за счет дополнительно поступивших межбюджетных трансфертов (до 11878,8 млн руб.). За этот же период объем расходов городского бюджета вырос на 18,3%, достигнув 11887,7 млн руб., но в среднесрочной перспективе ожидается снижение как доходной, так и расходной частей бюджета. В 2018 году, по отношению к уровню 2017 года, планируется снижение доходов на 14,1% (из-за сокращения имущества муниципальной казны, подлежащего продаже), а объема расходов на 9%. Вместе с тем, в рамках среднесрочного горизонта планирования, начиная с 2020 г., плановые показатели бюджета города увеличатся. По отношению к уровню 2018 года в 2020 году темп роста доходов и расходов должен составить 2%. Важно отметить, что принятые меры по увеличению доходной базы, и финансовая поддержка из вышестоящих бюджетов в 2017 году позволили обеспечить сбалансированность бюджета без привлечения ресурсов кредитных организаций. Просроченная кредиторская задолженность по расходам бюджета города отсутствует.

Расходы бюджета г. Барнаула по сферам деятельности за 2015–2017 гг. подразделяются на социальные, производственные и прочие. Доля социальной сферы в 2015 году составляла 60%, в 2016 – 63,3%, в 2017 – 59,6%, производственной сферы, соответственно по годам, – 28,9, 25,6 и 31,2%. К социальным относятся расходы разделов «Образование», «Социальная политика», «Культура, кинематография», «Физическая культура и спорт». В 2017 году доля указанных статей составила 52,4%, 4,5%, 2,4% и 0,3% соответственно. Второй по значимости является производственная сфера, которая включает разделы «Национальная экономика» и «Жилищно-коммунальное хозяйство», удельный вес которых в 2017 году составил 21,9% и 9,3%. Доля прочих расходов в бюджете города за 2017 год немногим превышает 9%. Среди прочих расходов наибольший удельный вес составляют расходы на общегосударственные вопросы (в 2016 году – 10%, в 2017 году – 8,3%).

В структуре расходов бюджета города наибольший удельный вес составляют расходы раздела «Образование» (в 2017 – 52,4%). По сравнению с 2015 годом в 2017 году объем данных расходов вырос на 21,9% и на конец года составил 6232,7 млн руб. Рост расходов на образование произошел за счет выделения дополнительных средств на коммунальные услуги в связи с ростом тарифов с 01.07.2017, а также за счет увеличения заработной платы работников детских садов и учреждений дополнительного образования.

В целом, по данному разделу производились расходы, связанные с:

- обеспечением деятельности дошкольных образовательных, общеобразовательных организаций, по мероприятиям оздоровительных кампаний детей, компенсацией на питание школьников, нуждающимся в социальной поддержке, выплатой стипендий в рамках муниципальной программы «Развитие образования и молодежной политики г. Барнаула на 2015–2019 годы»;

- реализацией муниципальной программы «Комплексные меры по профилактике зависимых состояний и противодействию незаконному обороту наркотиков в городе Барнауле на 2015–2019 годы»;

- со строительством и реконструкцией учреждений образования в рамках адресной инвестиционной программы города Барнаула.

В 2017 году при реализации МЦП «Развитие образования и молодежной политики в городе Барнауле на 2015–2020 годы» расходы составили 5550,1 млн руб., в том числе из городского бюджета – 2230,7 млн руб. Охват детей от 1,5 до 7 лет услугами дошкольного образования в различных формах в 2017 году составил 83,6%. Обеспечение дошкольными образовательными услугами всех детей от 3 до 7 лет составляет 100,0%.

В 2017 году создано 2200 дополнительных мест в муниципальных детских садах, в том числе 1341 место – для детей в возрасте от 2-х месяцев до 3-х лет, 879 мест – для детей в возрасте от 3-х до 7 лет. Сеть из 34 муниципальных детских садов компенсирующей направленности посещают 1568 воспитанников [6].

Вторым по значимости разделом расходов бюджета города является «Национальная экономика» (в 2017 – 21,9%). По отношению к уровню 2015 года в 2017 году расходы по данному разделу увеличились на 51,3% или на 882,7 млн руб. и в абсолютном выражении составили 2603,2 млн руб. Такой рост обеспечен поступлением средств из федерального бюджета на капитальный ремонт дорог в рамках приоритетного проекта «Безопасные и качественные дороги» и средства краевого бюджета на строительство, реконструкцию, капитальный и текущий ремонт автомобильных дорог.

По разделу «Национальная экономика» в 2017 году производились расходы на реализацию водохозяйственных мероприятий в рамках МЦП «Благоустройство, экологическая безопасность и природопользование г. Барнаула на 2015–2040 годы», на содержание комитета по дорожному хозяйству, благоустройству, транспорту и связи, на возмещение затрат по перевозке пассажиров городским транспортом, на содержание, капи-

тальный ремонт и ремонт автомобильных дорог общего пользования, повышение безопасности дорожного движения в рамках МЦП «Развитие дорожно-транспортной системы г. Барнаула на 2015–2019 годы», «Развитие предпринимательства в г. Барнауле на 2015–2020 годы», на реализацию адресной инвестиционной программы г. Барнаула. В 2018 году предусмотрены расходы на поддержку социально значимых маршрутов городского общественного транспорта. Продолжится реализация приоритетного проекта «Безопасные и качественные дороги».

Значительную долю в структуре расходов города составляют расходы раздела «Жилищно-коммунальное хозяйство» (в 2017 году – 9,3%), включая:

- на переселение граждан из аварийного жилищного фонда, снос аварийных домов, содержание незаселенных муниципальных квартир, капитальный ремонт жилищного фонда и маневренного фонда в рамках МЦП «Барнаул – комфортный город на 2015–2025 гг.»;
- на благоустройство, озеленение территории города в рамках МЦП «Благоустройство, экологическая безопасность и природопользование г. Барнаула на 2015–2040 годы»;
- на строительство станций обеззараживания воды в рамках МЦП «Развитие объектов инженерной инфраструктуры г. Барнаула на 2017–2020 годы»;
- на реализацию МЦП «Газификация г. Барнаула на 2015–2019 годы».

Наиболее важным направлением деятельности в сфере ЖКХ в 2017 году являлось обеспечение граждан доступным жильём и повышение качества жилищно-коммунальных услуг. По состоянию на 01.01.2018 в общегородском списке по обеспечению жильём стоит 6 ветеранов Великой Отечественной войны. Для улучшения жилищных условий различных категорий нуждающихся было выделено 22 субсидии. В рамках реализации МЦП «Барнаул – комфортный город» на 2015–2025 годы на переселение граждан из аварийного жилищного фонда в 2017 году направлено из бюджета города 98,2 млн руб.

За анализируемый период 2015–2017 гг. наблюдается увеличение темпов роста расходов раздела «Культура, кинематография». По отношению к 2015 году в 2017 году расходы указанного раздела увеличились на 14,4% и составили 288,8 млн руб. Увеличение расходов связано с проведением ремонтно-реставрационных работ забора парка Центрального района, а также осуществлением поэтапного капитального ремонта МБУК «Дворец культуры «Южный», выделением дополни-

тельных средств на повышение оплаты труда работников учреждений культуры для выполнения планов мероприятий («дорожных карт») за счет средств краевого бюджета.

Но вместе с тем, отмечается тенденция сокращения расходов раздела «Социальная политика». Так, по отношению к 2016 году в 2017 году расходы на социальную политику сократились на 11,4% или на 69,2 млн руб., и в абсолютном выражении составили 540,4 млн руб. Это объясняется тем, что расходы на обеспечение жильем инвалидов и участников ВОВ предусмотрены в меньшем объеме, не учтены субсидии из вышестоящих бюджетов на приобретение жилья молодым семьям. В целом по разделу «Социальная политика» осуществляется финансирование путем предоставления компенсаций расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг, льгот пенсионерам на помывку в общих отделениях бань, услуги социального такси и другие дополнительные меры социальной поддержки незащищенных слоев населения в рамках МЦП «Социальная поддержка населения г. Барнаула на 2015–2019 годы».

Необходимо отметить, что сложившаяся структура расходов в абсолютном и относительном выражении, не позволяет однозначно положительно оценить динамику эффективности расходования муниципальных средств по следующим причинам:

- во-первых: не существует подтвержденных научных критериев оптимальности доли социальных расходов в общем объеме расходов муниципалитета, – по факту, их доля в г. Барнауле, колеблется около уровня 60% с тенденцией на понижение;
- во-вторых: динамика существующих социальных расходов за исследуемый период неоднозначна: если по разделу «образование» она выросла на 1,5%, то по социальной политике, физической культуре и спорту произошло сокращение их доли на 1,6 и 0,2% соответственно в общей массе муниципальных ассигнований.

Качество жизни населения городов Сибирского федерального округа

Вообще качество жизни населения зависит от множества факторов и измеряется посредством различных индикаторов. Сибирский федеральный округ (СФО) по данным исследования, проведенного профессором В.Н. Бобковым, по качеству и уровню жизни населения занимает шестую позицию [Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Зленко Е.Г., Одинцова Е.В., 2017, 4, с. 52]. Углубляясь в рейтинг регионов внутри федерального округа, мы также видим достаточно большую дифференци-

ацию между субъектами РФ. Алтайский край, в частности, по ряду индикаторов уступает семи регионам СФО [Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Зленко Е.Г., Одинцова Е.В., 2017, 4, с. 57].

Учитывая, что столичные города оказывают наибольшую роль при расчете региональных показателей, анализу была подвергнута структура расходов бюджетов городов, относительно близких Барнаулу по численности.

Сравнивая расходы бюджетов городов СФО в разрезе функциональной классификации, важно отметить, что в Барнауле удельный вес расходов по разделу «Общегосударственные вопросы» среди рассматриваемых городов самый высокий. Так, доля указанных расходов в 2017 году в Барнауле составила 8,3%, а в Иркутске – 5,1%, Томске – 7,7%, Кемерово – 4,5% (рисунок 1).

Дополнительными критериями оценки влияния местных расходов на уровень качества жизни населения г. Барнаула служат сравнительные дан-

ные по другим городам региона, к которым относятся и удельные показатели расходов бюджета в расчете на душу населения.

Сравнительный анализ показателей бюджета с другими городами региона показывает, как значительное отставание Барнаула по общей величине расходов на одного жителя, так и относительно высокий темп роста – 2 место из 4-х городов за 2015 – 2017 гг. (таблица 4).

На рисунке 2 представлена структура расходов городов СФО за 2017 год.

В абсолютном выражении расходы на душу населения по всем основным разделам, кроме национальной экономики (3729,2 руб. на чел.), являются самыми низкими среди рассматриваемых городов. В то же время, сравнивая расходы бюджетов городов СФО в разрезе функциональной классификации, важно отметить, что в Барнауле удельный вес расходов по разделу «Общегосударственные вопросы» – 8,3%, в Иркутске – 5,1%,

Рисунок 1. Структура расходов бюджетов городов СФО за 2017 год, %

Примечание: составлено автором по данным [9, 10, 11, 13]

Таблица 4

Динамика расходов бюджетов городов СФО в расчете на душу населения за 2015-2017 гг., руб./чел.

Город СФО	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп изменения, %		
				2016/2015	2017/2016	2017/2015
Томск	21184,8	23850,2	24912,3	112,6	104,5	117,6
Иркутск	22206,3	25089,4	27792,8	113,0	110,8	125,2
Кемерово	35098,6	32443,7	36079,8	92,4	111,2	102,8
Барнаул	14359,4	14829,8	17029,7	103,3	114,8	118,6

Примечание: составлено автором по данным [9, 10, 11, 13, 14]

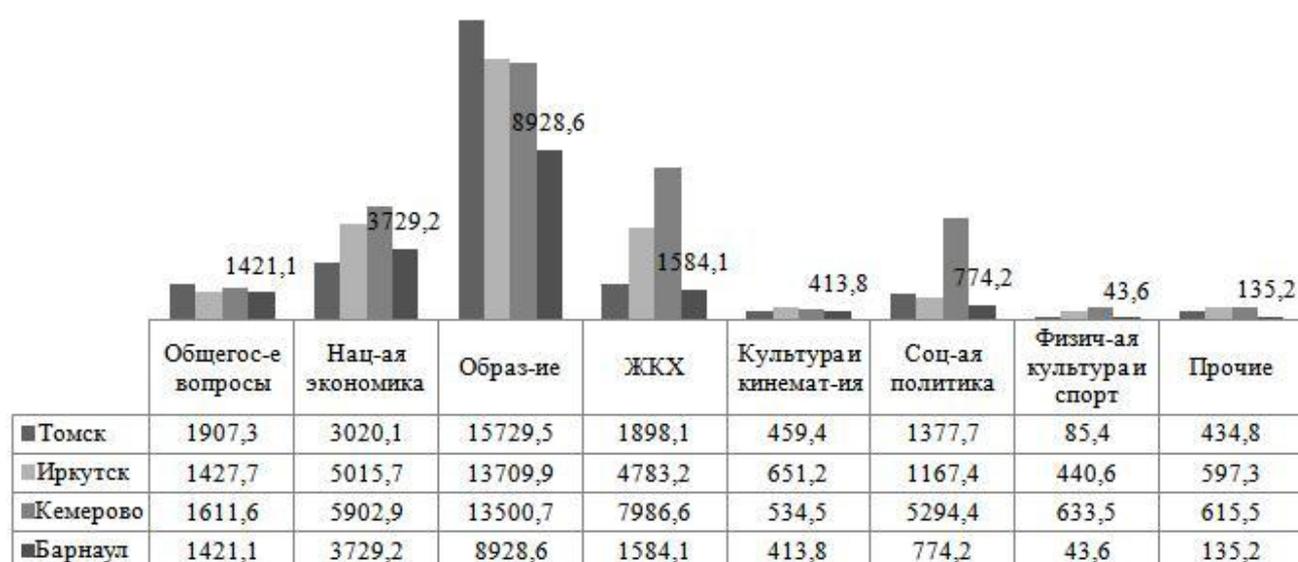

Рисунок 2. Структура расходов бюджетов городов СФО в расчете на душу населения за 2017 год, руб./чел.

Томске – 7,7%, Кемерово – 4,5%. Расходы на душу населения в разрезе функциональной классификации по разделу «Общегосударственные вопросы» в Барнауле близки к расходам в Иркутске и Кемерово, но значительно отличаются по другим статьям не в лучшую сторону.

Необходимо констатировать, что во всех городах бюджетная обеспеченность выше, чем в Барнауле, как по общей сумме расходов, так и в разрезе основных направлений расходования бюджетных средств.

В настоящее время органами власти всех уровней особое внимание уделяется повышению открытости и прозрачности бюджетного процесса, доступности информации о бюджете гражданскому сообществу, возможности участвовать в определении приоритетных направлений расходования бюджетных средств. В этой связи, в Алтайском крае несколько лет успешно реализуются проекты по инициативному бюджетированию (ИБ). Данная практика характерна для 47 субъектов РФ.

Инициативное бюджетирование – совокупность разнообразных, основанных на гражданской инициативе практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных средств, а также последующем контроле за реализацией отобранных проектов. Особую роль инициативное бюджетирование играет при совместном финансировании выбранных проектов.

Механизм софинансирования позволяет привлечь дополнительно от 10% до 50% средств

частных лиц и муниципалитетов к субсидиям, выделенных из бюджета региона. Так, в Алтайском крае реализация проектов предусматривает привлечение до 700 тыс. руб. субсидий из краевого бюджета, от 10% до 25% плюс софинансирование за счет городского бюджета, от 5% до 15% плюс софинансирование за счет физических лиц, от 0 до 7% плюс за счет юридических лиц. Выгодоприобретателями по итогам Проекта поддержки местных инициатив в Алтайском крае в 2017 году стали более 85 тысяч человек. В 2017 году Барнаул вошел в число участников проекта по поддержке местных инициатив с предложением устройства спортивной площадки на школьном стадионе в селе Гоньба Ленинского района. Общая стоимость проекта составила 1 млн руб. из них: 530 тыс. руб. – финансирование краевого бюджета, 250 тыс. руб. – финансирование городского бюджета, 150 тыс. руб. – средства жителей, 70 тыс. руб. – средства предпринимателей. Еще одним преимуществом этого проекта стало личное участие жителей, которые проводили субботники на территории стадиона, косили траву, вывозили мусор, вырубали поросль и старые деревья. В этот процесс было активно вовлечено предпринимательское сообщество.

Если непосредственными результатами реализации ИБ считать построенные или отремонтированные объекты инфраструктуры, то ряд сопутствующих при реализации проектов ИБ результатов можно назвать *экономическими эффектами*. Среди них важно выделить: снижение стоимости проектов и повышение эффективности

расходования бюджетных средств; повышение качества выполняемых работ (благодаря общественному контролю); повышение сохранности реализованных проектов; привлечение дополнительного финансирования.

В отличие от обычных инвестиционных проектов в ходе ИБ также появляются дополнительные *социальные эффекты*: определение и решение наиболее острых социальных проблем поселений; снижение противоречий между населением и властью; повышение уровня доверия через конструктивный диалог между гражданами и муниципалитетами; снижение иждивенческих настроений со стороны жителей, и активизация их участия в местном развитии. Участвуя в делах поселений, граждане видят практический результат своих действий, начинают верить в возможность изменить жизнь вокруг себя [Вагин В.В., Гаврилова Н.В., Шаповалова Н.А., 2015, 2, с. 43].

Необходимо отметить, что Министерство финансов Алтайского края и Комитет по финансам, налоговой и кредитной политике г. Барнаула на высоком уровне проводят политику по размещению открытых данных. Официальный сайт Комитета по финансам постоянно наполняется новыми материалами, интересующих социум, в том числе информацией по ЦП и ИБ. Несмотря на положительные сдвиги, достигнутые в части управления муниципальными финансами, реформирование бюджетного процесса будет продолжено. При этом важно не только способствовать превращению всех видов бюджетных расходов в ЦП, сколько сконцентрировать усилия на устранении недостатков системы ЦП, что позволит добиться повышения результативности и эффективности использования бюджетных средств [Баранова И.В., Пирогова Т.В., Фадейкина Н.В., 2013, 2, с. 212].

Кроме того, во исполнение поручений Президента РФ и Министерства финансов РФ уже несколько лет на официальном сайте города размещается спутник решения о бюджете города – это Бюджет для граждан, что позволяет населению – неподготовленным пользователям, получить достоверную информацию о бюджете и результатах

его исполнения в полном объеме и в доступной форме.

Заключение

В заключении следует отметить, что в г. Барнауле органами местного самоуправления реализован ряд мероприятий в области повышения качества муниципального управления расходами (ИБ, МЦП, Бюджет для граждан) и развития гражданского общества, как участника бюджетного процесса. Участие населения в бюджетном процессе, начиная от публичных слушаний по бюджету и инициировании проектов и заканчивая общественным контролем, обеспечивает реализацию приоритетных для общества проектов, прозрачность бюджетных решений, экономию бюджетных средств, контроль за подрядчиками, бережную эксплуатацию созданных объектов, рост налоговых поступлений. В то же время, остаётся нерешённой проблема недостаточности бюджетных средств для социальных программ и оптимальность их расходования при разных масштабах муниципальных бюджетов.

Существующие методики оценки эффективности муниципальных программ основаны на сравнении плановых (которые устанавливаются самими исполнителями) и фактических показателей, которые, в свою очередь, сильно зависят от произошедших за период корректировок бюджетов. Это ведёт к конфликту интересов между потребителями муниципальных услуг и муниципальным менеджментом, который больше заинтересован в исполнении уже принятых программ, чем в доработке и корректировке действующих решений. Постоянное изменение текущей ситуации приводит к необходимости перекалывания ответственности между исполнителями и соисполнителями, размыванию самой ответственности, росту трудоёмкости и снижению эффективности утверждённых проектов. В этой связи, повышение эффективности и оптимальности муниципальных расходов возможно при наличии значительных резервных фондов, которые сегодня либо незначительны, либо отсутствуют вообще.

Список литературы

1. Афанасьев Р. Оценка эффективности расходов субъектов РФ в рамках государственных программ / Р. Афанасьев // Экономическая политика. 2015. № 6. С. 99-108.
2. Баранова И.В., Пирогова Т.В., Фадейкина Н.В. Оценка эффективности реализации целевых программ: концептуальные основы и организационно-методическое обе-

References

1. Afanasyev R. evaluation of the effectiveness of the RF subjects' expenditures in the framework of state programs / R. Afanasyev // Economic policy. 2015. No. 6. P. 99-108.
2. Baranova I.V., Pirogova T.V., Fadeikina N.V. Evaluation of the effectiveness of the implementation of targeted programs: conceptual framework and organizational and methodological

- спечение / под общей редакцией д-ра экон. наук, профессора Н.В. Фадейкиной. Новосибирск: САФБД, 2013. 315 с.
3. Баранова И.В., Пирогова Т.В. Целевые программы как инструмент бюджетирования, ориентированного на результат. Новосибирск: САФБД, 2009. 210 с.
 4. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Зленко Е.Г., Одицова Е.В. Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1(203). С. 50–64.
 5. Вагин В.В., Гаврилова Н.В., Шаповалова Н.А. Практики инициативного бюджетирования в деятельности муниципальных органов власти / В.В. Вагин, Н.В. Гаврилова, Н.А. Шаповалова // Власть. 2015. №12. С.42-46.
 6. Доклад главы администрации города Барнаул о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городского округа – города Барнаул Алтайского края за 2017 год и планируемых значениях на 3-летний период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://barnaul.org/strategy/otchyot_ob_eeffektivnosti_dejatel/2017/, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения 15.05.2018).
 7. Об утверждении Порядка и методики оценки качества финансового менеджмента главных распорядителей средств бюджета города: постановление администрации города Барнаул от 3 октября 2012 г. № 2776 [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения 10.05.2018).
 8. Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ: постановление администрации г. Барнаул от 3 апреля 2014 г. № 635 [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения 10.05.2018).
 9. Официальный портал города Иркутска. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.admirk.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения 12.06.2018).
 10. Официальный портал МО «город Томск». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.admin.tomsk.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения 12.06.2018).
 11. Официальный сайт администрации города Кемерово. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kemerovo.ru/officialnye_dokumenty/, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения 12.06.2018).
 12. Пирогова Т.В. Влияние результатов независимой экспертизы местного бюджета на эффективность бюджетной политики (на примере г. Новосибирска): дис. канд. экон. наук. Новосибирск, 2006. 177 с.
 13. Решения о бюджете/ об исполнении бюджета Барнаульской городской Думы [Электронный ресурс] // Барнаульская городская Дума. – Режим доступа: <http://barnaul.org/pravorportal/portal/mpa/duma/>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения 15.05.2018).
 14. Федеральная служба статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения 12.06.2018).
 15. Zimmerman H. Municipal finance: the textbook / tr. from German. M.: Publishing house «Business and Service», 2003.
- support / under the General editorship of Dr. Econ. Sciences, Professor N.V. Fadeikina. – Novosibirsk: SAFRI, 2013. 315 p.
3. Baranova I.V., Pirogova T.V. Target programs as a tool of budgeting, oriented to result. Novosibirsk: SAFRI, 2009. 210 p.
 4. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Zlenko E.G., Odintsova E.V. Comparative characteristics of indicators of quality and standard of living in the Russian regions: subjects, Federal districts, Arctic // the Standard of living of the population of the regions of Russia. – 2017. – № 1(203). – С. 50-64.
 5. Vagin V.V., Gavrilova N.V. Shapovalova N.A. Practice of initiative budgeting in the activities of municipal authorities / V.V. Vagin, N.V. Gavrilova, N.A. Shapovalova // Power. – 2015. – No. 12. – P. 42-46.
 6. Report of the head of the administration of the city of Barnaul on the achieved values of indicators for assessing the effectiveness of the local authorities of the city district – the city of Barnaul of the Altai territory for 2017 and the planned values for the 3-year period [electronic resource]. – Access mode: http://barnaul.org/strategy/otchyot_ob_eeffektivnosti_dejatel/2017/, free. The title. from the screen. – (Date of application 15.05.2018).
 7. About the statement of the Order and a technique of an assessment of quality of financial management of the main managers of means of the budget of the city: the resolution of administration of the city of Barnaul of October 3, 2012 No. 2776 [electronic resource] // Consultant plus. – Access mode: <http://www.consultant.ru/online>, free. The title. from the screen. – (Date of application 10.05.2018).
 8. About the statement of the Order of development, implementation and efficiency assessment of municipal programs: the resolution of administration of Barnaul of April 3, 2014 No. 635 [Electronic resource] // Consultant plus. – Access mode: <http://www.consultant.ru/online>, free. The title. from the screen. – (Date of application 10.05.2018).
 9. The official portal of the city of Irkutsk. [Electronic resource.] – Mode of access: <http://www.admirk.ru/>, free. The title. from the screen. – (Date of application 12.06.2018).
 10. Official portal of the municipality "city of Tomsk". [Electronic resource.] – Access mode: <http://www.admin.tomsk.ru/>, free. The title. from the screen. – (Date of application 12.06.2018).
 11. Official site of Kemerovo city administration. [Electronic resource.] – Access mode: https://www.kemerovo.ru/officialnye_dokumenty/, free. The title. from the screen. – (Date of application 12.06.2018).
 12. Pirogova T.V. Influence of the results of independent examination of the local budget on the efficiency of budget policy (on the example of Novosibirsk): dis. kand. Econ. sciences'. Novosibirsk, 2006. – 177 p.
 13. Decisions on the budget / on the budget execution of the Barnaul city Duma [electronic resource] // Barnaul city Duma. – Access mode: <http://barnaul.org/pravorportal/portal/mpa/duma/>, free. The title. from the screen. – (Date of application 15.05.2018).
 14. The Federal statistics service. [Electronic resource.] – Access mode: <http://www.gks.ru/>, free. The title. from the screen. – (Date of application 12.06.2018).
 15. Zimmerman H. Municipal finance: the textbook / tr. from German. M.: Publishing house «Business and Service», 2003.

Современное положение молодежи «нового рабочего класса» на рынке труда УрФО

The Current Position of Young People of the «New Working Class» in the Labour Market of the Ural Federal District

Получено 10.09.2018

Одобрено 09.10.2018

Опубликовано 30.11.2018

УДК: 331.5

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10038

БОЧАРОВ ВЛАДИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. ак. С.П. Королёва, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Санкт-Петербург
Email: vlad.bocharov@gmail.com

BOCHAROV, VY

PhD in Sociology, Associate Professor at the Chair of Sociology and Cultural Studies of SP Korolyov Samara National Research University, Associated Research Worker of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (Branch of the Federal RAS Sociology Research Centre (Sankt Peterburg)
Email: vlad.bocharov@gmail.com

ГАВРИЛЮК ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА

доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного университета, г. Тюмень.
Email: gavriiliuk@list.ru

GAVRILYUK, VV

Doctor of Sociology, Professor of the Department of marketing and municipal management of Industrial University of Tyumen, Tyumen
Email: gavriiliuk@list.ru

ГИЛЬТМАН МАРИНА АНДРЕЕВНА

кандидат экономических наук, профессор кафедры экономической теории и прикладной экономики Тюменского государственного университета
Email: giltman@rambler.ru

GIL'TMAN, MA

Kandidat nauk (PhD) in Economic Sciences, Professor of the Department of economic theory and applied Economics, Tyumen state University
Email: giltman@rambler.ru

Аннотация

Объект. Молодёжь «нового рабочего класса».

Предмет. Занятость молодёжи «нового рабочего класса» на рынке труда.

Цель. На основе анализа статистических баз данных о занятости молодёжи «нового рабочего класса» УрФО показать специфику положения и основные проблемы занятости этой социальной группы на рынке труда.

Основные положения статьи. В представленной статье анализируется занятость молодёжи УрФО на основе данных мониторинговых обследований микрохозяйств по проблемам занятости населения (ОНПЗ), проведенных НИУ ВШЭ совместно с Росстатом. Новизной такого анализа является попытка впервые показать ситуацию на региональном рынке труда не в целом по социальной группе населения (молодёжь), а только её определенной части, исходя из конструируемого нами понятия «новый рабочий класс». Под этим понятием нами понимается группа наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся. Анализ статистики молодёжи «нового рабочего класса» в УрФО проведен в трех возрастных группах (15-19 лет – занятость от нужды, 20-24 – совмещение учебы и работы, и 25-29 – переход учеба-работа) в двух периодах – 2010 год (оживление экономики после кризиса 2008-2009 гг.) и 2015 год (начало экономического спада).

В статье показаны отличия молодежной занятости в 2010 и 2015 году в УрФО, учитывая местность проживания респондентов (город/село) по возрастным и гендерным группам. Рассматривается степень распространенности неформальной и гибкой занятости, а также уровень образования среди экономически активной (ЭАН) и неактивной молодежи. Определены два тренда в экономическом поведении молодежи на рынке труда: во-первых, со временем формируются предпочтения образовательных траекторий в сторону более длительных, с более высоким уровнем образования.

Abstract

The Object of the Study. Youth of the «new working class».

The Subject of the Study. Employment of young people of the «new working class» in the labour market.

The Purpose of the Study. Basing on the analysis of statistical databases of youth employment of the UrFO's «new working class» to show the specifics of the situation and the main problems of employment of that social group in the labour market.

The Main Provisions of the Article. The article contains the analysis of the young people's employment of the Ural Federal Okrug on the basis of data from monitoring surveys of micro-farms related to employment, conducted by the Higher School of Economics together with the Rosstat. The peculiarity of this analysis is the first attempt to show the situation in the regional labor market not in the whole social group (youth), but only in a certain part of it, based on the concept of the «new working class». Under this concept we mean a group of employees engaged in all areas of material production and services whose work is routinized, divided into standardized segments, amenable to an algorithmization and a quantitative regulation of the results and who are not involved into the management and have no ownership rights in the system they work in. The analysis of youth statistics of the "new working class" in the Ural Federal Okrug was carried out in three age groups (15-19 years - employment needed, 20-24 - combining study and work, and 25-29 – a transition between study-work) in two periods – 2010 (an economic recovery after the crisis of 2008-2009) and 2015 (the beginning of the economic recession).

The article shows the differences between the youth employment in 2010 and 2015 in the Ural Federal Okrug, taking into account the area of residence of respondents (city/village) by age and gender groups. The paper considers the prevalence of informal and flexible employment as well as the level of education among economically active and inactive youth.

Two trends in the economic behaviour of young people in the labour market are identified: first, in due course preferences of educational trajectories towards longer ones, with a higher level of education are formed. Second, young people enter the labour market later. The special features of the employment of young people in the «new working class» also include the high involvement in informal

Во-вторых, молодежь позже выходит на рынок труда. К особенностям занятости молодежи «нового рабочего класса» относятся также высокая вовлеченность в неформальную занятость наиболее молодых групп работников. Это сопряжено с низкой заработной платой, худшими и опасными условиями труда, исключением из правового поля регулирования трудовых отношений.

Ключевые слова: молодежь; рынок труда; занятость, новый рабочий класс.

employment of the youngest groups of workers. That is connected with low wages, worse and dangerous working conditions, an exception from the legal terrain of labor relations' regulation.

Keywords: youth; labor market; employment; new working class.

Введение

В настоящее время накоплено достаточно большое количество научных публикаций, посвященных анализу положения молодежи на российском рынке труда. Рынок труда молодежи рассматривается в основном как качественно целостный и специфический сегмент общего рынка труда, выделяемый на основе функционирования в обществе молодежи как социально-демографической группы [Осипова Л.Б., Колесник Е.А., Горева О.М., 2018, 19, с. 175-191].

Опираясь на региональную специфику, исследователи рассматривают различные аспекты молодежной занятости, однако при этом, не заостряя внимания на внутренней неоднородности молодежи с точки зрения классового подхода, предпочитая говорить о ней как о социальной группе дифференцирующими признаками которой выступают, главным образом, возраст, гендер и уровень образования. Так, достаточно популярна в последнее время тема NEET-молодежи (NEET – аббревиатура от англ. «Not in Employment, Education or Training») – молодежи, исключенной из сферы занятости и образования [Варшавская Е.Я., 2016, 4, с. 31-39; Зудина А.А., 2018, 10, с. 197-227]. В этих исследованиях утверждается, что в России каждый восьмой молодой человек в возрасте 15-24 лет не работает и не учится, а основными факторами, существенно увеличивающим вероятность попадания в группу NEET-молодежи и удлиняющим продолжительность периода незанятости, является низкий уровень образования (в других исследованиях высокий уровень образования также рассматривается как аналогичный фактор) и отсутствие опыта работы. Нередко эмпирической базой для таких исследований служат данные обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ), проводимых НИУ ВШЭ совместно с Росстатом [Зудина А.А., 2017, 9].

Многие исследователи фокусируют свое внимание на специфике занятости молодежи на конкретном региональном рынке труда, рассматривая, например, социальное самочувствие молодых работников [Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В., 2017,

1, с. 201-216], их трудовую мотивацию [Карпетян Р.В., Никифорова О.А. 2018, 12, с. 124-135; Богданова Н.М., Коваль К.О., Мензул О.М., 2014, 22, с. 115-119], концентрируясь на проблемах зависимости величины заработной платы и занятости молодежи [Brzezinski A., 2017, 23, p. 251-263].

Многими авторами утверждается при этом, что главное противоречие, характеризующее современный молодежный рынок труда, – увеличивающийся разрыв между трудовыми притязаниями молодежи и возможностями для их удовлетворения, что в конечном итоге приводит к более высокому уровню безработицы среди молодежи [Константиновский Д.Л., Попова Е.С., 2015, 13, с. 37-48]. При этом констатируется, что молодежь образует особо уязвимую категорию на рынке труда, в особенности только что окончившая учебные заведения и не имеющая опыта работы [Бунина С.А., Шин Е.В., 2015, 2, с. 83-86; Skiter N.N., Sherer I.N., Metelkova E.I., 2017, 25, p. 197-203].

Анализируя российский рынок многие современные исследователи отмечают два важных тренда в экономическом поведении молодежи на рынке труда: во-первых, со временем формируются предпочтения образовательных траекторий в сторону более длительных, с более высоким уровнем образования. Во-вторых, молодежь позже выходит на рынок труда. При этом важно, что ближе к 2010 году молодежь стала представлять собой поколение, рожденное в кризисные 1990-е годы, поэтому их численность меньше, соответственно, может быть меньше конкуренция за традиционно «молодежные» рабочие места, которые концентрируются в наиболее гибких сферах экономики – торговле и услугах [Варшавская Е.Я., 2015, 3, с. 40-47; Варшавская Е.Я., Стукен Т.Ю., 2017, 5, с. 121-141; Зудина А.А., 2017, 9]. Кроме того, меньшее количество молодежи в семьях позволяет родителям дольше содержать их, что, вероятно, также вносит свой вклад в более поздний выход на рынок труда.

Принимая во внимание особенности молодежного поведения на рынке труда, описанные

выше, в последние годы на занятость молодежи мог повлиять и спад в экономике России. Согласно исследованию А.А. Зудиной в периоды спадов экономическая неактивность молодежи повышается, а занятость и безработица снижается [Зудина А.А., 2017, 9].

К особенностям занятости молодежи относятся также высокая вовлеченность в неформальную занятость наиболее молодых групп работников. Согласно работе В.Е. Гимпельсона и А.А. Зудиной около 40% занятых в возрасте 15-19 лет были заняты неформально. В более старшем возрасте (20-29 лет) этот показатель снижается в два раза, но все равно остается более высоким, чем у более старших возрастов. Вероятно, неформальная занятость, как правило, легче совместима с учебой, поскольку предполагает более гибкий график [Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., 2014, 8, с. 116-156].

Наиболее молодые работники, как правило, меньше зарабатывают (косвенно это видно в работе [Muravyev A., Oshcherkov A.Y., 2015, 24], где показано, что повышение региональных минимумов заработной платы (МРОТ) оказалось положительно значимым только для безработицы лиц в возрасте 15-24 года и не повлияло на занятость в остальных возрастных группах). Молодые люди нередко совмещают учебу и работу и особенное внимание в исследованиях уделяется выходу молодежи на рынок труда после окончания работы [Рошин С.Ю., Рудаков В.Н., 2016, 21, с. 74-95]. При этом использование социальных связей в большинстве случаев является необходимым условием трудоустройства молодого работника не только на престижную и хорошо оплачиваемую, но и на вообще любую работу. Результаты исследований также свидетельствуют о дифференциации стратегий поведения выпускников на рынке труда, среди которых можно выделить следующие: 1) сразу начать работать; 2) продолжить обучение; 3) «осмотреться» и пока не работать и не учиться; 4) не работать, посвятить себя семье [Молодежь и рынок труда..., 2015, 17, с. 25-26].

Переходя к нашему собственному исследованию, отметим, что занятость молодежи анализируется нами на основе данных мониторинговых обследований домашних хозяйств населения (ОНПЗ), проводимых НИУ ВШЭ [Микроданные выборочного обследования..., 16] и взятых по Уральскому Федеральному округу (далее – УрФО). Такие обследования проводятся в целом по России и субъектам федерации с 1992 г. Их цель состоит в получении информации о численности и составе рабочей силы (занятых и безработных), уровне участия в рабочей силе, уровне занятости и уровне безработицы и их динамике по России

и субъектам Российской Федерации. Единицами отбора являются частные домашние хозяйства; единицами наблюдения – лица в возрасте от 15 до 72 лет – члены этих домашних хозяйств. В период каждого обследования опрашивается около 70 тыс. человек (0,06% от численности населения обследуемого возраста) [Обследование рабочей силы..., 18].

Новизной нашего анализа является попытка показать ситуацию на региональном рынке труда не в целом по социальной группе населения (молодёжь), а только её определенной части, исходя из конструируемого нами понятия «новый рабочий класс». Под этим понятием нами понимается группа наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, содержание и характер труда которых рутинизированы, сегментированы; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности на предприятие (организацию), где они трудятся. Наличие незначительного количества акций, не позволяющее их владельцу принимать участие в реальном управлении предприятием, не является основанием для исключения их владельца из группы «новый рабочий класс». Как правило, это работники без высшего образования. Власть и контроль в организации им не принадлежат, степень их свободы, полномочия в организационных структурах ограничены, они почти не влияют на планирование, организацию и контроль труда [Гаврилюк В.В., Устинова О.В., 2018, 6, с. 25].

Итак, для анализа нами с помощью программы SPSS из массивов ОНПЗ за 2010 г. и 2015 г. было отобрано 64 700 единиц наблюдения, которые условно могут быть отнесены к группе молодёжи «нового рабочего класса»:

- работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации и учетом;
- работники сферы обслуживания;
- работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности;
- продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды;
- рабочие жилищно-коммунального хозяйства;
- рабочие кино- и телестудий и родственных профессий;
- рабочие, занятые на рекламно-оформительских и реставрационных работах;
- квалифицированные работники товарного сельскохозяйственного производства;
- квалифицированные работники сельскохозяйственного производства для личного потребления и продажи излишков;

- рабочие, занятые на горных, горно-капитальных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах;
- рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности;
- рабочие, выполняющие прецизионные работы, рабочие художественных промыслов и полиграфического производства;
- другие профессии квалифицированных рабочих промышленных предприятий;
- профессии рабочих транспорта и связи;
- профессии рабочих, занятых в геологии и разведке недр;
- профессии рабочих промышленности, транспорта и связи, не вошедшие в другие группы;
- операторы, аппаратчики и машинисты промышленных установок;
- операторы, аппаратчики, машинисты промышленного оборудования и сборщики изделий;
- водители и машинисты подвижного оборудования;
- неквалифицированные рабочие сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли;
- неквалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства;
- неквалифицированные рабочие, занятые в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи;
- профессии неквалифицированных рабочих, общие для всех отраслей экономики.

В настоящее время отечественными исследователями принято различать три возрастные

группы молодежи: 1. Младшая возрастная группа (15–19 лет), представленная учащимися образовательных учреждений, учреждений НПО и СПО и студентами вузов. 2. Возрастная группа молодежи от 20 до 24 лет – это завершающие профессиональную подготовку и впервые выходящие на рынок труда молодые люди, сталкивающиеся с проблемой трудоустройства, как не имеющие производственного стажа. 3. Молодежь в возрасте 25–29 лет уже имеющая профессию, квалификацию, определенный статус занятости; жизненный и профессиональный опыт [Осипова Л.Б., Колесник Е.А., Горева О.М., 2018. 19, С. 180].

Отметим, что ранее нами уже анализировалась структура занятости молодежи УрФО по отраслям экономики. Нами отмечалось, что молодежь в возрасте 15-19 лет преимущественно занята в сельском хозяйстве, примерно одинаково она задействована в государственном управлении, военной безопасности и социальном страховании, в торговле. Молодежь в возрасте 20–24 и 25–29 лет преимущественно занята в торговле, обрабатывающем производстве, транспорте и связи. Сравнивая городскую и сельскую занятость, нами отмечалось, что на селе в возрастной категории 15-19 лет существенно превалирует отрасль сельского хозяйства, в то время как в городе в этой и в остальных возрастных группах популярны торговля и обрабатывающее производство [Гаврилюк В.В., Устинова О.В., 2018, 6, с. 25-26].

Распределение количества единиц наблюдений в рамках ОНПЗ 2010 г. и 2015 г по возрастным группам респондентов представлено в таблице 1 (таблица 1).

Таблица 1

Распределение количества единиц наблюдений в рамках ОНПЗ 2010 г. и 2015 г. по возрастным группам респондентов (N=64 700)

УрФО	Количество единиц наблюдений							
	15-29 лет		15-19 лет		20-24 лет		25-29 лет	
	2010	2015	2010	2015	2010	2015	2010	2015
Курганская область	1904	1533	568	527	728	463	608	543
Свердловская область	5198	4332	1443	1386	1813	1215	1942	1731
Тюменская область (без округов)	1854	1480	502	484	718	417	634	579
ХМАО	1936	1783	585	624	705	514	646	645
ЯНАО	1838	1760	605	737	541	441	692	582
Челябинская область	4597	4135	1435	1474	1695	1211	1467	1450
Всего по округу:	17327	15023	5138	5232	6200	4261	5989	5530

По мнению современных исследователей, общероссийский рынок труда состоит из множества различающихся между собой региональных рынков труда, каждый из которых сформирован и продолжает функционировать под влиянием совокупности различных факторов, что приводит к серьезной дифференциации регионов по уровню развития социальной и экономической инфраструктуры [Осипова Л.Б., Колесник Е.А., Горева О.М., 2018, 19, с. 180]. Поэтому в территориальном аспекте привлекательность УрФО для анализа обусловлена рядом причин. С одной стороны, ситуация на рынке труда УрФО достаточно типична для рынка труда в целом по РФ (таблица 2). В целом современная социально-экономическая ситуация УрФО, в т. ч. на рынке труда, описывается исследователями так: «регионы УрФО находятся в зоне повышенного риска, при этом вероятность попадания в зону критического риска – низкая» [Куклин А.А., Тырсин А.Н., Печеркина М.С., Никулина Н.Л., 2018, 14, с. 48]. С другой стороны, в УрФО входят очень разные по уровню валового

регионального продукта (ВРП) [Гильтман М.А., Вотякова А.А., 2015, 7, с. 103-112], структуре и открытости [Кадочников С.М., Федюнина А.А., 2015, 11, с. 132-150] региональной экономики субъекты, разные рынки труда и возможности для занятости в целом, а молодежи особенно, так как в этой возрастной группе занятость наиболее нестабильна.

Далее в нашей статье мы проанализируем, как отличалась молодежная занятость в 2010 и 2015 году в УрФО, учитывая местность проживания респондентов (город/село) по возрастным и гендерным группам. Рассматривается нами степень распространенности неформальной и гибкой занятости, а также уровень образования среди экономически активной (ЭАН) и неактивной молодежи.

Уровень занятости и безработицы среди молодежи «нового рабочего класса» УрФО

В целом в рассматриваемый период ситуация на рынке труда УрФО не была напряженной за исключением ситуации в Курганской и Челябинской областях (таблица 3).

Таблица 2

Уровень занятости и безработицы населения (в %)*

Субъект/год	2010	2011	2012	2013	2014
Уровень занятости населения					
Россия	62,7	63,9	64,9	64,8	65,3
УрФО	63,6	65,0	65,9	66,0	66,0
Уровень безработицы населения					
Россия	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2
УрФО	8,0	6,8	6,0	5,7	5,8

* На основе данных Росстата цит. по: [Пилипенко Л.М., Валикина Ю.Р., 2015, 20].

Таблица 3

Сравнительные показатели состояния рынка труда субъектов УрФО (на январь 2013 г.)*

	Численность зарегистрированных безработных граждан	Уровень регистрируемой безработицы	Напряженность на рынке труда, безработные/1 вак.
Курганская область	7600	1,6	1,6
Свердловская область	31182	1,3	0,9
Тюменская область	3887	0,6	0,2
Челябинская область	28469	1,5	1,45
ХМАО	5320	0,6	0,3
ЯНАО	2598	0,8	0,4
В целом по УрФО	79056	1,2	0,7

* На основе данных Росстата цит. по: [Лутовинов П.П., Тихонова О.К., 2014, 15, с. 16].

Наиболее высокий уровень занятости среди молодежи «нового рабочего класса» (далее – НРК) в 2010 г. и 2015 г. наблюдается среди мужчин 25-29 лет – почти 90% и среди женщин – около 3/4. Доля безработных наиболее выражена среди респондентов 20-24 лет, составляя около 10% у мужчин (почти столько же среди женщин). Можно отметить незначительное увеличение в 2015 г. доли экономически неактивных (далее – ЭнеАН) респондентов в обеих гендерных группах респондентов, чей возраст 15-19 лет и 20-24 лет. Среди мужчин возрастной группы 25-29 лет доля Эне-

АН выражена меньше (около 5%), чем среди женщин (почти 20%) (таблица 4).

Среди городской молодежи НРК наблюдается примерно такая же закономерность распределения долей респондентов, как и в целом по обследованному массиву данных (таблица 5). Среди сельской молодежи НРК, с одной стороны, заметны более низкие доли занятых в возрастной группе 25-29 лет (особенно среди женщин, где только около 2/3 занятые) и с другой стороны, более выраженные доли ЭнеАН (опять же особенно среди женщин, где почти каждая четвертая относится к ЭнеАН) (таблица 6).

Таблица 4

Уровень занятости, безработицы и доля экономически активного населения среди молодежи УрФО (по возрастным и гендерным группам респондентов, в %)*

	15-19 лет		20-24 лет		25-29 лет	
	2010	2015	2010	2015	2010	2015
Мужчины						
Занятые	9,62	6,00	61,10	58,94	86,33	88,92
Безработные	6,47	3,91	11,11	10,91	7,84	6,74
Экономически неактивные	83,91	90,09	27,79	30,14	5,83	4,34
Женщины						
Занятые	5,08	3,19	49,59	47,55	74,34	74,24
Безработные	3,90	2,54	9,63	8,12	6,59	6,13
Экономически неактивные	91,02	94,26	40,78	44,34	19,07	19,63

* [Микроданные выборочного обследования..., 16].

Таблица 5

Уровень занятости, безработицы и доля экономически активного населения среди городской молодежи УрФО (по возрастным и гендерным группам респондентов, в %)*

	15-19 лет		20-24 лет		25-29 лет	
	2010	2015	2010	2015	2010	2015
Мужчины						
Занятые	8,31	3,89	59,17	58,68	88,48	90,43
Безработные	6,14	3,78	10,93	10,40	7,20	6,51
Экономически неактивные	85,55	92,32	29,89	30,92	4,33	3,06
Женщины						
Занятые	4,77	2,97	50,07	47,26	76,87	76,84
Безработные	3,34	2,48	8,76	7,38	5,65	5,70
Экономически неактивные	91,89	94,55	41,18	45,36	17,48	17,46

* [Микроданные выборочного обследования..., 16].

Таблица 6

Уровень занятости, безработицы и доля экономически активного населения среди сельской молодежи УрФО (по возрастным и гендерным группам респондентов, в %)*

	15-19 лет		20-24 лет		25-29 лет	
	2010	2015	2010	2015	2010	2015
Мужчины						
Занятые	12,30	10,74	65,08	59,55	81,00	84,91
Безработные	7,14	4,20	11,48	12,10	9,44	7,35
Экономически неактивные	80,56	85,06	23,44	28,34	9,56	7,74
Женщины						
Занятые	5,74	3,72	48,35	48,32	67,26	67,65
Безработные	5,12	2,69	11,91	10,07	9,23	7,22
Экономически неактивные	89,14	93,59	39,74	41,61	23,51	25,13

* [Микроданные выборочного обследования..., 16].

Характер занятости молодежи «нового рабочего класса» УрФО

В целом среди молодежи НРК УрФО уровень вовлеченности в неформальную занятость нельзя назвать высоким, хотя по сравнению с 2010 г. в 2015 г. доля неформально занятых немного увеличилась с 14 до 17%. Среди субъектов входящих в УрФО наиболее высокими показателями вовлеченности молодежи НРК в неформальную занятость выделяются Курганская область (почти 30% в 2015 г.) и Челябинская область (около 20%). В обоих этих субъектах федерации доля вовлеченности молодежи в неформальную занятость выросли по сравнению с 2010 г. (таблица 7).

Особо выделяется ситуация среди молодежи возрастной группы 15-19 лет, где доля вовлеченных в неформальную занятость составила уже более 1/3 респондентов в 2015 г. (в 2010 г. – около 30%). При этом среди сельской молодежи этой возрастной группы доля неформально занятых составляет около 40%. Лидерами по вовлеченности молодежи НРК возрастной группы 15-19 лет в неформальную занятость являются Курганская область (около 45% в 2010 г. и более 2/3 в 2015 г.), Тюменская область (около 44% в 2010 г. и ровно половина респондентов в 2015 г.) и Челябинская область (около 40% в 2010 г. и 2015 г.) (таблица 7).

Таблица 7

Уровень неформальной занятости на основном месте работы среди молодежи УрФО (во возрастным группам, в % от всех занятых) *

	15-29		15-19		20-24		25-29	
	2010	2015	2010	2015	2010	2015	2010	2015
Курганская область	23,27	29,38	45,24	68,29	25,07	18,25	19,53	25,25
Свердловская область	14,54	17,42	25,16	25,93	14,09	16,52	13,8	17,38
Тюменская область (без округов)	18,15	13,7	44,83	50	16,43	12,68	17,79	12,9
ХМАО	7,54	11,31	8,51	17,65	10,03	15,79	5,59	8,62
ЯНАО	6,42	8,52	22,22	8,33	8,01	10,53	5,15	7,71
Челябинская область	16,06	20,32	40,91	40,35	17,21	20,89	13,39	19,11
УрФО, все население	14,55	17,47	30,34	36,1	15,42	18,25	12,68	16,08
УрФО, город	13,14	15,8	24,56	32	13,9	16,8	11,92	14,72
УрФО, село	18,07	21,79	39,07	40,52	18,72	21,75	14,91	19,97

* [Микроданные выборочного обследования..., 16].

Таблица 8

Характер занятости и наличие дополнительной работы в формальном и неформальном секторе среди городской и сельской молодежи УрФО (по возрастным группам, в %) *

Возрастные группы	Основное место работы**						Дополнительная работа*	
	полный день		неполный день		гибкий график		2010	2015
	2010	2015	2010	2015	2010	2015		
Формальный сектор								
15-29 лет	97,11	97,57	2,09	0,79	0	1,28	0,8	0,36
15-19 лет	88,64	88,96	9,85	6,49	0	3,25	1,52	1,3
20-24 лет	97,15	97,51	1,96	0,81	0	1,19	0,89	0,49
25-29 лет	97,62	97,94	1,69	0,55	0	1,24	0,69	0,26
Город (15-29 лет)	97,39	97,99	1,9	0,7	0	0,94	0,71	0,37
Село (15-29 лет)	96,37	96,39	2,58	1,05	0	2,23	1,04	0,33
Неформальный сектор								
15-29 лет	64,94	62,56	6,53	3,75	0	6,12	28,53	27,57
15-19 лет	46,96	28,74	10,43	11,49	0	2,3	42,61	57,47
20-24 лет	67,17	64,65	7,17	4,84	0	7,99	25,66	22,52
25-29 лет	66,39	65,43	5,25	2,2	0	5,51	28,36	26,86
Город (15-29 лет)	69,17	66,04	5,18	2,87	0	4,49	25,65	26,59
Село (15-29 лет)	57,21	56	9,01	5,41	0	9,18	33,78	29,41

* [Микроданные выборочного обследования..., 16].

**По методологическим пояснениям Росстата (п. 7.16, п. 7.17): основная работа – это та работа, которую лицо само считает для себя основной. Другая работа, которое лицо имело в рассматриваемом периоде, включая совместительство, временные, сезонные, разовые и пр. работы, считается дополнительной.

Подавляющее большинство молодежи НРК, занятой в формальном секторе (ситуация одинакова и для села и для города) экономики, трудятся по основному месту работы полный рабочий день и не имеют дополнительной работы. Несколько отличается положение молодежи возрастной группы 15-19 лет, среди которой доля трудящихся полный рабочий день составляет чуть менее 90% (и в 2010 г. и в 2015 г.). При этом, если почти каждый десятый представитель этой группы занятый в формальном секторе в 2010 г. трудился неполный рабочий день, то в 2015 г. появились те (около 3%), кто смог перейти по основному месту работу на гибкий график трудового времени (таблица 8).

Характер занятости в неформальном секторе выглядит менее однородно. В этом секторе на полный рабочий день трудоустроено около 2/3 молодежи НРК, а примерно 1/4 имеет дополнительную работу, причем в селах полный рабочий день по основному месту работы трудятся менее 60% респондентов, тогда как почти 30% (в 2010 г. – около 1/3) имеют дополнительную

работу. Ситуация в неформальном секторе занятости молодежи НРК практически не поменялась с 2010 г. по 2015 г. Исключение составляет положение молодежи возрастной группы 15-19 лет. Так, если в 2010 г. среди респондентов этой возрастной группы на полный рабочий день в неформальном секторе экономике работал почти половина респондентов, то в 2015 г. – только чуть более 1/4. В то же время, если в 2010 г. дополнительно трудоустроены были около 42% молодежи НРК возрастной группы 15-19 лет, то в 2015 г. об этом сообщили исследователям почти 60% респондентов этой группы (таблица 8).

Уровень образования молодежи «нового рабочего класса» УрФО

Среди экономически активной (далее ЭАН) молодежи НРК всех субъектов входящих в УрФО, несмотря на тенденцию некоторого сокращения по сравнению с 2010 г., преобладает средний уровень образования (от 44% в Тюменской до 56% – в ХМАО по данным 2015 г.). В Курганской, Свердловской и Тюменской области в 2015 г. примерно

Таблица 9

Уровень образования среди экономически активной городской и сельской молодежи в субъектах УрФО (респонденты 15-29 лет, в %) *

Субъект РФ	Высшее		Среднее		Не выше начального	
	2010	2015	2010	2015	2010	2015
<i>Все население</i>						
Курганская область	17,92	28,32	56,79	48,34	25,28	23,34
Свердловская область	21,92	26,93	54,06	52,72	24,02	20,35
Тюменская область (без округов)	26,26	33,20	51,69	44,92	22,05	21,88
ХМАО	25,36	31,68	60,18	56,36	14,46	11,96
ЯНАО	37,05	40,84	48,80	46,23	14,16	12,94
Челябинская область	26,55	28,75	57,47	51,40	15,98	19,85
<i>Городское население</i>						
Курганская область	24,87	35,92	49,91	42,02	25,22	22,07
Свердловская область	24,69	29,11	52,19	51,60	23,13	19,29
Тюменская область (без округов)	35,11	42,39	47,50	40,12	17,38	17,49
ХМАО	31,06	37,32	53,99	51,61	14,95	11,07
ЯНАО	39,88	40,46	46,07	45,07	14,05	14,47
Челябинская область	31,24	33,03	52,53	46,21	16,23	20,77
<i>Сельское население</i>						
Курганская область	9,56	19,27	65,07	55,87	25,36	24,86
Свердловская область	9,90	16,48	62,21	58,12	27,89	25,40
Тюменская область (без округов)	13,20	17,87	57,87	52,92	28,93	29,21
ХМАО	16,24	23,10	70,07	63,59	13,69	13,32
ЯНАО	31,44	41,51	54,19	48,30	14,37	10,19
Челябинская область	13,56	15,54	71,14	67,42	15,31	17,04

* [Микроданные выборочного обследования..., 16].

каждый пятый ЭАН молодой человек имел образование «не выше начального». По всем субъектам УрФО заметна тенденция увеличения доли ЭАН молодежи, получивший высшее образование (наиболее выражена доля такой молодежи в ЯНАО) (таблица 9).

Среди молодежи, относящейся к ЭнеАН по всем субъектам УрФО существенно преобладает доля респондентов имеющих средний уровень образования. При этом в Курганской и Челябинской областях, а так же в ЯНАО наблюдается заметное сокращение по сравнению с 2010 г. групп молодежи со средним образованием и рост групп респондентов с начальным образованием. Доли молодежи, относящейся к ЭнеАН, имеющей высшее образование представлены во всех субъектах УрФО слабо и в 2010 г. и в 2015 г. (таблица 10).

Заключение

В целом кардинальных изменений с 2010 г. по 2015 г. в уровне занятости, состоянии безработицы и вовлеченности в неформальную занятость среди молодежи НРК УрФО не произошло. Сохраняется наиболее типичной ситуация когда молодежь 15-19 лет в основном относится к ЭнеАН, продолжая свою учёбу; в возрастной группе 20-24 лет – наиболее велика доля тех кто не имея необходимого опыта вынужден оставаться без работы; в возрастной группе 25-29 лет большинство молодежи НРК являются занятыми, однако доля занятых женщин существенно ниже, чем среди мужчин (особенно это заметно среди сельской молодежи).

В целом среди молодежи НРК УрФО уровень вовлеченности в неформальную занятость нельзя назвать высоким, хотя по сравнению с 2010 г.

Таблица 10

Уровень образования среди городской и сельской молодежи, не относящейся к ЭАН в субъектах
УрФО (респонденты 15-29 лет, в %) *

Субъект РФ	Высшее		Среднее		Не выше начального	
	2010	2015	2010	2015	2010	2015
<i>Все население</i>						
Курганская область	3,91	3,87	79,98	72,76	16,11	23,36
Свердловская область	3,16	3,17	84,62	84,35	12,23	12,47
Тюменская область (без округов)	5,23	4,69	81,68	84,35	13,08	10,95
ХМАО	5,02	3,86	83,46	85,73	11,52	10,41
ЯНАО	3,68	4,22	90,74	79,37	5,58	16,40
Челябинская область	2,53	3,28	88,43	82,09	9,04	14,64
<i>Городское население</i>						
Курганская область	5,88	4,59	82,12	72,45	12,00	22,96
Свердловская область	3,63	3,32	85,98	85,44	10,39	11,24
Тюменская область (без округов)	6,47	4,92	84,89	87,59	8,63	7,49
ХМАО	6,72	4,07	82,98	86,32	10,29	9,61
ЯНАО	4,10	3,87	93,67	86,13	2,23	10,00
Челябинская область	2,78	3,02	89,91	83,18	7,31	13,81
<i>Сельское население</i>						
Курганская область	1,91	3,08	77,80	73,11	20,29	23,81
Свердловская область	1,27	2,40	79,19	78,77	19,54	18,84
Тюменская область (без округов)	3,10	4,35	76,16	79,35	20,74	16,30
ХМАО	2,65	3,50	84,12	84,71	13,24	11,78
ЯНАО	2,95	4,77	85,57	68,84	11,48	26,38
Челябинская область	1,71	4,11	83,51	78,57	14,78	17,32

* [Микроданные выборочного обследования..., 16].

в 2015 г. доля неформально занятых немного увеличилась с 14 до 17%. Особо выделяется ситуация среди молодежи возрастной группы 15-19 лет, где доля вовлеченных в неформальную занятость составляла в 2015 г. более 1/3 респондентов. При этом среди сельской молодежи этой возрастной группы доля неформально занятых – около 40%.

Подавляющее большинство молодежи НРК, занятой в формальном секторе (ситуация одинакова и для села и для города) экономики, трудятся по основному месту работы полный рабочий день и не имеют дополнительной работы. В неформальном секторе на полный рабочий день трудоустроено около 2/3 молодежи НРК, а примерно 1/4 имеет дополнительную работу, причем в сёлах полный рабочий день по основному месту работы трудятся менее 60% респондентов, тогда как почти 30% имеют дополнительную работу.

Особняком выглядит ситуация среди молодежи возрастной группы 15-19 лет. В этой возрастной группе в 2015 г. только чуть более 1/4 были трудоустроены на полный рабочий день.

По всем субъектам УрФО заметна тенденция увеличения доли ЭАН молодежи, получившей высшее образование. Ситуация когда растет доля молодежи НРК, получившей высшее образование и сокращаются доли респондентов имеющих среднее или начальное образование – характерна и для городской и для сельской молодежи НРК.

В целом, исходя из приведенной статистики, очевидно, что наиболее молодой возраст (15-19 лет) – является наиболее уязвимой группой молодежи НРК. Отсутствие профессионального образования и проживание в сельской местности повышают для них вероятности быть

занятым в неформальном секторе (не полный рабочий день) и на рабочих местах с низкой квалификацией. Это очевидно сопряжено с низкой заработной платой, худшими и опасными условиями труда, исключением из правового поля регулирования трудовых отношений.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

Список литературы

1. Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий: индикаторы и факторы // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 201-216. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-2-201-216
2. Бунина С.А., Шин Е.В. Проблемы молодёжи на рынке труда: региональный аспект / Образовательная среда вуза: ресурсы, технологии. Благовещенск, 26-27 марта 2015 г. Благовещенск: Изд-во: Амурский государственный университет, 2015. 320 с., С. 83-86.
3. Варшавская Е.Я. Молодёжь, исключённая из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 40-47.
4. Варшавская Е.Я. Российская NEET-молодёжь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31-39.
5. Варшавская Е.Я., Стуken Т.Ю. Российская молодёжь вне сферы занятости и образования: анализ региональной дифференциации // Регион: Экономика и Социология. 2017. № 1. С. 121-141.
6. Гаврилюк В.В., Устинова О.В. Молодёжь нового рабочего класса в социальной структуре российского общества (региональный аспект) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. Январь-март 2018. № 1 (56). С. 23-28.
7. Гилтман М.А., Вотякова А.А. Эластичность занятости на региональных рынках труда России // Вестник Пермского университета. Экономика. 2015. Вып. 4 (27). С. 103-112.
8. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. «Бойцы невидимого фронта»: кто они и сколько их? История на основе данных ОНПЗ / В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014, С. 116-156.
9. Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодёжь на рынке труда в России: препринт WP3/2017/02 [Электронный ресурс]. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). 21 с.
10. Зудина А.А. Дороги, ведущие молодёжь в NEET: случай России // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 2. С. 197-227.
11. Кадочников С.М., Федюнина А.А. Несырьевой экспорт российских регионов: в поисках наиболее динамичных отраслей и рынков // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 132-150.
12. Карапетян Р.В., Никифорова О.А. Молодёжь на рынке труда Санкт-Петербурга: динамика основных показателей // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). 2018. № 2 (14). С. 124-131. DOI: 10.25634/MIRBIS.2018.2.18
13. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодёжь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37-48.
14. Ку克林 А.А., Тырсин А.Н., Печеркина М.С., Никулина Н.Л. Риски для благосостояния в регионах: диагностика и управление (на примере УрФО) // Пространственная экономика. 2018. № 2. С. 36-51. DOI: 10.14530/se.2018.2.036-051.

References

1. Bocharov V.Yu., Vas'kina Yu.V. Social'noe samochuvstvie molody'x rabotnikov promy'shlenny'x predpriyatij: indikator'y i faktory' // Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki. – 2017. – T. 15. № 2. S. 201-216. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-2-201-216
2. Bunina S.A., Shin E.V. Problemy' molodyozhi na ry'nke truda: regional'ny'j aspekt / Obrazovatel'naya sreda vuza: resursy', tehnologii. Blagoveshhensk, 26-27 marta 2015 g. – Blagoveshhensk: Izd-vo: Amurskij gosudarstvenny'j universitet, 2015. – 320 s., S. 83-86.
3. Varshavskaya E.Ya. Molodezh', isklyuchennaya iz sfery' zanyatosti i obrazovaniya, v stranax ES i Rossii // Voprosy' statistiki. – 2015. – № 4. S. 40-47.
4. Varshavskaya E.Ya. Rossijskaya NEET-molodezh': karakteristiki i tipologiya // Sociologicheskie issledovaniya. – 2016. – № 9. S. 31-39.
5. Varshavskaya E.Ya., Stuken T.Yu. Rossijskaya molodezh' vne sfery' zanyatosti i obrazovaniya: analiz regional'noj differenciacii // Region: E'konomika i Sociologiya. – 2017. – № 1. S. 121-141.
6. Gavriilyuk V.V., Ustinova O.V. Molodezh' novogo rabocheho klassa v social'noj strukture rossijskogo obshhestva (regional'ny'j aspekt) // Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavedenij. Sociologiya. E'konomika. Politika. – Yanvar'-mart 2018. – № 1 (56). S. 23-28.
7. Gil'tman M.A., Votyakova A.A. E'lastichnost' zanyatosti na regional'ny'x ry'nkax truda Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. E'konomika. – 2015. – Vy'p. 4 (27). S. 103-112.
8. Gimpel'son V.E., Zudina A.A. «Bojcy nevidimogo fronta»: kto oni i skol'ko ix? Istoriya na osnove danny'x ONPZ / V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossijskom ry'nke truda. – M.: Izdatel'skij dom NIU VShE', 2014, S. 116-156.
9. Zudina A.A. «Ne rabotayut i ne uchatsya»: NEET-molodezh' na ry'nke truda v Rossii: preprint WP3/2017/02 [E'lektronny'j resurs]. Nacz. issled. un-t «Vy'sshaya shkola e'konomiki». – M.: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki, 2017. – (Seriya WP3 «Problemy' ry'nka truda»). – 21 s.
10. Zudina A.A. Dorogi, vedushhie molodezh' v NEET: sluchaj Rossii // E'konomicheskij zhurnal VShE'. – 2018. – T. 22. № 2. S. 197-227.
11. Kadochnikov S.M., Fedyunina A.A. Nesy'r'evoy e'ksport rossijskix regionov: v poiskax naibolee dinamichny'x otraslej i ry'nkov // Voprosy' e'konomiki. – 2015. – № 10. S. 132-150.
12. Karapetyan R.V., Nikiforova O.A. Molodezh' na ry'nke truda Sankt-Peterburga: dinamika osnovny'x pokazatelej // Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj vy'sshej shkoly' biznesa (MIRBIS). – 2018. – № 2 (14). S. 124-131. DOI: 10.25634/MIRBIS.2018.2.18
13. Konstantinovskij D.L., Popova E.S. Molodezh', ry'nok truda i e'kspansiya vy'sshego obrazovaniya // Sociologicheskie issledovaniya. – 2015. – № 11. S. 37-48.
14. Kuklin A.A., Ty'rsin A.N., Pecherkina M.S., Nikulina N.L. Riski dlya blagosostoyaniya v regionax: diagnostika i upravlenie (na primere UrFO) // Prostranstvennaya e'konomika. – 2018. – № 2. S. 36-51. DOI: 10.14530/se.2018.2.036-051.
15. Lutovinov P.P., Tixonova O.K. Upravlenie ry'nkom truda v regione na osnove prognozirovaniya sprosa // Vestnik YuUrGU. 16 Seriya «E'konomika i menedzhment». – 2014. –

15. Лутовинов П.П., Тихонова О.К. Управление рынком труда в регионе на основе прогнозирования спроса // Вестник ЮУрГУ. 16 Серия «Экономика и менеджмент». 2014. Т. 8. № 1. С. 15-21.
16. Микроданные выборочного обследования рабочей силы с 2010-2016 гг. / Сайт Федеральная служба государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# [Дата посещения: 21.07.2018].
17. Молодёжь и рынок труда: конкурентоспособность в современных социально-экономических условиях в России и за рубежом [Текст]: монография / отв. ред.: Е.В. Пыхтеева, Р.Р. Шахмарова. Омск: Полиграфический центр КАН, 2015. 224 с.
18. Обследование рабочей силы (методологические пояснения) / Сайт Федеральная служба государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/bd_ors/bd_ors-metod.pdf [Дата посещения: 21.07.2018].
19. Оситова Л.Б., Колесник Е.А., Горева О.М. Инфраструктурная поддержка развития молодёжного сегмента регионального рынка труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 175-191. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.12
20. Пилипенко Л.М., Валикина Ю.Р. Структура и динамика основных показателей рынка труда Тюменской области // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (ч. 1) // URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21335> [Дата посещения: 21.07.2018].
21. Рошин С.Ю., Рудаков В.Н. Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 74-95.
22. Богданова Н.М., Коваль К.О., Мензул О.М. Молодь на рынке праці: практики взаємодії суб'єктів працевлаштування молоді // Вісник Вінницького політехнічного інституту. 2014. № 2. С. 115-119.
23. Brzezinski A. Synergies in Labour Market Institutions: the Nonlinear Effect of Minimum Wages on Youth Employment // Atlantic Economic Journal. 2017. Vol.45, Issue 2. pp. 251-263. DOI: 10.1007/s11293-017-9537-7
24. Muravyev A., Oshchepkov A.Y. The Effect of Doubling the Minimum Wage on Employment: Evidence from Russia. 2015. IZA Discussion Paper No. 9589. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2713009> [Дата посещения: 21.07.2018].
25. Skiter N.N., Sherer I.N., Metelkova E.I. Young Specialists Labor Market in Modern Russia: Analysis, Problems, and Perspectives. In: Popkova E., Sukhova V., Rogachev A., Tyurina Y., Boris O., Parakhina V. (eds) Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth. Contributions to Economics. 2017. Springer, Cham. pp. 197-203. DOI: 10.1007/978-3-319-45462-7_23
- Т. 8. № 1. С. 15-21.
16. Mikrodannye vyborochnogo obsledovaniya rabochej sily` s 2010-2016 gg. / Sajt Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# [Data poseshheniya: 21.07.2018].
17. Molodezh' i ry`nok truda: konkurentosposobnost` v sovremenny`x social`no-e`konomicheskix usloviyax v Rossii i za rubezhom` [Tekst]: monografiya / отв. red.: E.V. Py`xteeva, R.R. Shaxmarova. – Omsk: Poligraficheskij centr KAN, 2015. – 224 s.
18. Obsledovanie rabochej sily` (metodologicheskie poyasneniya) / Sajt Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/bd_ors/bd_ors-metod.pdf [Data poseshheniya: 21.07.2018].
19. Osipova L.B., Kolesnik E.A., Goreva O.M. Infrastrukturnaya podderzhka razvitiya molodezhnogo segmenta regional`nogo ry`nka truda // E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz. – 2018. – Т. 11. № 2. С. 175-191. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.12
20. Pilipenko L.M., Valikina Yu.R. Struktura i dinamika osnovny`x pokazatelej ry`nka truda Tyumenskoj oblasti // Sovremenny`e problemy` nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 2 (ch. 1) // URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21335> [Data poseshheniya: 21.07.2018].
21. Roshhin S.Yu., Rudakov V.N. Vliyanie «kachestva» vuza na zarabotnuyu platu vy`pusknikov // Voprosy` e`konomiki. – 2016. – № 8. S. 74-95.
22. Bogdanova N.M., Koval` K.O., Menzul O.M. Molod` na rinku praczi: praktiki vzaemodii sub`ektiv pracevlashtuvannya molodi // Visnik Vinnicz`kogo politexnichnogo institutu. – 2014. – № 2. S. 115-119
23. Brzezinski A. Synergies in Labour Market Institutions: the Nonlinear Effect of Minimum Wages on Youth Employment // Atlantic Economic Journal. 2017. Vol.45, Issue 2. pp. 251-263. DOI: 10.1007/s11293-017-9537-7
24. Muravyev A., Oshchepkov A.Y. The Effect of Doubling the Minimum Wage on Employment: Evidence from Russia. 2015. IZA Discussion Paper No. 9589. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2713009> [Дата посещения: 21.07.2018].
25. Skiter N.N., Sherer I.N., Metelkova E.I. Young Specialists Labor Market in Modern Russia: Analysis, Problems, and Perspectives. In: Popkova E., Sukhova V., Rogachev A., Tyurina Y., Boris O., Parakhina V. (eds) Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth. Contributions to Economics. 2017. Springer, Cham. pp. 197-203. DOI: 10.1007/978-3-319-45462-7_23

Проблемы закре­дитованности населения России и Алтайского края

Problems of the Debt Load of the Population of Russia and the Altay Kray

Получено 10.09.2018

Одобрено 11.10.2018

Опубликовано 30.11.2018

УДК: 336.77

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10039

СЕЛИВАНОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве РФ, Барнаульский филиал
Email: marishka6891@mail.ru

ИЛЬНИХ ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве РФ, Барнаульский филиал
Email: yulia-ilm@mail.ru

SELIVANOVA, MA

candidate of economic science, associate professor
Financial University under the Government of the Russian Federation, Barnaul Branch
Email: marishka6891@mail.ru

IL'YINYKH, YU M

PhD in Economics, Associate Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation, Barnaul Branch
Email: yulia-ilm@mail.ru

Аннотация

Объект исследования. Организационно-экономические отношения, возникающие между коммерческими банками и физическими лицами, в процессе кредитования.

Предмет исследования. Закредитованность населения России.

Цель исследования. Исследование проблемы закре­дитованности населения России и жителей Алтайского края.

Основные положения статьи. Авторами проведен анализ кредитной задолженности физических лиц как в целом по России, так и в Сибирском федеральном округе, а также рассмотрены объем и доля просроченной задолженности граждан. Особое внимание в исследовании было уделено уровню кредитной нагрузки населения России и Алтайского края, исследованы причины закре­дитованности населения Алтайского края. В статье дана оценка последствиям закре­дитованности населения и проведен анализ изменения среднедушевых денежных доходов населения, среднемесячной номинальной заработной платы граждан Алтайского края. Для решения проблем, связанных с закре­дитованностью населения, предлагаются такие меры, как повышение финансовой грамотности населения и повышение уровня жизни населения граждан.

Ключевые слова: ссудная задолженность физических лиц; среднедушевые доходы населения; кредитная нагрузка; коммерческие банки; финансовая грамотность; средние платежи по кредиту.

Abstract

The Object of the Study. Organizational and economic relations arising between commercial banks and individuals in the process of crediting.

The Subject of the Study. Crediting the population of Russia.

The Purpose of the Study. Studying the problem of crediting the population of Russia and the inhabitants of the Altay Kray.

The Main Provisions of the Article. The authors have analyzed the credit indebtedness of individuals both in Russia as a whole and in the Siberian Federal Okrug, the volume and share of overdue debt of citizens in particular. Particular attention in the study has been paid to the level of credit burden of the population of Russia and the Altay Kray, the reasons for the crediting of the population of the Altay Territory were investigated. The article gives an assessment of the consequences of population crediting, analyzing the changes in per capita cash income of the population, the average monthly nominal wage of citizens of the Altay Okrug is given. To solve the problems associated with crediting the population, measures such as increasing the financial literacy of the population and improving the living standards of the citizens has been proposed.

Keywords: loan indebtedness of individuals; per capita income of the population; credit load; commercial banks; financial literacy; average loan payments.

Введение

С каждым годом все больше внимания привлекает проблема закре­дитованности населения нашей страны. Граждане активно прибегают к получению кредитов на потребительские цели. Многие эксперты считают, что при продолжающейся стагнации доходов это может привести к кризису неплатежей. Проблеме закре­дитованности населения уделяется все больше внимания. Термин «закредитованность» появился совсем недавно в российской экономике и распространился на все сферы финансово-кредитных отношений. Значение этого термина сходно со смыслом «чрезмерная задолженность», который

используется в странах Европейского союза. В практическом смысле закре­дитованность означает излишнюю долговую нагрузку на домохозяйства, которая парализует их бюджет и приводит к общему снижению уровня жизни населения [Романова Ю., 2016, 4, с. 24].

Так за последние годы было написано множество научных работ. Так, в монографии Касьяненко В.А. «Угрозы продовольственной безопасности» этому уделяется целый раздел [Касьяненко В, 2016, 1]. Весьма интересны труды таких экономистов как Каранина Е.В. [Каранина Е., 2017, 2, с. 56], Шарнинова Г.А. [Шарнинова Г., 2017, 5, с. 82], Маланов В.И., Яковлева И.А., Бурлов Д.Ю. [Маланов В., 2017, 3, с. 110].

Анализ кредитной задолженности российских граждан

На протяжении многих лет наблюдается увеличение кредитной задолженности населения перед коммерческими банками (таблица 1).

Ссудная задолженность российских граждан перед банками за последние три года вы-

росла на 14,1% и на 1 января 2018 года составила 12135 449 млн. рублей. Анализируя ситуацию по Сибирскому Федеральному округу (СФО), стоит отметить, что ссудная задолженность увеличилась на 6%, при этом наибольший рост наблюдается в Республике Тыва (20,7%), Республике Хакасия (18,9%) и Новосибирской обла-

Таблица 1

Динамика задолженности физических лиц в российских коммерческих банках за 2015-2017 гг., млн. руб.

Регион	01.01.2016 г.	01.01.2017 г.	01.01.2018 г.	Темп изменения, %
Российская Федерация	10634 035	10773 733	12135 449	114,1
Сибирский федеральный округ	1506 000	1479 028	1609 585	106,9
Республика Алтай	12 477	11 721	12 470	99,9
Республика Бурятия	82 034	72 108	74 894	91,3
Республика Тыва	19 398	20 454	23 418	120,7
Республика Хакасия	33 040	35 240	39 269	118,9
Алтайский край	141 604	137 989	150 970	106,6
Забайкальский край	83 591	81 909	86 971	104,0
Красноярский край	270 509	265 308	287 904	106,4
Иркутская область	219 842	215 680	232 525	105,8
Кемеровская область	191 562	186 974	202 084	105,5
Новосибирская область	233 111	236 921	266 251	114,2
Омская область	133 918	131 991	143 281	107,0
Томская область	84 912	82 734	89 547	105,5

На основе данных Банка России [Официальный сайт cbr.ru, 8]

Таблица 2

Динамика просроченной задолженности физических лиц в России за 2015-2017 гг., млн. руб.

Регион	01.01.2016 г.	01.01.2017 г.	01.01.2018 г.	Темп изменения, %
Российская Федерация	861 427	856 139	846 618	98,3
Сибирский федеральный округ	142 202	138 644	132 788	93,4
Республика Алтай	1 128	1 110	1 003	88,9
Республика Бурятия	9 585	8 914	8 157	85,1
Республика Тыва	1 831	1 872	1 885	102,9
Республика Хакасия	2 511	2 855	3 088	123,0
Алтайский край	13 899	13 558	12 857	92,5
Забайкальский край	6 045	6 616	7 127	117,9
Красноярский край	23 586	23 364	23 235	98,5
Иркутская область	18 719	18 105	18 064	96,5
Кемеровская область	22 332	20 479	18 578	83,2
Новосибирская область	22 507	21 113	19 873	88,3
Омская область	13 809	14 649	13 231	95,8
Томская область	6 249	6 008	5 690	91,1

На основе данных Банка России [Официальный сайт <https://cbr.ru>, 8]

сти (14,2%). Что касается Алтайского края, то рост составил – 6,6%.

Просроченная ссудная задолженность по кредитам, выданным населению, занимает существенную долю в структуре общей просроченной задолженности российских банков.

За последние три года объем просроченной ссудной задолженности физических лиц сократился. На 1 января 2018 года просроченная ссудная задолженность физических лиц в целом по России снизилась на 1,7% и составила 846618 млн. рублей. По СФО также наблюдается снижение на 6,6%. Лидерами по росту просроченной ссудной задолженности населения СФО лидируют Республика Хакасия (23%), Забайкальский край (17,9%) и Республика Тыва (2%). В Алтайском крае отмечается снижение на 7,5%.

Динамика доли просроченной ссудной задолженности в кредитном портфеле физических лиц российских банков представлена в таблице 3.

В динамике за последние три года наблюдается сокращение доли просроченной задолженности по кредитам физических лиц с 8,1% в 2015 году до 7% в 2017 году, что может свидетельствовать об улучшении качества кредитного портфеля физических лиц. Наибольший удельный вес просроченной задолженности по СФО приходится на Республику Бурятия (10,9%), Омскую и Кемеровскую области (9,2%),

в Алтайском крае этот показатель снизился с 9,8% до 8,5%.

Сложившаяся ситуация объясняется тем, что в период с 2014 по 2016 годы большинство банков были вынуждены ужесточить требования к оценке кредитоспособности физических лиц и снизить максимальные суммы кредитов. Помимо этого, действия Банка России, которые заключались в изменении нормативов, касающихся сокращения полной стоимости кредита для заемщиков, привели к снижению объемов кредитования населения на тот период времени.

За последние годы, благодаря государственным программам повышения финансовой грамотности населения, уровень ее значительно вырос. Многие заемщики тщательно оценивают свои финансовые возможности, стремятся погашать кредиты до окончания срока кредитного договора.

Несмотря на это, количество кредитов на одного заемщика продолжает увеличиваться (рисунок 1).

По данным рисунка 1 видно, что количество кредитов на одного заемщика постоянно растет. Несмотря на рост количества кредитов, снижаются суммы кредитов. Это обусловлено тем, что население все чаще проводит адекватную оценку своих финансовых возможностей и не обращается в коммерческие банки за большими суммами,

Таблица 3

Динамика доли просроченной задолженности физических лиц в России за 2015-2017 гг., %

Регион	01.01.2016 г.	01.01.2017 г.	01.01.2018 г.
Российская Федерация	8,1	7,9	7,0
Сибирский федеральный округ	9,4	9,4	8,2
Республика Алтай	9,0	9,5	8,0
Республика Бурятия	11,7	12,4	10,9
Республика Тыва	9,4	9,2	8,0
Республика Хакасия	7,6	8,1	7,9
Алтайский край	9,8	9,8	8,5
Забайкальский край	7,2	8,1	8,2
Красноярский край	8,7	8,8	8,1
Иркутская область	8,5	8,4	7,8
Кемеровская область	11,7	11,0	9,2
Новосибирская область	9,7	8,9	7,5
Омская область	10,3	11,1	9,2
Томская область	7,4	7,3	6,4

На основе данных Банка России [Официальный сайт <https://cbr.ru>, 8]

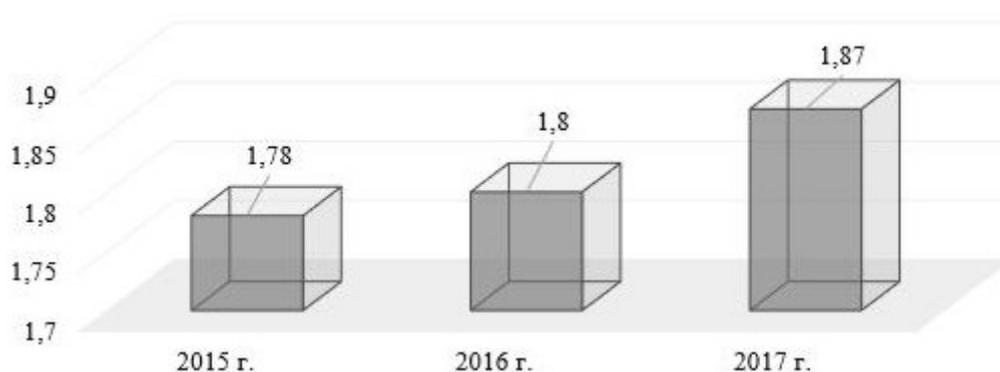

Рисунок 1. Динамика количества кредитов на одного заемщика в России за 2015 - 2017 гг.

На основе данных Национального бюро кредитных историй (НБКИ) [Официальный сайт <https://www.nbki.ru,12>]

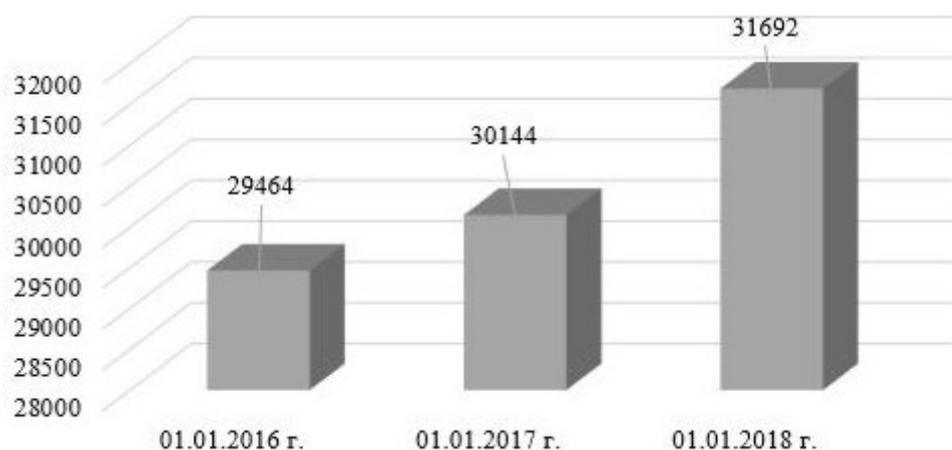

Рисунок 2. Динамика кредитных карт в России за 2015-2017 гг., тыс. единиц

На основе данных Банка России [Официальный сайт <https://cbr.ru, 8>]

а берет несколько небольших ссуд. В 2017 г. российские банки одобрили кредиты по 33% заявлений заемщиков, в 2016 г. этот показатель составил 57%. При этом количество выданных кредитов не снизилось [Сайт Национального ..., 12].

Рассматривая выданные кредиты по видам, стоит отметить, что в большей степени банки одобряли заявки по ипотеке – 59% положительных решений, по заявкам на автокредиты было принято 44% положительных решений, по кредитам наличными – 33% и по кредитным картам – 31%.

Все большую популярность среди населения приобретает такой вид кредитования, как кредитование кредитными картами (рисунок 2).

В начале января 2018 года в России была зафиксирована выдача более 587 тыс. новых кредитных карт, что в 1,7 раза превзошло показатели прошлого года [Сайт Национального ..., 12]. Количество кредитных карт выросло с 29464 тысяч в 2016 году до 31692 тысяч в 2017 году.

Лидерами по выпуску кредитных карт являются крупнейшие банки, такие как Сбербанк, Тинькофф Банк и Альфа-Банк. Но далеко не все банки сумели нарастить портфель кредитных карт, Банка Русский Стандарт и Бинбанк, вышли из пятерки лидеров [Рынок кредитных..., 15].

В 2017 году средняя сумма долга по потребительским кредитам составляет от 90 до 130 тысяч рублей. Наибольший удельный вес этого долга граждан перед банками, однако значительная часть приходится и на микрофинансовые организации.

Рассматривая долговую нагрузку населения по суммам долга в различных странах, был сделан вывод, что наибольший долг перед банками у населения таких развитых стран как США, Великобритании, Японии, Германии, Швейцарии, Дании и др. Причиной этому послужили низкие процентные ставки по кредитам [Amadeo, 6].

Суммы долга во многих странах мира существенно отличаются от российских, так, напри-

мер, в Швейцарии в среднем на одного заемщика приходится около 145 тысяч долларов США долга [America's..., 13], но стоит отметить, что и заработная плата тоже отличается от нашей российской (размер среднемесячной заработной платы – 2400 долларам в месяц), в США – 55 тысяч долларов США, в Японии – 30 тысяч долларов США [Chinese..., 7].

Одним из важных показателей, определяющих уровень долговой нагрузки является показатель *payment-to-income* (РТИ) или кредитная нагрузка, или, который можно определить как совокупность платежей по всем кредитам или отношение суммы ежемесячной выплаты к сумме полученного кредита, выраженное в процентах. Чем ближе коэффициент РТИ к 100%, тем больше финансовая нагрузка на заемщика. Оптимальное значение РТИ для заемщика – 30-35%.

С 2016 года наблюдается тенденция снижения уровня кредитной нагрузки российских граждан в России (рисунок 3).

В 2017 году показатель РТИ снизился и составил 32%, в 2015 году его значение было на уровне 38%.

На изменение ситуации с долговой нагрузкой, как отмечалось ранее, оказало влияние увеличение доходов населения, повышение уровня их финансовой грамотности, меры по ужесточению оценки кредитоспособности заемщика коммерческого банка.

Несмотря на снижение кредитной нагрузки в целом по стране Банк России озадачен проблемой закредитованности населения. Именно поэтому регулятор планирует установить надбавки к коэффициентам риска по потребительским креди-

там [https://www.rbc.ru, 14]. От размера надбавок будет зависеть объем резервов, которые банк должен создать по каждому выданному кредиту.

Центральный Банк планирует повысить коэффициенты риска по потребительским кредитам, с процентной ставкой более 10%, так как эта ситуация может привести к крупным объемам необеспеченных кредитов и риску увеличения закредитованности населения.

Обязательный расчет предельной долговой нагрузки (ПДН) физических лиц должен начать действовать с 1 января до 1 октября 2019 года (Указание Банка России «О видах активов и характеристиках видов активов, к которым устанавливаются надбавки к коэффициентам риска»). Стоит отметить, что ПДН должен рассчитываться абсолютно для всех типов кредитов [https://moneymen.ru, 11].

Анализ кредитования населения в Алтайском крае

Проведенное исследование показало, что в Алтайском крае в 2017 г. индекс потребительских цен составил 101,8%, наблюдался рост заработной платы (2,8%), однако реальный доход населения региона в 2017 году по отношению к 2016-му составил 99,2% (- 0,8%). Реально располагаемый доход населения в 2017 году по сравнению с 2016 годом сократился на 1,2%.

За исследуемый период среднедушевые доходы граждан Алтайского края увеличились на 5,8% и составили в 2017 году 22239 рублей, а прирост среднемесячной номинальной заработной платы

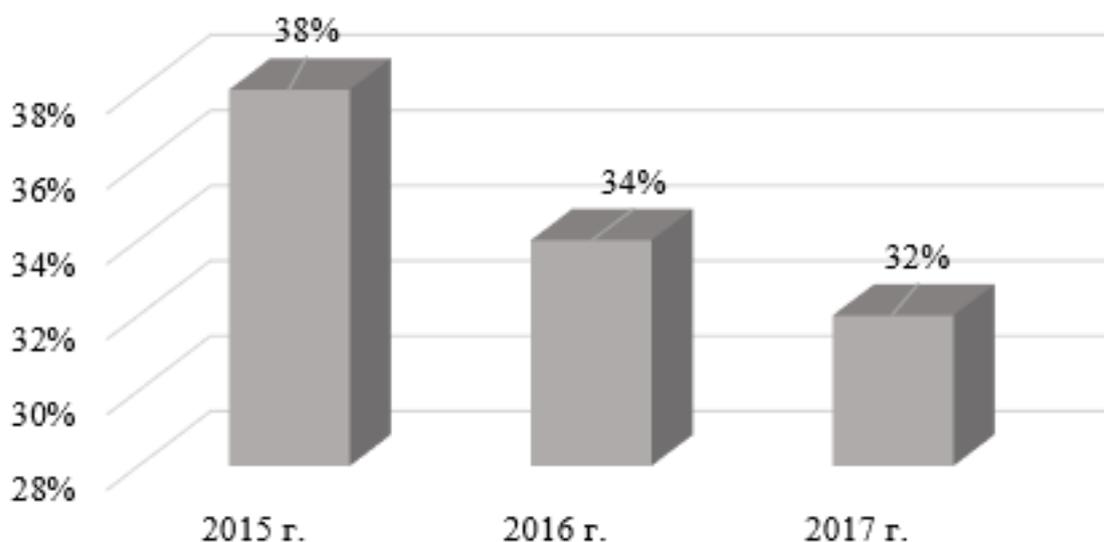

Рисунок 3. Кредитная нагрузка российских граждан за 2015 - 2017 гг., %

На основе данных Объединенное кредитное бюро [Официальный сайт <http://www.bki-okb.ru>, 10]

Таблица 4

Соотношение среднедушевых доходов населения к среднемесячной начисленной заработной плате в Алтайском крае за 2015-2017 гг., %

Год	Среднедушевые доходы, руб.	Среднемесячная номинальная заработная плата, руб.	Соотношение СД и ЗП
2015 г.	21008	19960	105,3
2016 г.	21483	21039	102,1
2017 г.	22239	22743	97,8

На основе данных Федеральной службы государственной статистики [Официальный сайт [https:// www.gks.ru](https://www.gks.ru), 9]

Таблица 5

Распределение населения Алтайского края по величине среднедушевых денежных доходов за 2015-2017 гг., руб.

Все население	2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	2384,8	100	2376,8	100	2365,7	100
до 5000,0	98	4,1	92,6	3,9	81,7	3,5
5000,1-7000,0	154,1	6,5	147,3	6,2	135,2	5,7
7000,1-10000,0	301,5	12,6	291,2	12,2	275,1	11,6
10000,1-14000,0	409,6	17,2	400,6	16,9	388,7	16,4
14000,1-19000,0	418,3	17,5	414,7	17,4	412,2	17,4
19000,1-27000,0	433,9	18,2	436,9	18,4	444,5	18,8
27000,1-45000,0	394,7	16,6	406,5	17,1	425,2	18
свыше 45000,1	174,7	7,3	187	7,9	203,1	8,6

На основе данных Федеральной службы государственной статистики [Официальный сайт [https:// www.gks.ru](https://www.gks.ru), 9]

Таблица 6

Динамика показателей РТИ и средних платежей по кредиту в Алтайском крае за 2015-2017 гг.

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.
РТИ, %	54	49	49
Средний платеж, руб.	10766	10039	10675

На основе данных Национального бюро кредитных историй (НБКИ) [Официальный сайт <https://www.nbki.ru>, 12]

составил 13,9%. Соотношение среднедушевых доходов и среднемесячной номинальной заработной платы за последние три года снизился с 105,3 до 97,8%, что свидетельствует об отставании среднедушевых доходов от среднемесячной номинальной заработной платы.

Представляет интерес и распределение населения Алтайского края по величине среднедушевых денежных доходов (таблица 5).

В крае наибольшую долю среди населения занимают лица, получающие доход от 19000 до 27000, увеличивается доля лиц с доходом свыше

27000 рублей, а доля лиц с низкими доходами до 7000 рублей имеет тенденцию к снижению.

Исходя из представленных данных, уровень кредитной нагрузки населения Алтайского края в динамике снизился с 54% до 49%, однако он превышает оптимальные значения, что говорит о большой долговой нагрузке граждан. Что касается средних платежей по кредитам, то они изменились незначительно.

Подводя итог проведенному исследованию, можно отметить, что банки продолжают наращивать свои кредитные портфели. Уровень про-

сроченной задолженности по кредитованию физических лиц за последние годы снизился, однако остается на высоком уровне. Количество кредитов на одного заемщика продолжает расти. Регулятор обеспокоен закредитованностью населения и предлагает меры по сдерживанию выдачи необеспеченных кредитов населению.

Алтайский край показывает тенденцию роста кредитования населения (6% за последние 3 года), объем просроченной задолженности снизился на 7,5%, а ее доля уменьшилась с 9,8% в 2015 году до 8,5% в 2017 году. Но несмотря на это, уровень дол-

говой нагрузки остается на высоком уровне (49%), в то же время наблюдается отставание среднедушевых доходов от среднемесячной номинальной заработной платы.

С целью снижения уровня закредитованности российских граждан необходимо, в первую очередь, попытаться решить проблему низкого дохода и уровня жизни населения. Во-вторых, продолжать повышать финансовую грамотность граждан в области кредитования, в результате чего заемщик сможет здраво оценивать свои финансовые возможности.

Список литературы

1. Касьяненко В.А. Угрозы продовольственной безопасности: монография / В.А. Касьяненко. М.: Проспект, 2016. 62 с.
2. Каранина Е.В., Тимин А.Н. Кредитная нагрузка населения как фактор оценки экономической безопасности федеральных округов России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т.3 №8 С. 56 – 64.
3. Маланов В.И., Яковлева И.А., Бурлов Д.Ю. Уровень жизни как фактор закредитованности населения // Вестник ВSGУТУ. 2017. № 1 (64). С. 110-116.
4. Романова Ю.В. Влияние социально-экономических факторов на возникновение закредитованности домашних хозяйств и уровень жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. 2016. №4 (202).
5. Шаринова Г.А. Проблема закредитованности населения регионов Российской Федерации // Экономика сельского хозяйства России. 2017. № 3. С. 81-84.
6. Amadeo K. Consumer debt statistics, causes and impact [сайт]. 2018. URL: <https://www.thebalance.com/consumer-debt-statistics-causes-and-impact-3305704>.
7. Chinese Need to Learn to Save Again [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-02-15/chinese-consumers-are-building-up-too-much-household-debt> (дата обращения: 19.09.2018).
8. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 19.09.2018).
9. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 19.09.2018).
10. Кредитная нагрузка россиян рекордно снизилась [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/653313/anastasiia-alekseevskikh/kreditnaia-nagruzka-rossiian-rekordno-upala> (дата обращения: 19.09.2018).
11. Жители стран с наибольшей кредитной нагрузкой [Электронный ресурс]. URL: <https://moneyman.ru/articles/zhiteli-stran-s-naibolshej-kreditnoj-nagruzkoj/> (дата обращения: 19.09.2018).
12. Сайт Национального бюро кредитных историй [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbki.ru/> (дата обращения: 18.09.2018).
13. America's debt load is reaching a tipping point [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbcnews.com/business/consumer/americans-are-having-more-trouble-paying-their-debt-reaching-tipping-n862321> (дата обращения: 19.09.2018).
14. Долговая перегрузка: как Центробанк умерит кредитные аппетиты россиян [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/16/07/2018/5b4b47b19a7947eefa742558> (дата обращения: 19.09.2018).
15. Рынок кредитных карт России. 2017 год [Электронный ресурс]. URL: <http://static.tcsbank.ru/news/2018/28022018-credit-card-mrkt-rep.pdf> (дата обращения: 20.09.2018).

References

1. Kas'yanenko V.A. Ugrozy prodovol'stvennoy bezopasnosti: monografiya / V.A. Kas'yanenko. M.: Prospekt, 2016. 62 s
2. Karanina Ye.V., Timin A.N. Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya. 2017. T.3 №8 S. 56 - 64
3. Malanov V.I., Yakovleva I.A., Burlov D.YU. Uroven' zhizni kak faktor zakreditovannosti naseleniya // Vestnik VSGUTU. 2017. № 1 (64). S. 110-116.
4. Romanova YU.V. Vliyaniye sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na vozniknoveniye zakreditovannosti domashnikh khozyaystv i urovnya zhizni naseleniya // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2016. №4 (202)
5. Sharinova G.A. Problema zakreditovannosti naseleniya regionov Rossiyskoy Federatsii // Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii. 2017. № 3. S. 81-84.
6. Amadeo K. Consumer debt statistics, causes and impact [site]. 2018. URL: <https://www.thebalance.com/consumer-debt-statistics-causes-and-impact-3305704>
7. Chinese Need to Learn to Save Again [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-02-15/chinese-consumers-are-building-up-too-much-household-debt> (data obrashcheniya: 19.09.2018).
8. Ofitsial'nyy sayt Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.cbr.ru> (data obrashcheniya: 19.09.2018).
9. Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (data obrashcheniya: 19.09.2018).
10. Kreditnaya nagruzka rossiiyan rekordno snizilas' [Elektronnyy resurs]. URL: <https://iz.ru/653313/anastasiia-alekseevskikh/kreditnaia-nagruzka-rossiian-rekordno-upala> (data obrashcheniya: 19.09.2018).
11. Zhiteli stran s naibol'shey kreditnoy nagruzkoj [Elektronnyy resurs]. URL: <https://moneyman.ru/articles/zhiteli-stran-s-naibolshej-kreditnoj-nagruzkoj/> (data obrashcheniya: 19.09.2018).
12. Sayt Natsional'nogo byuro kreditnykh istoriy [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.nbki.ru/> (data obrashcheniya: 18.09.2018).
13. America's debt load is reaching a tipping point [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.nbcnews.com/business/consumer/americans-are-having-more-trouble-paying-their-debt-reaching-tipping-n862321> (data obrashcheniya: 19.09.2018).
14. Dolgovaya peregruzka: kak Tsentrobank umerit kreditnyye appetity rossiiyan [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/16/07/2018/5b4b47b19a7947eefa742558> (data obrashcheniya: 19.09.2018).
15. Rynok kreditnykh kart Rossii. 2017 god [Elektronnyy resurs]. URL: <http://static.tcsbank.ru/news/2018/28022018-credit-card-mrkt-rep.pdf> (data obrashcheniya: 20.09.2018).

Экономическая культура и финансовый механизм

Economic Culture and Financial Mechanism

Получено 10.09.2018 Одобрено 09.10.2018 Опубликовано 30.11.2018 УДК: 336.027 (364.144) DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10040

КОЛЯДА НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

доцент кафедры «Финансы и кредит», канд. экон. наук,
доцент ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
(Барнаульский филиал)
Email: nikolai59115@mail.ru

KOLYADA, NI

PhD in Economics, Associate Professor Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Barnaul Branch
Email: nikolai59115@mail.ru

Аннотация

Объект исследования. Экономическая культура.

Предмет исследования. Экономическая культура мирового финансового рынка

Цель исследования. Показать финансовый механизм эксплуатации России, её граждан и развивающихся стран, прикрываемый моделями свободных рыночных отношений.

Основные положения статьи.

Экономическая культура составляет важную часть общей культуры человека. Существует три взаимосвязанных уровня, влияющих на экономическое поведение людей. В основе экономического поведения находится «экономический человек», стремящийся к максимизации индивидуальной полезности. Теоретические разработки более совершенной категории, характеризующие экономические действия индивида, не привели к изменению его практического поведения. Сегодня категория «человеческий капитал», в определённой степени, функционирует только на микроэкономическом уровне и её использование на практике связано не с необходимостью развития самого человека, а с необходимостью роста дохода от экономического использования этого человека. На всех остальных уровнях экономической деятельности продолжает функционировать экономический человек. Это связано с тем, что финансово-экономический механизм, регламентирующий поведение рыночных субъектов на макро- и мезоуровнях, сформирован и используется под категорию экономического человека. Кредитный, фондовый и валютный рынки существуют как система подчинения и эксплуатации экономически малых стран. Каждый элемент финансового рынка используется для перетока созданной ценности развивающихся стран в пользу ведущих экономических стран. Под организацию этого перетока подстроена не только сама финансовая система, но и система образования экономически слаборазвитых государств, существующие модели рынка, международные соглашения и объединения стран. Особенности России заключаются в подчинении монетарных властей интересам ведущих экономических государств. Многие элементы экономической культуры носят фиктивный, декларативный характер, прикрывая суть экономических и финансовых отношений, которые остались на уровне экономического человека. Существующая экономическая культура не соответствует интересам современного общества. Необходима трансформация экономического и финансового механизма в направлении, которое бы не уничтожало духовность, природу и самого человека, а способствовала бы гармоничному развитию как отдельных регионов мира, так и человеческой цивилизации в целом.

Ключевые слова: экономическая культура; финансовый рынок; экономический человек; человеческий капитал; знание; мегауровень; рыночные субъекты.

Abstract

The Object of the Study. Economic culture.

The Subject of the Study. The economic culture of the world finance market.

The Purpose of the Study. Demonstrating the financial mechanism of exploiting Russia, its citizens and developing countries disguised as free market economy models.

The Main Provisions of the Article.

Economic culture is an important part of common personal culture. There are three interrelated levels of people's economic behaviour. The basis of economic behavior is an "economic person" wishing to achieve maximum usefulness. Theoretical development of a more perfect category characterizing a person's economic activity has not caused any changes in their practical behavior. Today, the category "human capital" functions to a certain degree only on microeconomic level and its practical use is connected not with the necessity of a person's development but with the necessity of income growth from economic use of this very person. The economic person continues to function on all the other levels of economic activities. It is, connected with the fact that financial and economic mechanisms regulating the behaviour of market agents on macro and mega levels, have already been formed and are used with the category of economic person. Credit, stock and currency markets exist as the system of command and exploitation of small economies. Every element of financial market is used to redirect the value created in the developing countries to the leading economic powers. Not only the financial system itself, but also the educational system of undeveloped countries, existing market models, international agreements and clustering countries have been organized for the diversion of this created value. Russia's peculiarities are that the monetary authorities of the country submit to the interests of leading economic states. Many elements of economic culture are apparently of a fictitious and declarative nature, hiding the essence of economic and financial relations, which are still on the level of an economic person. Current economic culture does not meet the interests of contemporary society. It is necessary to transform economic and financial mechanism so that it should not destroy spirituality and nature of a person and contribute to harmonious development of both particular regions of the world and human civilization as a whole.

Keywords: economic culture; financial market; economic person; human capital; knowledge; megalevel; market subjects.

Введение

Экономическая культура – часть общей культуры человека, совокупность ценностей, определяющих экономическое поведение людей, в том числе и на финансовых рынках, – является одной из базовых основ построения экономических моделей. Сами ценности имеют нравственную, политическую, материальную, религиозную и т.д. природу. Экономическая культура развивается вместе с развитием общества, но из этого движения не следует, что развитие происходит одними темпами и в позитивном направлении. Существует множество доктрин, религиозных течений, политических деклараций и т.п., которые пытаются определить цели общества и экономики в соответствии с моральными категориями авторов, их мироощущениями и уровнем интеллектуальных способностей, но ни одна из них пока не предложила систему ценностей, объединяющую нравственные, культурные, экономические, экологические элементы поведения человека и его институтов, которые могли бы заменить действующие экономические отношения. Актуальность совершенствования экономических отношений на макро- и мегауровнях ещё более обострилась в последние годы в связи с началом завершения монополии США на мировом финансовом рынке, отсутствием экономических теорий, адекватно описывающих состояние и развитие современной экономики, усилением влияния культурных центров азиатского, латиноамериканского и североафриканского регионов, обострением социально-экономических и экологических проблем во всём мире.

Экономическая культура и экономический человек

При всём многообразии определений категории «экономическая культура» все подходы едины в том, что она (экономическая культура) является одним из базисов для характеристики бывших и существующих обществ, определяя экономическое поведение как отдельных индивидов, так и остальных экономических институтов. Достижения экономической культуры отдельного человека и всего общества проявляются как в материальной сфере в виде вещественных атрибутов цивилизации, так и в духовной области, где тоже присутствуют и материальные носители, и само сознание человека.

Традиционно в экономической культуре выделяют 3 взаимосвязанных блока факторов, воздействующих на экономическое поведение людей: ценность и мораль, которые проявляются в трудовой этике; научное и специализированное

знание; нормы и нормативную регуляцию поведения. Данные блоки отношений проявляются в поведении рыночных субъектов при осуществлении конкретных решений в области хозяйственной, политической и социальной деятельности на микро-, макро- и мегауровнях.

В основе этого поведения находится личность – «экономический человек», максимизирующий индивидуальную полезность от потребления экономических благ [Нуреев Р.М., 2008, 7, с. 59]. Этот индивид, действующий на всех ступенях социально-экономической лестницы, ориентируется на максимальное присвоение окружающих благ не только экономическими способами, но и любыми другими исходя из собственной оценки прав окружающих лиц, которые определены им же установленными нормами. Сами нормы устанавливаются на уровне государства и трактуются исходя из возможностей индивида и «его» государства. Отсюда вытекает разделение норм для себя и для других (двойные стандарты) на всех уровнях экономических отношений (домохозяйств, организаций и государств).

Проявление экономического человека хорошо видно на исторических примерах: военный захват территорий называется великими географическими открытиями, геноцид местного населения – приобщением к цивилизации, обмен золотом на безделушки – свободной торговлей и т.п.

На микроуровне правила поведения экономического человека подвергались обоснованной критике почти с момента его появления и, уже со второй половины 19 века, историческая школа, а за ней институциональное и кейнсианское направления экономической теории стали рассматривать более сложного человека на основе гипотезы ограниченной рациональности [Мэнкаью Г., 2007, 6, с. 27-30]. Дальнейшее развитие категории рационального индивида в экономической системе состоялось во второй половине 20 века – получила распространение модель социально-индивидуального человека, ориентированного на свободу самовыражения, духовное и политическое самоопределение. Но несмотря на введение в экономические модели психологических компонентов, базис этого поведения остался неизменным – это максимум индивидуальной полезности.

Закономерным выражением такого подхода стала категория «человеческого капитала» с весьма широким диапазоном определений, – от финансового показателя, определяющего «...сколько финансовых средств вложено в развитие человека до его вхождения в производственные отношения» [Евсеев В.О., 2006, 4, с. 146], до фактора

развития общества, когда человеческий капитал рассматривается как «...потенциал человека, то есть совокупность духовных, интеллектуальных, информационных, социально-экономических возможностей личности» [Подберезкин А., 2007, 9, с. 7].

Важно отметить, что ограниченность последних моделей в плане эгоистичности и эгоцентричности личности преодолена не была, а декларированный коллективизм по факту последних десятилетий коллапсировался в рамках религиозно-научных сект и политических движений. Мораль, духовные ценности, коллективные интересы, забота о благе человечества и защите природы, иногда проявляясь у отдельных индивидов и групп, остались в обществе на уровне пустой декларации и ханжества, являющихся основой поведения в западной цивилизации. То есть, экономический человек никуда не исчез, а лишь прикрыл свою сущность информационной оболочкой добропорядочности и благодетеля. Особенно ярко его культура проявляется на мегауровне, когда забота о простых людях выражается в разнообразии способов их уничтожения, – с помощью прямой военной агрессии, цветных революций, или достижений в медицине, биохимии и геномной инженерии. Несмотря на то, что из лексикона лидеров (вождей племён, императоров, председателей и президентов) почти исчезли открытые призывы захвата собственности и территории соседей, они были заменены на внедрение «демократических ценностей» и механизмы финансового рынка, которые изучаются в высшей и даже средней школах как объективные элементы современной действительности, выработанные цивилизацией на всём историческом пути её развития. Более того, эти механизмы преподносятся как справедливые, – категория «справедливой цены», рынок совершенной конкуренции (которую сегодня представляет биржа), защита инвестора и т.п. За всеми этими информационными оболочками остаётся цель личного обогащения индивида, социальных и национальных групп, а точнее – управляющих структур этих групп.

Вторым элементом экономической культуры является знание, которое может рассматриваться с разных сторон и подаётся избирательно. Основными источниками получаемой информации служат средства массовой информации, интернет, печатная литература, преподаватели системы образования и личное общение в котором большая его часть происходит с помощью технических устройств. В этой связи резко возрастает влияние собственников организаций связи и электронных сетей на формирование личности и её экономи-

ческое и социальное поведение. Само влияние настолько велико, что должно быть регламентировано специальными нормами и здесь речь не идёт о свободе слова. Речь идёт о том, что свобода слова владельцев электронных сетей и систем связи не должна превышать свободы рядового гражданина, а свобода слова работников этих организаций не нарушала бы норм морали и этики, существующих в обществе и предполагала набор профессиональных знаний, которые освещает данный индивид.

В свою очередь, в системе преподавания должны быть предусмотрены временные параметры, позволяющие развивать установленное направление деятельности работниками образования и управляющие структуры должны способствовать этому развитию. Когда в курсах экономических и финансовых дисциплин рассматриваются теоретические основы и практическое применение существующих научных категорий, от управляющих структур зависит какие части достигнутого знания будут доведены до будущей интеллектуальной элиты общества, и какие преподаватели пройдут отбор на право передачи этого знания. Сегодня, в большинстве экономических дисциплин отсутствует критический подход к анализу предлагаемых учебных курсов. Например, когда освещается информация о моделях рынка, не говорится о том, что кроме рынка чистой монополии существует модель разумной монополии и что она для общества более эффективна и менее затратна, чем модель совершенной конкуренции, и что это положение было математически доказано русским экономистом Е. Слуцким ещё в начале двадцатого века; что все рынки монополизированы в той или иной форме, или регулируются государственными органами и общественными структурами; что цифровая экономика создаётся в стране при насыщенном товарном рынке за счёт национального производства, а не существующего за счёт вывоза национальных ресурсов и т.п. То есть, программы курсов должны быть максимально объективны и нацелены на развитие своей страны, а государственные структуры должны сформировать общественный национальный стандарт будущей личности (в качестве ориентира), обеспечить временную и финансовую составляющую её достижения в системе образования, обеспечить защиту «своего» образования от внешних информационных атак. В этой связи, система подготовки человеческого капитала, должна быть закрытой, ориентироваться на внутренние интересы государства, в ней не должны участвовать лица, финансируемые из-за рубежа, за исключением временно приглашённых лиц по

определённым курсам. Создание нового знания не должно предполагать внедрение информационных и религиозных сект в систему экономической культуры национального государства.

Как уже отмечалось, нормы и нормативное регулирование, как элемент экономической культуры, проявляются на всех уровнях жизни индивида и общества. За последние столетия человечество создало современный финансовый механизм взаимоотношений между домохозяйствами, фирмами, организациями, государством и самими государствами [Харрис Л., 1990, 14, с. 100-107]. Этот механизм создан на основе интересов «экономического человека» и созданных им институтов. И в этом заключается главная проблема современного общества.

Экономическая культура и финансовый рынок

На мегауровне существующая система экономических отношений ориентирована на неэквивалентный обмен созданной ценности в развитых и развивающихся государствах [Пикетти Т., 2016, 8, с. 82-83]. Её суть заключается в финансовой экспансии развитых государств на рынки конкурентов с целью захвата их собственности, создаваемой ценности и, в конечном итоге, полному экономическому и политическому подчинению, которое в эпоху СССР называлось неокOLONИализмом. Теоретической основой данной экспансии является капиталотворческая теория кредита, выдвинутая ещё Джоном Ло. В относительно современном подходе эта теория говорит о том, что кредит создаёт депозиты, а значит и капитал, таким образом приравнивается сущность денег, кредита и капитала [Грибов А.Ю., 2008, 3, с. 3-5; Суэтин А.А., 2010, 11, с. 198]. Механизм перекачивания созданной в развивающихся экономиках ценности в пользу развитых государств представлен тремя основными схемами.

В первом случае, когда коммерческий банк страны-кредитора выдаёт кредит стране-заёмщику или её рыночному субъекту, происходит процесс создания кредитных денег и расширение безналичной эмиссии. Обычно, эта избыточная (на первый взгляд) эмиссия размещается не в стране, взявшей кредит, а остаётся внутри банковской сферы страны – кредитора и используется для приобретения продукции её фирм-производителей. То есть, созданный депозит, полученный, в том числе, и под создание нового производства в стране-заёмщике увеличивает денежную массу в стране-кредиторе. Процент за кредит вызывает дополнительный спрос на валюту страны-кредитора, что обеспечивает рост её валютного кур-

са, увеличивает сеньораж национального банка, доход коммерческого банка и производителей продукции страны-кредитора. Если инвестиционный кредит окажется рентабельным, то страна-заёмщик сможет погасить образовавшуюся задолженность и останется только в технологической зависимости от страны-кредитора. Если кредит брался на потребительские товары, то заёмщик будет расплачиваться поставками своей продукции, но уже по более низким ценам, чем те, которые были до займа (так как валюта кредитора стала дороже). Результатом кредитной экспансии является не только постоянный рост задолженности большинства развивающихся государств, но и повышенный коэффициент монетизации экономики, превышающей 100% в Японии, странах Евросоюза при низкой инфляции или даже дефляции (в США управление денежной массой производится ещё и разделением на доллары для внутреннего рынка и евродоллары, – доллары, размещённые за пределами её национальной территории).

Вторая схема также связана с дополнительной эмиссией денежных средств. При избыточной ликвидности в банковской сфере развитых стран возникает необходимость размещения этих средств за рубежом (вывоз капитала). Вывоз капитала приводит к увеличению спроса на ценные бумаги развивающихся государств и национального бизнеса, что ведёт к росту биржевых индексов и временной привлекательности местных активов. Таким образом избыточная эмиссия развитых государств переводится в собственность, созданную бизнесом развивающихся стран. После получения новой собственности, иностранный инвестор (банк) будет ориентироваться на собственную валюту, или одну из резервных валют, которая удобна для него в данный момент времени, но не национальную, что вызовет рост спроса на валюту страны инвестора или резервные валюты мира. Конечным итогом финансовых инвестиций развитых государств (сегодня и части развивающихся) становится следующее: иностранные валюты получают дополнительное обеспечение под свою эмиссию в виде зарубежной собственности и рост курса, банки и бизнес приобретают новую собственность и выход на местный рынок, увеличивая доходы и доходы своих стран, расширяя географию и масштабы использования «своей» валюты при росте её курса. В то же время местный бизнес, решая текущие проблемы своего существования (происходит рост капитализации данной компании, возрастают доходы и возможности собственников), оказывается в роли зависимого от партнёров, кото-

рые будут влиять на направление и качество его развития. Таким образом национальный бизнес ставится под экономический, организационный и технологический контроль ведущих стран.

В свою очередь, рост фондовых индексов развивающихся рынков означает, что внешний инвестор получает дополнительный (и основной) доход не от успешной деятельности национальной компании и размеров дивидендов, а от временно-го роста курса её ценных бумаг. Рост спроса и, соответственно, рост курса ценных бумаг привлечёт местных инвесторов, что ещё больше увеличит цену и привлекательность данных финансовых вложений. Но правила биржевых игр и вывоза капитала предполагают обязательное фиксирование прибыли от инвестированных средств через продажу части или всего портфеля ценных бумаг. В результате, иностранный инвестор должен получить (и получает) доход существенно превосходящий первоначальные вложения и влияние на экономику, и политику страны-импортёра капитала. Другими словами, устойчивость местного фондового рынка (при открытой экономике) будет находиться в полной зависимости от интересов иностранного «инвестора», – если его доход останется для реинвестирования (и увеличения собственности), – то ситуация в экономике развивающейся страны будет стабильной, если доход выведен, – то будут организованы предпосылки для создания кризиса, а созданная в реальном производстве ценность уйдёт за рубеж в виде вывоза прибыли или капитала. Причём, величина риска для местного фондового рынка значительно возрастает, если в стране отсутствуют ограничения на участие в фондовых играх её населения.

Таким образом, национальная экономика при развитом фондовом рынке и открытом характере её функционирования подконтрольна интересам иностранного капитала, а правительства экономически малых государств теряют финансовую самостоятельность либо частично, либо полностью в зависимости от уровня присутствия иностранных инвесторов.

И третий механизм изъятия ценности развивающихся государств – это валютный рынок. Финансовая история периода после 1945 года богата примерами валютных войн, кризисов и обесценением валют развивающихся государств. В то же время, несмотря на наличие плавающих валютных курсов, можно говорить про относительную стабильность резервных валют. Существующее объяснение выгоды заниженного курса национальной валюты сводится к усилению конкурентоспособности национальных товаров на мировом рынке за счёт более низкой цены и

сохранению или даже расширению занимаемой доли на рынке. Это действительно происходит через 6-18 месяцев при незначительной величине колебаний курса валют развитых государств и по некоторым товарным группам для развивающихся стран. Но в большинстве случаев, развивающиеся страны при падении курса национальной валюты сталкиваются с резким снижением экспортной выручки и бюджетных доходов. Последующий же рост выручки связан с увеличением объёма экспорта в натуральном выражении, который, в первую очередь, относится к сырью и полуфабрикатам. В любом случае в стране-экспортёре происходит рост доли чистого экспорта в структуре валового внутреннего продукта и перераспределение доходов внутри страны в пользу экспортно-ориентированных отраслей, снижается уровень дохода рыночных субъектов, ориентированных на внутренний рынок в среднесрочном и долгосрочном периоде, и, в большинстве ситуаций закрепляется сырьевая направленность развития экономики.

Но чистый экспорт, – это потребление такого субъекта как «заграница», то есть рыночных субъектов иностранных государств. Рост этого потребления показывает, в чьих интересах производится снижение курса национальных денежных единиц, – за меньшее количество своих финансовых средств развитые страны приобретают больше продукции у развивающихся. В целом, политика занижения курса национальной денежной единицы приводит к росту спроса на иностранную валюту, увеличивает зависимость национальной экономики от внешних инвесторов, сокращает сбережения в национальной валюте, обеспечивает сеньораж иностранным эмитентам, стимулирует вывоз капитала из страны, снижает реальные доходы большинства домохозяйств, что, в свою очередь, делает невыгодными инвестиции в национальную экономику и приводит к сдерживанию экономического развития.

Также необходимо констатировать, что и ФОРЕКС, и мировой товарный рынок хотя и трактуются, и выглядят как рынки совершенной конкуренции на самом деле ими не являются. Финансовый рынок ближе к модели монополистической конкуренции и является полем для игры профессиональных участников финансовых отношений по их же разработанным правилам, которые могут быть нарушены в любой момент, – в зависимости от выгод и потерь в результате принятых решений. Что касается товарного рынка, то на нём вообще нет свободной конкуренции – рынки развитых государств давно защищены антимонопольным законодательством и системой

установленных внешнеэкономических взаимоотношений, – цены на группы товаров диктуются через установленные стандарты развитых стран, а цены, устанавливаемые при прямых межгосударственных отношениях, в большинстве своём, ориентируются на уже существующие, которые являются монопольными. Более того, при необходимости развитые страны оперативно проводят антидемпинговые мероприятия, вводят или повышают пошлины, другие ограничения и барьеры. То есть, внешняя демонстрация рыночных отношений как равноправных и совершенных, на самом деле является фикцией, – все виды рынков монополизированы ведущими странами и управляются ими через финансовые, военные, политические и институциональные рычаги воздействия.

Таким образом, в системе финансовых рынков, ценность и мораль, научное и специализированное знание, нормы и нормативная регуляция поведения соответствуют только «экономическому человеку», а все последующие научные разработки данной категории носят теоретический характер [Бранский В.П., 2017, 1, с.43].

Россия как институциональный элемент мирового финансового рынка

Ещё больший негативный эффект от участия в международных финансовых отношениях несут те страны, где у власти находится компрадорская «элита». В этом случае решается не только вопрос использования созданной ценности в интересах заграницы, но и происходит ослабление страны как экономического и геополитического конкурента. Так, действия монетарных властей России (Банка России и Министерства финансов) при стабильно положительном счёте текущих операций (когда вывозится больше

товаров чем ввозится), приводят не к укреплению национальной денежной единицы, а к её удешевлению и вывозу капитала [Буренин А.Н. 1996, 2, с. 330; Тарасевич Л.С., Гребенников П.И., Леусский А.И., 2006, 12, с. 409-415]. Проводится политика сдерживания развития национальной экономики через периодические сокращения реальной денежной массы и резкое снижение курса рубля, которое объясняется действием внешних факторов [Селищев А.С., 2007, 10, с. 245]. Объём эмиссии рубля, который должен соответствовать потребностям национальной экономики, привязан к размеру поступления валютной выручки от экспорта, а не к объёму производства. Таким образом, размеры бюджета страны, уровень дохода национального бизнеса и российских граждан определяются за рубежом.

Приведённые данные в таблице прямо говорят о том, что монетарные власти проводят денежно-кредитную политику (аналогично и налогово-бюджетную, но это отдельный разговор) не для развития экономики страны, а для её «сокращения» [Туманова Е.А., Шагас Н.Л., 2004, 13, с. 378-379].

Во-первых, значения двух верхних строк таблицы показывают, что чем выше прирост денежной массы, – тем ниже темп инфляции, а не наоборот, как уверяет «монетарное правительство». Связано это не с ошибками экономической науки, а с недостаточным объёмом денежной массы, который удерживается на заниженном уровне Банком России.

Во-вторых, если темп прироста денежной массы в среднесрочном периоде менее 1 (третья строка), то это означает, с точки зрения представителей монетаристского направления экономической теории, преднамеренное введение экономики в состояние кризиса – доходы граждан,

Таблица 1

Показатели изменения реальной денежной массы (М) за трёхлетние периоды с 2007 по 2016 гг.

Показатель/период	1.01.2007-1.01.2010	1.01.2010-1.01.2013	1.01.13-1.01.2016
Прирост М за период, %	70,2	79,5	30,6
Прирост инфляции за период, %	37,9	23	34,7
Темп прироста реальной денежной массы М/Р	1,852	3,456	0,881
Доля внутреннего размещения средств ЦБ РФ, % (без внутридневных кредитов, кредитов «овернайт» и обеспеченных золотом)	3,2	14,4	45,6

На основе данных Банка России [Официальный сайт cbr.ru,15]

бизнеса и бюджета будут снижаться, соответственно, произойдёт и снижение валового внутреннего продукта страны. В 2008 и в 2015 годах это заметили домохозяйства и фирмы, ориентированные на внутренний рынок, а также бюджетная сфера. Но по действующему законодательству Банк России не отвечает за экономический рост страны. В то же время, по этому же законодательству, он организует и осуществляет систему рефинансирования национальных банков, которую сводит к поддержанию платёжного оборота (внутридневные кредиты и кредиты на 1 день), отправляя большую часть средств за рубеж (показатели нижней строки таблицы) для финансирования иностранного бизнеса и бюджета враждебных России стран.

В связи с вышесказанным, Банк России должен прекратить наращивание золотовалютных резервов (по причине их завышенного размера) и абсорбацию «избыточной» ликвидности, сосредоточив свою работу на целевом кредитовании национальных коммерческих банков для создания системы инвестиционных кредитов и насыщения денежными средствами реального сектора экономики.

Другими словами, Банк России должен прекратить работать на четвёртого рыночного субъекта известного под терминами «заграница» или «иностраный сектор».

Заключение

Таким образом мы имеем отработанный финансовый механизм из отдельных, якобы свободных рынков, – кредитного, валютного и ценных бумаг, которые через систему плавающих валютных курсов и свободный вывоз капитала

переводят созданную ценность развивающихся стран в пользу развитых экономик. По факту финансовых потоков система финансовых отношений на макроуровне представляет собой захват собственности и национальной ценности слабых экономик. Инвестор на бирже, – это не инвестор, а финансовый спекулянт, задачей которого является вывоз созданного в стране дохода. На бирже нет реальных инвестиций, а есть перераспределение уже созданного бизнеса и дохода; нет плавающих валютных курсов, а есть внешнее управление этими курсами и разделение дохода на дань ведущим игрокам и их профессиональным помощникам, и остаток для соучастников, – спекулянтов из национального бизнеса и местного населения.

Проблема экономической культуры заключается в том, что её значительная составляющая, относящаяся к финансовому рынку, соответствует экономическому человеку и создана для экономического человека. Человеческий капитал существует на микроуровне для повышения экономической отдачи индивида, а на макро- и мегауровне действует экономический человек и его объединения. В связи с этим, на базе соединения институциональных подходов и развития мейнстрима необходимо создать новую экономическую теорию и новую экономическую культуру, в полной мере учитывающую морально-этические и экологические факторы развития человека и его цивилизации. Главной задачей накопленных знаний должна стать трансформация существующего экономического и финансового механизма в том направлении, которое бы не уничтожало духовность, природу и самого человека.

Список литературы

1. Бранский В.П. Проблема «смысла жизни»: общефилософское и общенаучное значение/ В.П. Бранский, И.Г. Микайлова, М.Р. Зобова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 83 с.
2. Буренин А.Н. Рынки производных финансовых инструментов. ИНФРА-М, 1996. 368 с.
3. Грибов А.Ю. Институциональная теория денег: сущность и правовой режим денег и ценных бумаг. М.: РИОР, 2008. 200 с.
4. Евсеев В.О. Конкурентоспособность человеческих ресурсов: Монография. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2006. 304 с.
5. Кидуэлл Д.С., Петерсон Р. Л., Блэкуэлл Д.У. Финансовые институты, рынки и деньги. СПб: Издательство «Питер», 2000. 752 с.: ил. – (Серия «Базовый курс»)
6. Мэнкью Н.Г. Принципы экономики: 2-е изд. / Пер. с англ. СПб: Питер. 2007. 624 с.

References

1. Branskiy V.P. Problema «smysla zhizni»: obshchefeilosofskoe i obshchenauchnoe znachenie/ V.P. Branskiy, I.G. Mikajlova, M.R. Zobova. – SPb.: Izd-vo SPbGEHU, 2017. – 83 s.
2. Burenin A.N. Rynki proizvodnyh finansovyh instrumentov. – INFRA-M, 1996. – 368 s.
3. Gribov A.YU. Institucional'naya teoriya deneg: sushchnost' i pravovoj rezhim deneg i cennyh bumag. – M.: RIOR, 2008. – 200 s.
4. Evseev V.O. Konkurentosposobnost' chelovecheskih resursov: Monografiya. – M.: Informacionno-vnedrencheskiy centr «Marketing», 2006. – 304 s.
5. Kiduehll D.S., Peterson R. L., Blehkuehll D.U. Finansovye instituty, rynki i den'gi. – SPb: Izdatel'stvo «Piter», 2000. – 752 s.:il. – (Seriya «Bazovyy kurs»)
6. Mhank'yu N.G. Principy ehkonomiks: 2-e izd. / Per. s angl. – SPb: Piter. 2007. – 624 s.

7. Нуреев Р.М. Курс микроэкономики: учебник / Р.М. Нуреев. – 2-е изд., изм. М.: Норма, 2008. 576 с.
 8. Пикетти Т. (1971 -). Капитал в XXI веке / Томас Пикетти. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
 9. Подберезкин А. Человеческий капитал. Т. I: Идеология опережающего развития человеческого потенциала / Институт развития гражданского общества и местного самоуправления. М.: Издательство «Европа», 2007. 464 с.
 10. Селищев А.С. Деньги, Кредит. Банки. СПб.: Питер, 2007. 432 с.: ил. – (Серия «Учебник для вузов»).
 11. Суэтин А.А. Международные валютно-финансовые и кредитные отношения: учебник / А.А. Суэтин. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 411 с. – (Высшее образование).
 12. Тарасевич Л.С., Гребенников П.И., Леусский А.И. Макроэкономика: Учебник. – 6-е изд., испр. и доп. М.: Высшее образование, 2006. 654 с.
 13. Туманова Е.А., Шагас Н.Л. Макроэкономика. Элементы продвинутого подхода: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2004. 400 с. – (Учебники экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова).
 14. Харрис Л. Денежная теория: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. В.М. Усоскина. М.: Прогресс, 1990. 750 с.
 15. cbr.ru
7. Nureev R.M. Kurs mikroekonomiki: uchebnik / R.M. Nureev. – 2-e izd., izm. – М.: Norma, 2008. – 576 s.
 8. Piketti, T. (1971 -). Kapital v HKHI veke / Tomas Piketti. – Moskva: Ad Marginem Press, 2016. – 592 s.
 9. Podberезkin Aleksey CHelovecheskij kapital". T. I: Ideologiya operezhayushchego razvitiya chelovecheskogo potentsiala / Institut razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mestnogo samoupravleniya. – М.: Izdatel'stvo «Evropa», 2007. - 464 s.
 10. Selishchev A.S. Den'gi, Kredit. Banki. – SPb.: Piter, 2007. – 432 s.: il. – (Seriya «Uchebnik dlya vuzov»).
 11. Suehtin A.A. Mezhdunarodnye valyutno-finansovye i kreditnye otnosheniya: uchebnik / A.A. Suehtin. – Rostov n/D: Feniks, 2010. – 411 s. – (Vysshee obrazovanie).
 12. Tarasevich L.S., Grebennikov P.I., Leusskij A.I. Makroekonomika: Uchebnik. – 6-e izd., ispr. i dop. – М.: Vysshee obrazovanie, 2006. – 654 s.
 13. Tumanova E.A., SHagas N.L. Makroekonomika. EHlementy prodvinutogo podhoda: Uchebnik. – М.: INFRA-M, 2004. – 400 s. – (Uchebniki ehkonomicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova).
 14. Harris L. Denezhnaya teoriya: Per. s angl. / Obshch. red. i vstup. st. V.M. Usoskina. – М.: Progress, 1990. – 750 s.
 15. cbr.ru

Технологические предпосылки трансформации сферы труда

Technological Prerequisites for the Transformation of the Sphere of Labor

Получено 10.10.2018

Одобрено 30.10.2018

Опубликовано 30.11.2018

УДК: 331.5

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10041

ОДЕГОВ ЮРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, руководитель научной школы «Управление человеческими ресурсами» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Email: hrm-trade@yandex.ru

ПАВЛОВА ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник научной школы «Управление человеческими ресурсами», доцент кафедры организационно-управленческих инноваций Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова Email: vvpavlova@gmail.com

ТЕЛЕННАЯ ЛЮБОВЬ СЕРГЕЕВНА

соискатель, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова Email: t-l-s@yandex.ru

ODEGOV, YU G

Doctor of Economics, Professor, Head of the Scientific School «Human Resources Management» of GV Plekhanov Russian University of Economics Email: hrm-trade@yandex.ru

PAVLOVA, VV

PhD in Economics, Leading Researcher of the Scientific School «Human Resources Management», Associate Professor of Organizational and Managerial Innovations of GV Plekhanov Russian University of Economics Email: vvpavlova@gmail.com

TELENNAYA, LS

Applicant, Russian University of Economics. G. V. Plekhanov Email: t-l-s@yandex.ru

Аннотация

Объект исследования. Изменения в характере и содержании труда, обусловленными 4-ой промышленной революцией.

Предмет исследования. Изменения в сфере труда, обусловленные технологическими изменениями в производстве.

Цель исследования. Исследовать те изменения, которые происходят в содержании труда и структуре рабочей силы под влиянием 4-ой промышленной революции, на что было обращено внимание в докладе Генерального директора МОТ на 104-ой сессии (2015 г.) «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда».

Основные положения статьи. Проведен анализ изменений в характере и содержании труда, обусловленными 4-ой промышленной революцией. Определено, что изменения в сфере труда, обусловленные технологическими изменениями в производстве, характеризуются многоукладностью применяемых технологий. Определены основные направления обеспечения качественной рабочей силой в условиях поэтапного перехода к новому технологическому укладу и в свете конкретных рекомендаций МОТ, касающихся будущего сферы труда.

Ключевые слова: промышленная революция 4.0; технологический уклад; человеческий труд; содержание труда; изменения в структуре рабочей силы.

Abstract

The Object of the Study. Changes in the nature and content of work caused by the 4th industrial revolution.

The Subject of the Study. Changes in the field of labor due to technological changes in production.

The Purpose of the Study. to study the changes that occur in the content of labor and the structure of the labor force under the influence of the 4th industrial revolution, which was noted in the report of the Director General of the ILO at the 104th session (2015). "The century's initiative for the future of the world of work".

The Main Provisions of the Article. The analysis of changes in the nature and content of labour due to the 4th industrial revolution is given. It is stressed that changes in the sphere of labour caused by technological changes in production are characterized by the multiplicity of technologies used. The main directions of providing high-quality labour force in the conditions of gradual transition to a new technological structure and in the light of specific recommendations of the ILO concerning the future of the labour sphere are defined.

Keywords: industrial revolution 4.0; technological structure; human labour; content of labour; changes in the structure of labour force.

Введение

Через 15-20 лет благодаря новым достижениям произойдут радикальные перемены в экономической и социальной сферах развития общества и через 25-30 лет Шестой технологический уклад (ТУ) станет доминирующим в экономике развитых стран.

Такое развитие событий изменит то, как мы живем, и как работаем. Некоторые рабочие ме-

ста будут исчезать, другие будут расти, и рабочие места, которые даже не существуют сегодня, станут обычным явлением. Не вызывает сомнений то, что будущее рабочей силы необходимо будет согласовать с набором навыков нового ТУ, чтобы идти в ногу.

За счет внедрения новых технологий занятость ежегодно будет расти по следующим направлениям:

- Большие данные 3,0-3,5%
- Мобильный интернет и облачные технологии – 2,5-3,0%
- Интернет вещей 2,0-2,5%
- Автоматизация производства 0,5-1,0%

До 2020 года большие данные (Big Data) увеличат количество рабочих мест в области математики и вычислительной техники на 4,59%, в управленческой сфере – на 1,39, в финансовом секторе – на 1,34%, а в продажах – на 1,25% в год. Однако те же большие данные сократят число рабочих мест офисных сотрудников на 6,06% в год. Интернет вещей приведет к росту занятости в компьютерных специальностях на 4,54% в год, а специалистов по проектированию и инженерной разработке на 3,54%, но этот же фактор сократит специалистов по техническому обслуживанию, ремонту и установке оборудования на 8% в год, а офисных работников на 6,2% [Подцероб, 14, vedomosti.ru].

Новые технологии и 3D-печать сильно повлияют на занятость – количество рабочих мест будет сокращаться на 3,6% ежегодно и значительно меньшей степени – роботизация и развитие автоматического транспорта (сокращение на 0,83%) [Подцероб, 13, 20].

Академик РАН Виктор Ивантер, говоря об экономической стороне проблемы внедрения новых технологий отметил, что, если рост ВВП России будет ограничен одним или двумя процентами в год, цифровизация останется не более чем благим пожеланием. Для перехода к цифровой экономике нужен рост темпами по крайней мере не ниже среднемировых, а лучше на уровне пяти-шести процентов». Отставание в этой области надо наверстывать, хотя бы для того, чтобы включить всё поле существующих технологий в единое «цифровое пространство», дающее возможность поднять на новый уровень синергетическое взаимодействие технологических процессов [Ивантер, 4, rg.ru].

Новые трудовые функции задаются техникой и технологиями 6 ТУ. Совмещение профессий и специальностей («поливалентность труда») минимизирует закрепление за работником обособленных функций и комбинирует в его труде оперирование мехатроникой, её ремонт и профилактику, наблюдение за процессами и программирование оборудования. Новые технологии позволяют работодателям все активнее поощрять многопрофильность работников, которые заняты управлением разнообразными машинами, перемещаться между автоматизированными рабочими местами. Всё большему числу работников приходится анализировать и использовать информацию произ-

веденную, обработанную, хранящуюся и используемую при помощи новых технологий.

Большое внимание решению данной проблеме было уделено в докладе Генерального директора МОТ на 104-ой сессии (2015 г.) «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда».

Краткосрочный (до 2020 года) и среднесрочный (до 2024 года) прогнозы влияния революции 4.0 на сферу труда

Целесообразны сценарии: технологический рывок не получается; государство реализует технологический рывок.

К 2020 году четвертая промышленная революция принесет нам передовые робототехники и автономный транспорт, искусственный интеллект и машинное обучение, широкое использование современных материалов, биотехнологий и геномики.

К 2020-2025 гг. ожидается скачок в технике и технологиях, основой которого станут разработки, синтезирующие достижения в сфере базовых технологий по следующим направлениям: нано- и биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), другие немашинные и гибридные с машинными технологиями, основанными на робототехнике – это мембранные и квантовые технологии, генная инженерия, микротехника, фотоника и др.

Информационный рынок сегодня перенасыщен разрозненными новостями и предложениями о том, как автоматизация, роботизация, цифровизация и т.д. повлияют на рынок труда. Говоря о будущем сферы труда и занятости, ведущие футурологи и социологи в один голос заявляют, что классического работодателя больше не будет, а в качестве движущей силы будет выступать «Креативный работник», действующий гибко, полностью игнорирующий иерархические границы.

До 2020 года наибольшее влияние на рынок труда окажут мобильный интернет и облачные технологии; на втором месте – технологии больших данных, далее – интернет вещей, развитие робототехники и автоматизация производства.

Примерно 50% рабочих мест находятся в зоне риска из-за автоматизации. Цифровая экономика все активнее входит в нашу повседневную жизнь, меняет многие сложившиеся подходы к организации и управлению их трудовой деятельностью. Цифровые технологии и шестой ТУ в ближайшие десятилетия приведут к частичному замещению человеческого труда машинным. По данным Boston Consulting Group в результате цифровизации от 9 до 50% всех ныне существу-

ющий профессий могут исчезнуть в ближайшее десятилетие [The Boston Consulting Group, 11, 17]. Если этого не сделать, многим придется уйти на пенсию или получить новые знания. По данным института McKinsey, уже к 2036 году может быть автоматизировано от 2 до 50% работы, выраженной в человеко-часах, а к 2066 году эта доля может достичь 46-99% [Калабин, 6, 53].

Тенденции развития цифровой экономики могут привести к сокращению доступных рабочих мест и определенных категорий работников, появлению целого класса «лишних людей», разрушению привычных механизмов «гарантий будущего» (долгосрочного найма или достойной пенсии). И необходимости постоянного переучивания персонала под требования цифровой экономики, говорится в экспертном докладе, подготовленном Союзом «Молодые профессионалы» (Ворлдскиллз Россия) «Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире».

Современные прогнозы будущего подводят к выводу о том, что в ближайшее время в связи с политикой нашей страны, направленной на развитие ИТК, с одной стороны, будет ощущаться нехватка высококвалифицированных рабочих и специалистов, а с другой – инвестиции в роботизацию и автоматизацию производственных процессов, способствуя ослаблению дефицита квалифицированной рабочей силы, ведут к сокращению персонала, что несовместимо с программами социальной ответственности государства.

Это наглядно показали события в Пикалево и других моногородах. В 2009 году Пикалево (Ленобласть) «прославилось» тем, что собственник хотел отказаться от устаревшей технологии на заводе по производству редких металлов и внедрить новую, уволив при этом часть работников. Ему это запретили, обязав работать по старинке себе в убыток [Антонов, 2, 6], то есть государство стимулирует сохранение даже тех рабочих мест, которые не способствуют экономической эффективности.

Прогресс в развитии электронно-вычислительной техники ликвидировал миллионы рабочих мест (машинисток, перфораторщиц, нормировщиков, проектировщиков, бухгалтеров и др.), выполнявших рутинную работу, с расчетами по определенному алгоритму. В связи расширением автоматизации начнется сокращение сотрудников контакт- и колл-центров.

Сократится объем предложений работодателей по набору специалистов по обработке информации (операторы ввода данных, модераторы т.д.) в ИТ-сфере это выразится в сокращении

спроса до 70%, но при этом будет расти спрос на специалистов для написания веб-приложений, особенно на ведущих РНР - разработчиков (язык программирования, который можно использовать для их написания). С 2018 года начал снижаться на промышленных предприятиях спрос на квалифицированных рабочих, преподавателей иностранных языков. Что же касается востребованности преподавателей, например, иностранного языка, есть мнение, что «человеческий» перевод скоро будет считаться услугой класса люкс [Иоселиани, hbr-russia.ru, 5].

По результатам исследования компании Superjob в 2018 году прогнозируется сокращение предложений для сотрудников низкой квалификации на 5% каждый год. Реальная безработица будет расти на эту же цифру. При существующих тенденциях общий уровень реальной безработицы в России к 2022 году может возрасти с нынешних 5,6% до 20-25%.

В исследовании компаний World Skills Russia и BCG (Boston Consulting Group) отмечается, что на рынке труда через 8 лет – к 2025 г. самыми востребованными станут высококвалифицированные работники (категория «Знание» по классификации ВСТ) и спрос на них будет только расти. Потребность в таких специалистах составит примерно 10,0 млн. чел. Это преподаватели, экономисты-аналитики, юристы, врачи, научные работники, представители творческих профессий, IT специалисты, инженеры, физики, химики, руководители.

Отличительной характеристикой их труда является: аналитическая работа, работа в условиях неопределенности, самостоятельность и импровизация.

Несмотря на то, что в стране действует много программ поддержки высокотехнологичного экспорта, присутствие России на мировых рынках высоких технологий почти незаметно.

Когда в промышленности господствуют 4-й и 5-й технологические уклады, возникает необходимость как минимум активной промышленной политики и стратегического планирования в рамках рыночной экономики. Это вызвано мозаичностью техники и технологий, применяемых в экономике страны: в ней есть все варианты производства – от ремесленного до высокотехнологичного.

Сегодня подавляющая часть (80%) российской промышленности составляют заводы, построенные в 30-60-е годы XX века, на которых используются технологии 3-го и 4-го укладов. Доля пятого уклада составляет чуть больше 10%, и шестого в пределах – 1-2%.

В 2015 г. доля старых мощностей обрабатывающей промышленности (без учета нефтепереработки) составляла чуть более четверти, средний возраст мощностей – 12 лет (загруженных – 10,5 лет, незагруженных – 14,5 лет). К старым относятся мощности, которые были введены более 15-ти лет назад. Средневзвешенное значение доли неконкурентоспособных мощностей в обрабатывающей промышленности (без нефтепереработки) – порядка 13-14%. К неконкурентоспособным мощностям относятся мощности с возрастом свыше 10 лет, не загружаемые, по меньшей мере, последние 5 лет [csr.ru/wp-content/uploads, 1].

То есть третий уклад находится в фазе стагнации, четвертый – зрелости, а пятый – в фазе интенсивного роста [Коблов, agnc.ru/publication,7].

По мнению российских экспертов, в ближайшие 10 лет в экономике России – будет доминировать четвертый технологический уклад (до 2015-2020 гг.), ещё имеющий потенциал для развития и совершенствования в отраслях энергетического и электротехнического, химического и нефтяного машиностроения, станкостроения и приборостроения.

Опрос PwC в 2017 году показал, что, несмотря на постоянные вложения в технологии, многие компании в России не могут угнаться за прогрессом (было опрошено 2216 чел. из 53 стран).

При этом надо учитывать, что одним из важных последствий технологических трендов на рынке труда становится распространение феномена так называемых «лишних людей» – тех, чей уровень компетенции, навыков и умений, а также готовность к изменениям не позволят сохранить работу в конкуренции с роботами или ИКТ. «Лишние люди» в условиях современной экономики могут пополнить ряды неформальной занятости, стать источником социальной напряженности.

МОТ и будущее сферы труда

В докладе Генерального директора МОТ на 104-ой сессии (2015 г.) «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда» отмечается, что при принятии решений относительно организации 108-ой сессии (2019 г.) Конференции следует руководствоваться, главным образом, необходимостью обеспечения того, чтобы была достигнута основная цель, заключающаяся в разработке конкретных рекомендаций по будущим направлениям деятельности МОТ, вступающей во второе столетие своего существования (п.19, с.4). Парадоксальность ситуации, характеризующейся тем, что колоссальные положительные сдвиги в

области производственных мощностей глобальной экономики в настоящее время обеспечивают материальные средства, позволяющие покончить с бедностью и удовлетворить потребности людей как никогда прежде, но по странному стечению обстоятельств, не приводящие к ожидаемому результату. В то же время внутренние механизмы такой экономики порождают массовую безработицу и неполную занятость, а также широкомасштабную социальную изоляцию, но наряду с этим и масштабное процветание, и успехи в социальной сфере, которые тесно сосуществуют внутри наших обществ и между ними (п.10, с.2).

Одним из приоритетных направлений развития экономик в контексте достойного труда должно стать создание новых и введение высокопроизводительных перспективных рабочих мест. Ускорение этих процессов возможно на основе внедрения механизмов стимулирования работодателей на вложение средств частных инвесторов в рамках государственных и региональных программы.

Стратегической позицией государства и работодателей как сторон социально-трудовых отношений должно стать сокращение производительных рабочих мест, которые исчерпали свои возможности по выпуску конкурентоспособной продукции. При этом целесообразно ликвидировать избыточные рабочие места, которые не функционируют в настоящее время, а их модернизация является неоправданной по причине отсутствия спроса на изготавливаемую на этих рабочих местах продукцию. Другая сторона такого сценария – социальная ответственность за профессиональное будущее высвобожденных работников. Государство и социально ответственный бизнес должны стать гарантом перспективы их дальнейшего трудоустройства.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что воплощение принципов достойного труда возможно прежде всего путем создания в официальной экономике структурных секторальных сдвигов высокопроизводительных рабочих мест, обеспечения гибкости при условии надлежащей социальной защиты в сфере нестандартных форм занятости.

Начало XXI века стало и началом технологической революции. Впервые о 4-ой промышленной революции заговорили в 2011 г. В 2013 году начали формироваться две крупнейшие программы – немецкая околосударственная Industrial 4.0 и Industrial Internet Consortium пяти частных американских компаний (GE, Intel, Cisco, IBM и AT&T), – призванные эту революцию готовить. Тогда же появились аналогичные инициативы

в Китае, Нидерландах, Великобритании, Бельгии, Японии. Результаты первых экспериментов должны были позволить предсказывать сроки и характер будущей промышленной революции «Индустрии 4,0», которая должна выйти в пик в 2025-2030 годах. 2016 год должен был стать первым годом подготовки к запуску «Индустрии 4,0», но целый ряд сдерживающих факторов помешал этому процессу. Одним из них стало нежелание инвесторов вкладывать млрд. долларов в «Индустрию 4,0».

Суть революции 4.0 по задумке её авторов заключается в следующем. Промышленные технологии, основывающиеся на крупном специализированном отраслевом предприятии с жестким набором выпускаемой продукции, во втором десятилетии XXI века подошли к точке, в которой создание новых предприятий такого рода лишаются смысла, и они становятся поставщиками сырья (с умеренной добавленной стоимостью) для нового типа производителей.

В этот процесс активно встраиваются разработки в области автоматизации и роботизации производства (искусственный интеллект), big data, интернет торговля и др. К 2016 году необходимо было определить – кто и как возглавит революцию, транснациональные компании как таковые (версия США) или их альянс с правительствами (версия стран ЕС, от правительств требуются в данном случае вложения в НИОКР и стандартизация). В последнем случае ставка делалась на средние и мелкие компании [Бутрин, 3, 10].

Сегодня под влиянием накопленных знаний мы наблюдаем процесс размывания отраслевого деления, «сближения» («интеграции») отраслей, появления новых профессий и процесс этот ускоряется. Токарь, который работает на пятикоординатном станке с ЧПУ, по факту должен быть инженером-программистом.

Материальная основа производства определяется сегодня прежде всего уровнем технологий. Шестой ТУ начал формироваться в 2010 г. и через 25-30 лет он станет доминирующим в экономике развитых стран. К 2020-2025 гг. ожидается скачок в технике и технологиях, основой которого станут разработки, синтезирующие достижения в сфере базовых технологий по следующим направлениям: нано- и биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), другие немашинные и гибридные с машинными технологиями, основанных на робототехнике – это мембранные и квантовые технологии, геновая инженерия, микромеханика, фотоника и др.

Смена технологических укладов вызывает серьезные изменения в отраслевой структуре эко-

номики. В свете сказанного, структура отраслевого спроса на рабочую силу неизбежно приобретет более прогрессивный характер. Значительное место в структуре экономики 6 ТУ (по численности занятых) будет принадлежать интеллектуальным услугам (консультирование, информационное посредничество, аналитика, маркетинг), вырастет доля информационно-коммуникационной сферы, расширятся масштабы скрытой безработицы и нетипичных форм занятости. Для высококачественных изменений в сфере занятости необходимо создание современных высокопроизводительных рабочих мест, преодоление технологической отсталости, обновление производственного оборудования, развитие новых инновационных отраслей промышленности и др.

Более того, с помощью информационных технологий занятость становится фактором изменения социальной и гендерной структуры населения, занятого традиционным трудом, появления принципиально новых групп работников (например, фрилансеров) трансформации их социальных статусов и функций.

Работа с современным оборудованием, использование новых технологий требуют не только подбора и найма специально обученных работников, но и систематического повышения их квалификации. В отдельных случаях сегодня полученные знания устаревают так быстро, что персоналу приходится практически каждый год повышать свои знания, навыки и умения, то есть доучиваться. Таким образом, знания, способности, интеллект работников являются в современных условиях определяющими факторами развития трудового потенциала.

Современному высокотехнологичному производству необходим работник с постоянно растущим уровнем общего и профессионального образования, квалификации, с широким кругозором.

В связи с этим гарантия занятости больше не предполагает определенную специальность, определенное место работы или определенного работодателя. В большой степени она является результатом способности, оставаясь активным, приспосабливаться к быстро меняющимся требованиям. В сфере занятости сценарии будущего могут проявляться для работников двояко. Во-первых, становится всё труднее планировать профессиональный путь, во-вторых, сокращается число работников, которые длительное время работают непосредственно по специальности. Таким образом, задача каждого работника заключается в том, что в течение всей трудовой жизни необходимо следить за уровнем своей востребо-

ванности на рынке труда, так как она (востребованность) становится гарантией занятости.

Заключение

Таким образом, обладая несомненным позитивным потенциалом, цифровые технологии сопровождаются целым рядом «негативных явлений». В их числе следует указать на рост безработицы и обострение проблем с занятостью человеческих ресурсов. Постиндустриальное информационное общество, расширяя само пространство занятости, в определенные моменты делает его границы «прозрачными». Классическая модель полной занятости постепенно изживает себя, так же как пожизненная работа на одного работодателя.

Учитывая сказанное, считаем невозможным технологический рывок по всем новым направлениям шестого ТУ. Он возможен по прорывным технологиям, по которым Россия имеет значительные заделы, а по ряду – занимает передовые позиции в мире. Перечень этих направлений уже определен государством.

Переход к гибким производственным системам способствует формированию мобильного и профессионально подвижного, способного к перемене труда, высококвалифицированного работника. Диверсификация труда ведёт к росту «гибридных» профессий и «дженералистов» широкого профиля, то есть работников, синтезирующих знания аналитиков, маркетологов и т.д. В результате уменьшения доли рутинного труда в общей структуре трудовых затрат сократится дистанция между различными профессиональными группами работников, что означает уменьшение разнородности человеческого капитала организации и приводит к размыванию прежних основ социальной и организационной иерархии в компаниях [gks.ru, 8].

Благодарность

Статья подготовлена по результатам исследований, проведенных при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10140.

Список литературы

1. Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России [Электронный ресурс] Центр стратегических разработок. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/01/Doklad_promyshlennye-moshhnosti.pdf. (дата обращения: 10.03.2018).
2. Антонов Ю. Металл между пальцами. Аргументы недели, 2018, №9, с. 6.
3. Бутрин Д. Интернет вещей против долгой жизни. Коммерсант, 2016, 30.12, с. 10.
4. Ивантер В.В. Одной цифры не хватило. «Российская газета. Федеральный выпуск №7357 (191) 27.08.2017 // <https://rg.ru/2017/08/27/viktor-ivanter-cifrovaya-economica-ne-porozhdaet-bezraboticu.html>
5. Иоселиани К. Человеческий перевод скоро будет услугой класса Люкс. [Электронный ресурс] <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/a22991> (Дата доступа 26.09.2017)
6. Калабин В. и др. Цифровая Россия: новая реальность. Июль 2017 г. / Аптекман А., Калабин В., Клинецов В., Кузнецова Е., Кулагин В., Ясеновец И. // <https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx>
7. Коблов Е.Н. Курсом в 6-й технологический уклад <http://agnc.ru/publication/81>
8. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. [Электронный ресурс] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology/
9. Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда: Монография / Главный научный редактор д.э.н., проф. Бобков В.Н. Редакционный коллектив: Альхименко О.Н., Квачев В.Г., Колмакова И.Б., Локтюхина Н.В., Мешков В.Р., Новикова

References

1. Analysis of the most important structural characteristics of the production capacities of the manufacturing industry in Russia [Electronic resource] Center for Strategic Research. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/01/Doklad_promyshlennye-moshhnosti.pdf. (the date of the appeal: 10.03.2018).]
2. Antonov Yu. Metal between fingers. - Arguments of the week, 2018, №9, p.6
3. Butrin D. The Internet of Things vs. Long Life. Kommersant, 2016, 30.12, p. ten.
4. Ivanter V.V. One number is not enough. "Russian newspaper. Federal Issue №7357 (191) 08/27/2017 / <https://rg.ru/2017/08/27/viktor-ivanter-cifrovaya-economica-ne-porozhdaet-bezraboticu.html>
5. Ioseliani K. The human translation will soon be a luxury service. [Electronic resource] <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/a22991>. (Date of access 26.09.2017)
6. Kalabin V. and others Digital Russia: a new reality. July 2017 / Drugstore V. A., Kalabin V., Klintsov V., Kuznetsova E., Kulagin V., Yasenovets I. // <https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx>
7. Koblov E.N. A course in the 6th technological mode <http://agnc.ru/publication/81>
8. Monitoring the development of the information society in the Russian Federation. [Electronic resource] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology/
9. Employment Instability: The International and Russian Contexts of the Future Sphere of Labor: Monograph / Chief Scientific Editor Dr. Sc. Bobkov V.N. Editorial team: Alkhimenko, ON, Kvachev, VG, Kolmakova, IB, Loktyukhina, N.V., Meshkov, V.R., Novikova, I.V., Odegov, Yu.G., Odintsova,

- И.В., Одегов Ю.Г., Одинцова Е.В., Павлова В.В., Шичкин И.А. М.: Изд-во РеалПринт, 2017. 560 с.
10. Одегов Ю.Г., Павлова В.В. Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. №4.2017, стр. 60-70.
11. Россия 2025: от кадров к талантам. Октябрь 2017. The Boston Consulting Group. [Электронный ресурс] http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf
12. Павлова В.В. Влияние шестого технологического уклада на российский рынок труда // В сборнике: Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость. Материалы X Международной научно-практической конференции: в 2 томах. Белорусский государственный экономический университет. 2017. С. 43-45.
13. Подцероб М. Технологии изменят труд. Ведомости. 2016, 27.01. с.20
14. Подцероб М. Из-за новых технологий в мире исчезнут миллионы рабочих мест. – Ведомости. 2016, 26.01. <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/01/27/625618-ischeznut-rabochih-mest>. (дата обращения: 30.10.2018).
15. Транспортная стратегия РФ. Основные гипотезы развития отраслевых систем. Машиностроение. http://www.mintrans.ru/prensa/TransStart_Trans_Econom_Balance3_5_1.htm
16. Цифровизация российской экономики не обеспечит ее рост – аналитик Moody's// Информационное агентство России ТАСС. <https://www.finanz.ru/novosti/aktcii/cifrovizaciya-rossiyskoy-ekonomiki-ne-obespechit-ee-rost-analitik-Moodys-1005725983>
17. ILO. Decent work indicators: concepts and definitions, First edition. -Geneva: ILO, 2012. - 175 p.
- EV , Pavlova V.V., Shichkin I.A. – M.: Publishing House RealPrint, 2017. - 560 p.
10. Odegov Yu.G., Pavlova V.V. New technologies and their impact on the labor market //The standard of living of the population of the regions of Russia. №4.2017, p. 60-70
11. Russia 2025: from personnel to talents. October 2017. The Boston Consulting Group. [Electronic resource] http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf
12. Pavlova V.V. The influence of the sixth technological structure on the Russian labor market //In the collection: Economic Growth of the Republic of Belarus: Globalization, Innovation, Sustainability Materials of the X International Scientific Practical Conference: in 2 volumes. Belarusian State Economic University. 2017. p. 43-45.
13. Podtserob M. Technologies will change the work. - Sheets.2016, January 27, p.20
14. Podtserob M. Due to new technologies in the world will disappear millions of jobs -Vedomosti.2016,26.01.<https://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/01/27/625618-ischeznut-rabochih-mest>. (Date of access 30.10.2018)
15. Transport strategy of the Russian Federation. The main hypotheses of the development of industry systems. Engineering. http://www.mintrans.ru/prensa/TransStart_Trans_Econom_Balance3_5_1.htm
16. Digitization of the Russian economy will not ensure its growth - Moody's analyst -1005725983
17. ILO. Decent work indicators: concepts and definitions, First edition. -Geneva: ILO, 2012. -175 p.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Культурвитализм – концептуальная основа оценки эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения Сибири

Kulturvitalizm – a Conceptual Basis for Assessing The Effectiveness of Management and The Optimal Combination of The Level and Quality of Life of The Population of Siberia

Получено 10.09.2018

Одобрено 08.11.2018

Опубликовано 30.11.2018

УДК: 316.4

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10042

ГРИГОРЬЕВ СВЯТОСЛАВ ИВАНОВИЧ

доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ведущий научный сотрудник Института художественного образования и культурологии Российской академии образования
Email: gary_2005@mail.ru

GRIGOR'YEV, SI

Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of RAO, Leading Research Worker of the Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education
Email: garry_2005@mail.ru

ГУСЛЯКОВА ЛЮДМИЛА ГЕРАСИМОВНА

доктор социологических наук, профессор, международный магистр социальной работы, профессор кафедры менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры
Email: guslyakova@mail.ru

GUSLYAKOVA, LG

Doctor of Sociological Sciences, Professor, International Master of Social Work, Professor at the Chair of Information Resources Management of the Altay State Institute of Culture
Email: guslyakova@mail.ru

ГОВОРУХИНА ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры
Email: govorgv@gmail.com

GOVORUKHINA, GV

PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Information Resources Management at the Altay State Institute of Culture
Email: govorgv@gmail.com

Аннотация

Объект. Культурвитализм.

Предмет. Особенности концептуальной основы оценки эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения Сибири.

Теоретическая сторона предмета: концептуальной основы обоснования роли культурвитализма для оценки эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения.

Эмпирическая сторона предмета: экспертный опрос о значимости культурвитализма для создания, развития и использования евразийской идеологии в России для повышения качества жизни населения.

Цель – выявление мнения экспертов о роли культурвитализма при оценке эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения.

Основные теоретические и эмпирические положения статьи. В начале статьи авторы обозначили факторы, которые актуализируют тематику результатов исследования. В статье авторы, во-первых, представляют базовые позиции культурвитализма как современной социогуманитарной метатеории, во-вторых, подчеркивают важность рассмотрения развития виталистской модели современного социального научного знания, парадигмы его специальных и отраслевых теорий, развивающихся на основе культурвитализма. Они описывают результаты экспертных опросов в двух регионах Сибири относительно значимости культурвитализма для осмысления и решения проблем обеспечения достойного уровня и качества жизни населения современной России. Авторы осуществляют анализ оценок экспертного сообщества регионов Сибири значимости культурвитализма для исследования социальной сферы. При этом они подчеркивают показательность дифференциации экспертных оценок значимости культурвитализма для создания, развития и использования евразийской идеологии начала XXI столетия.

Abstract

The Object of the Study. Kulturvitalizm.

The Subject of the Study. Features of the conceptual basis for assessing the effectiveness of management and the optimal combination of the level and quality of life of the population of Siberia.

The theoretical side of the subject: the conceptual basis for substantiating the role of cultural wisdom for assessing the effectiveness of management and the optimal combination of the level and quality of life of the population.

The empirical side of the subject: an expert poll on the importance of culturalism for the creation, development and use of the Eurasian ideology in Russia to improve the quality of life of the population.

The Purpose of the Study. The goal is to identify the experts' opinion on the role of culturalism in assessing the effectiveness of management and the optimal combination of the level and quality of life of the population.

The main theoretical and empirical provisions of the article. At the beginning of the article the authors outlined the factors that actualize the subject of the research results. In the article, the authors, firstly, represent the basic positions of culturalism as a modern social and humanitarian metatheory; secondly, they emphasize the importance of considering the development of the vitalistic model of modern social scientific knowledge, the paradigm of its special and branch theories developing on the basis of culturalism. They describe the results of expert surveys in two regions of Siberia regarding the importance of cultural wisdom for comprehending and solving the problems of ensuring a decent level and quality of life for the population of modern Russia. The authors analyze the assessments of the expert community of the regions of Siberia on the importance of culturalism for the study of the social sphere. At the same time they emphasize the demonstration of the differentiation of expert assessments of the importance of culturalism for the creation, development and use of the Eurasian ideology of the beginning of the XXI century.

Ключевые слова: культурвитализм; управление; качество жизни; жизненные силы человека.

Keywords: culturalism; control; the quality of life; the vital forces of man.

Актуальность тематики статьи, в основном, обусловлена следующим:

- во-первых, тем, что постреформенная стабилизация общественного развития России начала XXI века осложнена формированием нового международного порядка, политэкономического и социального пространства, где Россия восстанавливает свою роль как одна из стратегически значимых мировых держав, преодолевает значительные негативные последствия вульгарно-либерально-рыночной трансформации 1990-х годов, что требует новой культуры, стратегий и технологий не только федерального, но и регионального, а также муниципального, поселенческого управления;

- во-вторых, стратегически значимо то, что усложнение современного общества, ускорение темпов его развития и рост глобальных и локальных рисков для жизни людей, их физического, психического и социального здоровья, как никогда в прошлом, обострили проблемы культуры управления, бытия людей во всех основных сферах общества: в экономике и политике, в социально-бытовом и духовно-эстетическом развитии, в сфере природно-экологической эволюции;

- в-третьих, возникновение в современном обществе нового сочетания глобального, национального и регионального, социально-исторического и актуально-сетевого, повседневно-прагматического;

- четвертых, ростом имущественной и социальной дифференциации населения на фоне распространения массовой бедности, а также взаимозависимости его этнокультурной и социально-экономической дифференциации;

- в-пятых, дифференциацией уровня и качества жизни населения в разных регионах России, в том числе и в Сибири, а также в различных типах поселений: малых, средних и крупных городах, сельских поселениях и райцентрах в аграрных регионах;

- в-шестых, дифференциацией качества жизни и различия бытия разных этнокультурных групп населения;

- в-седьмых, социально-профессиональной дифференциацией, ее зависимостью от типов поселений и национально-этнического состава, положения, статуса в управлении, социальным партнерством бизнеса, государственного и муниципального управления, институтов гражданского общества.

Актуальность исследования отмеченных факторов в России, в ее сибирских регионах обусловливается еще и тем, что в начале XXI века в условиях постреформенной относительной стабилизации общественного и социально-экономического развития не была заявлена перспективная стратегия прогрессивного движения российского общества вперед, сохранились базовые идеологические и политические стандарты 1990-х годов: «частная собственность – основа свободы», «рынок – универсальный регулятор всей системы общественных отношений», «приоритет прав человека – главная цель, фундамент современного демократического развития» и др. На фоне сохранения, использования этих идеологем с начала 1990-х годов звучат лозунги о деидеологизации и деполитизации образования, гражданского общества, его движении в будущее на основе толерантности, поликультурализма.

Все это происходит в условиях мирового развития, сочетания противостоящих тенденций, с одной стороны, глобализации, интернационализации общественных отношений, а с другой – усиления, массового распространения культурного национализма, а также его радикальных форм осуществления, что выразилось наиболее наглядно в создании во второй половине XX века более 70 новых национальных государств, в трансформации многонациональных стран, в формировании многополярного мира, сохраняющего многообразие в природе и обществе, его этнокультурном развитии. Все это, конечно, требует при рассмотрении современных процессов эволюции качества, уровня жизни населения разных стран, их народов, регионов видеть и учитывать не только финансово-экономическую, социально-бытовую составляющую, но и их социокультурный контекст, культуру коммуникаций населения во всех основных сферах общества [Аязбекова С. Ш., 2018, 1; Григорьев С.И., 2016, 2].

В данном плане принципиально значимо адекватное понимание, использование таких понятий, как: «экономическая культура», «политическая культура», «социально-бытовая культура», «экологическая культура», «художественно-эстетическая культура», а также таких категорий, как: «культура политического управления», «культура экономического управления», «культура социального управления», «культура художественно-эстетического управления», «культура эко-

логического развития». Это позволяет на основе культурвитализма, развития управленческой культуры во всех сферах современного общества обеспечить благополучие, безопасность жизни населения, отдельных стран и народов, регионов их проживания и развития [Григорьев С.И., 2016, 5; Кравченко С.А., 2007, 9; Марченко Ю.Г., Григорьев С.И., 2010, 10; Яницкий О.Н., 2003, 15].

На такой концептуальной основе развиваются и отдельные профильные, специальные теории виталистского социогуманитарного знания: виталистская культурология, виталистская социология, виталистская антропология, виталистская педагогика, виталистская конфликтология, виталистская теория социальной работы, виталистская ювенология и др. Они, каждая по-своему, отражают, способствуют осмыслению, исследованию качества жизни, изучению дифференциации уровня благополучия различных социальных групп, его дифференциации в регионах России, в том числе и в Сибири, ее алтайских административно-территориальных образованиях, поселениях сельского и городского типов.

В данном плане и методологически, и социально-технологически принципиально важно видеть и учитывать особенности характеристик базовых категорий каждой из специальных, профильных теорий виталистского социогуманитарного знания, развивающегося на основе культурвитализма. Здесь, прежде всего, следует учесть различия гуманитарного и социального научного знания, его развития под влиянием культурвитализма как интегративной социогуманитарной метатеории.

Так, например, в контексте развития виталистской модели гуманитарного научного знания нужно видеть специфику объекта, предмета, базового исследовательского метода, исходных категорий виталистской педагогики, развивающейся на рубеже XX-XXI веков в значительной мере под влиянием педагогики ненасилия [Разин В.М., 2008, 12; Соколова И.И., 2014, 13]. Все это важно учитывать в контексте становления и развития виталистской психологии, виталистской социальной психологии, виталистской психологии личности, виталистской психологии коммуникаций, виталистской антропологии, виталистской девиантологии, виталистской ювенологии и др.

Среди этих гуманитарных дисциплин, возникших на рубеже XX-XXI веков под влиянием культурвитализма, выделим, во-первых, виталистскую психологию, связанную, прежде всего, с проблематикой психического здоровья. В данном контексте происходит формирование системы понятий, составляющих основу развития этой научной дисциплины, начиная с объекта и предмета

виталистской психологии, ее базового исследовательского метода, исходных понятий.

Отметим важность рассмотрения развития виталистской модели современного социального научного знания, парадигмы его специальных и отраслевых теорий. Это, прежде всего, касается виталистской социологии, ее различных отраслей: виталистской социологии образования, виталистской социологии молодежи, виталистской социологии культуры, виталистской социологии конфликта и др. Кроме того, следует учитывать и развитие виталистских моделей, парадигм других социальных наук: виталистской демографии, виталистской политологии, виталистской экономики, виталистской юриспруденции, виталистской социальной работы, виталистской социальной педагогики и др.

Если рассматривать специфику социологического научного знания, в нем объектом виталистской социологии как науки выступает совокупность явлений и процессов становления и развития жизненных сил общества, его социального потенциала, социальной структуры и культуры социального бытия в конкретных социально-исторических и социокультурных, социально-территориальных условиях жизненного пространства. В свою очередь, предметом виталистской социологии как научной дисциплины является совокупность основных закономерностей, тенденций развития общества, его социальных институтов, общественных групп, социальной культуры бытия в различных социально-исторических, социально-территориальных, национально-государственных условиях.

Базовым исследовательским методом виталистской социологии как науки является принцип организации социальных исследований на основе изучения взаимозависимости жизненных сил и жизненного пространства субъектов социальной жизни, их бытия, единства индивидуально-личностной и организационно-коллективной субъектности человека, каждого субъекта социальной жизни общества. В данном плане к числу базовых, фундаментальных понятий виталистской социологии относятся: во-первых, такая категория, как «первичные социальные отношения», отражающие взаимозависимость субъектов социальной жизни по поводу их жизненного пространства, средств обеспечения полноценной жизнедеятельности. Эти отношения развертываются и реализуются во всех основных сферах общества, жизнедеятельности индивида как биопсихосоциального существа, закрепляются в социальных институтах каждого государства и общества с учетом его социально-исторической, национально-культурной и социально-терри-

ториальной, поселенческой субъектности, причастности людей к системе федерального, регионального, корпоративного и муниципального управления [Григорьев С.И., 2007, 3; Гуслякова Л.Г., Григорьев С.И., Запольская А.С., 2010, 7; Гуслякова Л.Г., Григорьев С.И., Лига М.Б., 2009, 8].

Во-вторых, понятие «жизненные силы общества» в общем виде социологически характеризуются как способность воспроизводить, осуществлять и совершенствовать социальным субъектом, обществом и государством в целом свою жизнь в определенных социально-исторических, социально-территориальных и социокультурных условиях. В свою очередь, категория виталистской социологии «жизненное пространство общества» характеризует среду бытия представителей основных социальных слоев общества, развития и функционирования его базовых социальных институтов и национально-этнических, социально-профессиональных групп, социума в целом, их участия в развитии всех основных сфер современного общества: экономики и политики, социально-бытового и художественно-эстетического развития, а также изменения социально-экологического пространства-времени.

Означенные аспекты, основания, характеристики уровня и качества жизни населения регионов Сибири XXI века значительно расширяют социально-экономический формат рассмотрения этих понятий, ориентируют его на *интеграцию развитости потенциала субъектов общественной жизни* во всех основных сферах их бытия в конкретных социально-исторических и социально-территориальных условиях. Это значительно расширяет систему показателей уровня и качества жизни населения современной России, ее регио-

нов Сибири. Здесь преодолевается односторонность эконоцентризма традиционных характеристик уровня и качества жизни населения в современной России, что требует формирования и развития новой социальной политики в условиях постреформенной стабилизации российского общества начала XXI века.

Решению этих задач способствует, прежде всего, современный культурвитализм как интегративная социогуманитарная метатеория, стимулирующая исследования эффективности управления на основе развития культуры поведения населения во всех основных сферах общества, управленческой культуры, использующей развитость основных форм общественного сознания: мифологии и религии, искусства и философии, идеологии и науки, морали и обыденного, массового сознания.

В данном плане существенно важно учитывать особенности оценок экспертного сообщества регионов Сибири значимости культурвитализма для осмысления и решения проблем обеспечения достойного уровня и качества жизни населения современной России. Этот аспект проблемы нами был изучен в алтайских регионах Сибири (Алтайском крае и Республике Алтай) в ходе НИР 2012-2017 гг. «Евразийская идеология для России и стран славянского социокультурного пространства начала XXI века» [Гуслякова Л.Г., Григорьев С.И., Говорухина Г.В., 2018, 6].

При этом показательной стала дифференциация экспертных оценок значимости культурвитализма для создания, развития и использования евразийской идеологии начала XXI столетия. Об этом вполне определенно свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1

Дифференциация экспертных оценок значимости культурвитализма для создания, развития и использования евразийской идеологии в России, славянском мире начала XXI века

№	Вариант ответа	Оценки 2012 г., %	Оценки 2017 г., %
1	максимально высокая оценка значимости культурвитализма для развития евразийской идеологии	14	15
2	в главном, положительная оценка значимости культурвитализма	16	18
3	неоднозначная, противоречивая оценка роли культурвитализма	19	20
4	в основном негативная, критическая оценка значимости культурвитализма	13	12
5	максимально негативная, отрицательная оценка роли культурвитализма в развитии евразийской идеологии	8	7
6	Другое	2	2
7	трудно сказать	28	26

Данные распределения экспертных оценок свидетельствуют, во-первых, о том, что в 2012 г. и 2017 г. доля экспертов, давших, по преимуществу, позитивные оценки роли культурвитализма в развитии евразийской идеологии в России, современном славянском мире, составила, соответственно, 30% и 33%. При этом 19% экспертов в 2012 г. и 20% – в 2017 г. дали неоднозначные, противоречивые оценки. В свою очередь, доминирующие отрицательные оценки составили в 2012 г. 21%, а в 2017 г. – 19%. Еще около 2% и в 2012 г., и в 2017 г. дали другие, противоречивые оценки. Доля экспертов, затрудняющихся с ответом, составила, соответственно, в 2012 г. – 28%, а в 2017 г. – 26%.

Мотивация, по преимуществу, позитивных оценок экспертами значимости культурвитализма для формирования и применения евразийской идеологии в России, славянском социокультурном пространстве начала XXI века представлена в таблице 2.

Представленная ранжировка массовости экспертных оценок свидетельствует, что наиболее часто в позитивном плане значимость культурвитализма для развития идеологии и политики в современном евразийском пространстве в 2012-2017 гг. назывались следующие причины: во-первых, то, что культурвитализм позволяет выявить факторы активизации, повышения эффективности идейно-политического сотрудничества славянских стран Евразии, ее общественно-политического пространства в целом; во-вторых, одним из распространенных стал вывод экспертов о том, что на основе культурвитализма усиливается евразийское национально-этническое пространство за счет интеграции культур народов, их социокультурных потенциалов; в-третьих, среди наиболее часто названных причин позитивного влияния, роли культурвитализма в современном идейно-политическом пространстве Евразии было отмечено то, что он способствует выбору средств оздоровления славянских народов, пострадавших в XX веке от революций, экспансии потребительского Запада.

Реже других в означенной ранжировке отмечены такие позитивные аспекты роли культурвитализма в современной Евразии, как:

а) культурвитализм интегрирует все основные сферы бытия человека и формы общественного сознания на основе культуры, обеспечения безопасности жизни (7-8% экспертных оценок);

б) идеология евразийства, ее культура, основанные на культурвитализме, помогают поиску «третьего пути» развития современного общества, идущего на смену «административному социализму» и вульгарно-либерально-рыночному

прагматизму капитализма (10-11% экспертных оценок);

в) культурвитализм стимулирует формирование единого многополярного мира, интегрирующего и сохраняющего нации и государства в новом глобальном политэкономическом пространстве, где взаимодополняют друг друга культуроцентричность и поликультурализм, глобализм и национально-региональное, поселенческое разнообразие (13-14% экспертных оценок).

На фоне этой массовости позитивных оценок значимости культурвитализма отметим и то, что значительная часть экспертов 2012-2017 гг. в Сибирском и Центральном округах современной России (от 15% до 17%) не смогли дать ответы на рассматриваемый вопрос. При этом еще около 3% и в 2012 г., и в 2017 г. дали некорректные ответы, неоднозначные заключения.

В данном плане существенно важно рассмотреть ранжировку массовости критических оценок экспертов по поводу их видения роли культурвитализма в развитии идейно-политических процессов в Евразии начала XXI века (см. табл. 3).

Представленная в таблице 3 ранжировка массовости экспертных оценок причин развития идеологии и политики евразийства на основе культурвитализма свидетельствует, что чаще других названы следующие причины: во-первых, то, что позитивное влияние культурвитализма на развитие евразийской идеологии, идейно-политического пространства Евразии может здесь повысить роль таких стран, как Индия и Китай, что станет фактором ослабления влияния России, славянского мира в целом в Евразии (29% экспертных заключений 2012 г. и 23% экспертных оценок 2017 г.); во-вторых, акцентируется внимание на то, что идеология евразийства, чему способствует культурвитализм, может привести к обострению конфликтности с США, с американским континентом в целом (25% экспертных заключений 2012 г. и 21% экспертных оценок 2017 г.); в-третьих, к наиболее массовым упоминаниям причин негативного характера в данной ранжировке относится позиция экспертов, связанная с тем, что евразийство, его идеология сегодня чаще работает на рост влияния азиатских стран, прежде всего – Китая, Индии, Японии и Кореи; и др.

Замыкают эту ранжировку, как можно заметить, заключения экспертов о том, что культурвитализм осложняет поиск модели «третьего пути» развития современного общества (6-7% экспертных оценок); еще одним относительно редко упоминаемым заключением экспертов в этой связи

Таблица 2

Ранжировка массовости причин позитивной оценки культурвитализма для формирования и применения евразийской идеологии в России, славянском мире начала XXI века

№	Вариант ответа	Оценки 2012 г., %	Оценки 2017 г., %
1	Это позволяет активизировать, повысить эффективность идейно-политического сотрудничества славянских стран Евразии, ее общественно-политического пространства в целом	31	33
2	Это усиливает евразийские народы в целом за счет интеграции их позитивных социокультурных потенциалов	28	30
3	Это способствует оздоровлению славянских народов, пострадавших в XX веке от революций, экспансии Запада	26	27
4	Это дает возможность лучше обеспечить эффективное производственно-экономическое сотрудничество славянских стран, евразийского пространства в целом	25	26
5	Это способствует духовно-культурному единению народов Евразии, повышению здесь роли русской культуры	24	24
6	Это создает новые благоприятные условия для усиления роли, позиций, влияния славянских народов, их ядра – русского народа, склонных к единению, общности бытия, духовно-культурному сотрудничеству	23	21
7	Это дает дополнительные возможности решения проблем экологии, социально-экологического развития стран Евразии, которая нуждается в обеспечении здорового образа жизни, безопасности социоприродного бытия	21	20
8	Это стимулирует единение систем социальной защиты, социально-бытового развития населения Евразии, где семейно-бытовая культура, традиции всегда играли позитивную роль	19	20
9	Это позволяет преодолеть на территории Евразии негативные последствия вульгарно-либерально-рыночной трансформации ряда стран постсоветского пространства, прежде всего – России	15	17
10	Это стимулирует формирование единого многополярного мира, интегрирующего и сохраняющего нации и государства в новом глобальном политэкономическом пространстве, где взаимодополняют друг друга культуроцентричность и поликультурализм, глобализм и национально-региональное, поселенческое разнообразие	13	14
11	Идеология евразийства, ее культура помогают поиску «третьего пути» развития современного общества, где преодолеваются недостатки «административного социализма» и эконоцентризма, вульгарно-либерально-рыночного прагматизма капиталистического общества	10	11
12	Это интегрирует все основные сферы бытия человека на основе культуры, обеспечения безопасности жизни	8	7
13	Другое	3	3
14	Трудно сказать	17	15

оказался их вывод о том, что евразийство давно стало брендом прозападных элит азиатских государств, работающих, главным образом, на политэкономическую конъюнктуру (9%); нельзя не отметить и такого критического мнения экспертов, как вывод об интеграции евразийства как

идеологии и социокультурной стратегии развития с учением «рерихнутах», сторонников учения Рерихов рубежа XX-XXI веков (11-12% экспертных оценок); и др.

Необходимо обратить внимание на то, что в регионах современной России, где около 20%

Таблица 3

Ранжировка массовости критических заключений экспертов по поводу роли культурвитализма в формировании современной евразийской идеологии, развитии идейно-политического пространства Евразии начала XXI столетия

№	Вариант ответа	Оценки 2012 г., %	Оценки 2017 г., %
1	Позитивное влияние культурвитализма на развитие евразийской идеологии, идейно-политического пространства Евразии может здесь повысить роль таких стран, как Индия и Китай, что будет фактором ослабления роли России и славянского мира	29	23
2	Идеология евразийства, чему способствует культурвитализм, может привести к обострению конфликтности с США, что станет угрозой миру	25	21
3	Евразийство, его идеология, чему содействует культурвитализм, сегодня чаще работает на рост влияния азиатских стран, Китая, Индии, Японии и др., что ослабляет европейские народы и государства	22	20
4	Евразийство, родившееся в прошлом, во многом не состоялось, оказалось разрушенным после распада СССР и стран Варшавского договора. Сегодня необходима новая идеология и политика Евразии, основанная на конвенции «третьего пути» развития, которой пока нет	20	19
5	Об идеологии евразийства, ее новой модели, роли в ней культурвитализма большинство населения стран Евразии не знают. Это пока почти не работает	18	17
6	Эта идеология и политика, их культурвиталистские, иные основания подвигают нас к объединению систем, которые в нынешнем их виде, национально-государственном формате не объединимы	15	16
7	Евразийство сегодня – это пока красивый «мыльный пузырь», который был вынужден использовать на пороге своего первого избрания в президенты РФ В.В. Путин	16	14
8	Современное евразийство – идеология «рерихнутых», сторонников учения Рерихов, что к культурвитализму не имеет серьезного отношения, а значит и не может быть основой политической стратегии	12	11
9	Евразийство давно стало брендом прозападных элит азиатских государств, работающих главным образом на политэкономическую конъюнктуру	9	9
10	Идеология и политика евразийства осложняет поиск «третьего пути» развития современного общества в России, других славянских странах, на всем постсоветском пространстве, она не опирается на культурвитализм	6	7
11	Другое	3	3
12	Трудно сказать	15	17

[Примечание: сумма процентов более 100% и в 2012 г., и в 2017 г. потому, что ряд экспертов отмечал по 2-3 варианта причин развития евразийской идеологии на основе культурвитализма.]

экспертного сообщества и более трети респондентов выборочного опроса *[Об этом свидетельствует выборочный опрос респондентов Сибирского и Центрального федеральных округов 2012 г. (35% и 37% в Сибири) и 2017 г. (31% и 34% в Центральном федеральном округе). Выборка в Центральном федеральном округе – 317 респондентов; в Сибирском – 293 респондента]*

не знают о культурвитализме ничего, очевидно и довольно большое разнообразие его трактовок. Частота различных определений культурвитализма в 2017 г. оказалась дифференцированной (см. табл. 4).

Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что чаще других среди определений культурвитализма экспертами были названы следующие:

Таблица 4

Ранжировка массовости различных определений культурвитализма современной России 2017 г., %

№	Вариант ответа	Сибирский ФО	Центральный ФО	Всего
1	Культурвитализм – одна из специальных теорий современной культурологии	17	21	19
2	Культурвитализм – одна из концепций, теорий современной социологии культуры	15	19	17
3	Культурвитализм – одна из теорий философии XX-XXI веков	14	16	15
4	Культурвитализм – одна из доктрин, технологий современного управления, ориентированных на приоритеты культуры в обеспечении благополучия, безопасности жизни	12	14	13
5	Культурвитализм – комплексная, интегративная социогуманитарная метатеория, мировоззренческая доктрина	11	13	12
6	Культурвитализм – разновидность идеологических доктрин, моделей идеологического обеспечения управления в современном обществе	9	7	8
7	Культурвитализм как специальная теория, парадигма обеспечения безопасности жизнедеятельности	8	6	7
8	Культурвитализм как концептуальная основа, базовая парадигма виталистской теории социальной работы	7	6	6
9	Культурвитализм как концептуальная основа виталистской парадигмы, специальной теории социальной педагогики	6	4	5
10	Культурвитализм как базовая концепция виталистской социальной антропологии	5	3	4
11	Культурвитализм как теоретико-методологическая основа специальной концепции современной экономики – виталистской концепции экономической культуры как теории культурного социально-экономического развития	4	3	3
12	Культурвитализм как концептуальная основа развития политической культуры, виталистской политологии рубежа XX-XXI веков	3	2	2
13	Другое	1	1	1
14	Нет однозначного ответа	2	2	2

[Суммарно каждый из столбцов таблицы 4 превышает 100% в связи с тем, что эксперты могли назвать по несколько известных им трактовок, определений культурвитализма.]

■ во-первых, характеристика культурвитализма как одной из специальных теорий современной культурологии (от 17% до 21% определений экспертов);

■ во-вторых, определение культурвитализма как одной из концепций, теорий современной социологии культуры (от 15% до 19% определений экспертов);

■ в-третьих, определение культурвитализм как одной из теорий философии XX-XXI веков

(от 14% до 16% экспертных заключений); и др.

Реже других экспертами были упомянуты такие определения культурвитализма, как: а) его характеристика как концептуальная основа развития политической культуры, виталистской политологии рубежа XX-XXI веков (2-3%); б) характеристика культурвитализма в качестве теоретико-методологической основы специальной концепции современной виталистской экономики как парадигмы современного экономического

знания (3-4%); в) трактовка культурвитализма как базовой концепции виталистской социальной антропологии (3-5%).

Означенные характеристики осмысления культурвитализма в контексте современного социогуманитарного знания в России, его развития в регионах, в том числе в Сибири, на Алтае, позволяют масштабно усилить характеристики уровня и качества жизни различных социокультурных и национально-этнических групп, имеющих различное положение и роль в обществе. На этом акцентируется сегодня внимание не только учеными, но и практиками, представителями управленческого актива и бизнеса [Григорьев С.И., Даровских О.В., Гришина А.С., 2016, 4; Немировский В.Г., 2017, 11; Тощенко Ж.Т., 2016, 14].

Таким образом, культурвитализм как концептуальная основа оценки эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения, во-первых, способствует повы-

шению качества жизни населения в Сибири, росту его благополучия и социальной безопасности; во-вторых, позволяет учитывать социокультурный контекст управления при решении проблем обеспечения достойного уровня и качества жизни населения регионов России.

Примечание

Проект НИР 2012-2017 гг. «Евразийская идеология для России и стран славянского социокультурного пространства начала XXI века» осуществлен как экспертный опрос по инициативе научного совета Народного Собора на базе научно-образовательного центра «Культура – основа качества образования...» Международного фонда славянской письменности и культуры, исследовательского комитета социальной квалиметрии Российской социологической ассоциации. Выборка ставила (Центральный и Сибирский ФО) в 2012 г. – 317 экспертов, в 2017 г. – 359 экспертов.

Список литературы

1. Аязбекова С.Ш. Культура в евразийском пространстве: теория, практика и современность // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации : ежегодный научный журнал. 2018. № 1 (2). С. 16-21.
2. Григорьев С.И. Культурвитализм социологии образования: социально-исторический контекст России XXI столетия : монография. Москва: Издательский дом «Магистр-Пресс», 2016. 173 с.
3. Григорьев С.И. Основы виталистской социологии XXI века : учебное пособие. Москва: Гардарики, 2007. 239 с.
4. Григорьев С.И., Даровских О.В., Гришина А.С. Культурвитализм и виталистская социология – концептуальная основа анализа современной национально-культурной, производственно-экономической и социально-территориальной дифференциации населения регионов России // Уровень жизни населения регионов России : научно-практический журнал. 2016. № 1. С. 39-47.
5. Григорьев С.И., Даровских О.В., Гришина А.С., Паклин М.М. Основы виталистской культуры регионального социального управления в России XXI века : учебное пособие. Москва: Издательский дом «Магистр-Пресс», 2016. 76 с.
6. Гусякова Л.Г., Григорьев С.И., Говорухина Г.В. Социокультурное пространство евразийства в оценках экспертов // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации : ежегодный научный журнал. 2018. № 1 (2). С. 8-11.
7. Гусякова Л.Г., Григорьев С.И., Запольская А.С. Социальная эффективность управления региональной системой поддержки жизненных сил семьи в России начала XXI века : монография. Москва: Издательство РГСУ, 2010. 167 с.
8. Гусякова Л.Г., Григорьев С.И., Лига М.Б. Квалиметрический потенциал социологического витализма в исследовании качества жизни (к формированию новой специальной теории социологии жизненных сил человека): монография. Чита: Заб. гос. гум.-пед. ун-т, 2009. 176 с.
9. Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамично меняющемся мире. Москва: Изд-во МГПМО-Университет», 2007. 264 с.

References

1. Ayazbekova S.Sh. Culture in the Eurasian space: theory, practice and modernity // Culture in the Eurasian space: traditions and innovations: an annual scientific journal. - 2018. - No. 1 (2). - P. 16-21.
2. Grigoryev S.I. Kulturvitalizm sociology of education: the socio-historical context of Russia XXI century: monograph. - Moscow: Publishing House Magister Press, 2016. - 173 p.
3. Grigoryev S.I. Fundamentals of vital sociology of the XXI century: a textbook. - Moscow: Gardariki, 2007. - 239 p.
4. Grigoriev S.I., Darovskikh O.V., Grishina A.S. Kulturvitalizm and vitalistic sociology - the conceptual basis for the analysis of contemporary national-cultural, industrial-economic and socio-territorial differentiation of the population of the Russian regions // Living standards of the population of the Russian regions: a scientific and practical journal. - 2016. - No. 1. - P. 39-47.
5. Grigoriev S.I., Darovskikh O.V., Grishina A.S., Paklin M.M. The foundations of the vitalistic culture of regional social management in Russia in the 21st century: a textbook. - Moscow: Publishing House Magister Press, 2016. - 76 p.
6. Guslyakova L.G., Grigoriev S.I., Govorukhina G.V. Socio-cultural space of Eurasianism in the assessments of experts // Culture in the Eurasian space: traditions and innovations: an annual scientific journal. - 2018. - No. 1 (2). - P. 8-11.
7. Guslyakova L.G., Grigoriev S.I., Zapolskaya A.S. Social effectiveness of the management of the regional system of supporting the vital forces of the family in Russia at the beginning of the XXI century: monograph. - Moscow: RGSU Publishing House, 2010. - 167 p.
8. Guslyakova L.G., Grigoriev S.I., Liga M.B. The qualitative potential of sociological vitalism in the study of the quality of life (to the formation of a new special theory of the sociology of the vital forces of man): monograph. - Chita: Zab. state. hum-ped. University, 2009. - 176 p.
9. Kravchenko S.A. Sociology of modernity and postmodernism in a dynamically changing world. - Moscow: Publishing house MGME-University", 2007. - 264 p.
10. Marchenko Yu.G., Grigoriev S.I. Culturology of the Russian

10. Марченко Ю.Г., Григорьев С.И. Культурология русского мира. Москва: «Русаки», 2010. 310 с.
11. Немировский В.Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // Социс. 2017. № 9. С. 4-47.
12. Разин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концитуализация : учебное пособие. Москва; Воронеж: Изд-во МП-СИ; Изд-во Модэк», 2008. 600 с.
13. Соколова И.И. К проекту концепции поддержки развития педагогического образования // Научные исследования в образовании. Приложение к журналу «Профессиональное образование. Столица». 2014. № 3. С. 25-34.
14. Тощенко Ж.Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социс. 2016. № 11. С. 3-14.
15. Яницкий О.Н. Социология риска. Москва, 2003. 185 с.
- world. - Moscow: "Rusaki", 2010. - 310 with.
11. Nemirovsky V.G. Representations about justice in the context of the class structure of modern Russian society // Socis. - 2017. - No. 9. - P. 4-47.
12. Razin V.M. Science: origins, development, typology, new concisualization: textbook. - Moscow; Voronezh: Izd-vo MP-SI; Publishing House Modec, 2008. - 600 p.
13. Sokolova I.I. To the draft concept of supporting the development of pedagogical education // Scientific Research in Education. Supplement to the journal "Vocational education. Capital". - 2014. - No. 3. - P. 25-34.
14. Toshchenko Zh.T. The meaning of life: the experience of analysis from the standpoint of the sociology of life // Socis. - 2016. - No. 11. - P. 3-14.
15. Yanitsky O.N. Sociology of risk. - Moscow, 2003. - 185 p.

Рабочий класс в советском и российском социологическом дискурсе

Working Class in Soviet and Russian Sociological Discourse

Получено 03.10.2018

Одобрено 25.10.2018

Опубликовано 30.11.2018

УДК: 316.343

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10043

ГАВРИЛЮК ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА

доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, г. Тюмень.
Email: gavriiliuk@list.ru

ГАВРИЛЮК ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра перспективных исследований и инновационных разработок Тюменского индустриального университета
Email: tv_gavrilyuk@mail.ru

GAVRILIUK, VV

Doctor of Sociology, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management of Tyumen' Industrial
Email: gavriiliuk@list.ru

GAVRILIUK, TV

PhD in Sociology, Associate Professor, Senior Research Worker of the Centre for Advanced Research and Tyumen' Innovative Development of Industrial University of Tyumen, Tyumen
Email: tv_gavrilyuk@mail.ru

Аннотация

Объект исследования. Соотношение классового и стратификационного подходов в советской и постсоветской социологии.
Предмет исследования. Новый рабочий класс в отечественном социологическом дискурсе.

Цель исследования. Обоснование необходимости возвращения классового подхода к исследованию социальной структуры современного российского общества. Выявление признаков нового рабочего класса.

Основные положения статьи. В советской социологии, в соответствии с марксистской идеологией, рабочий класс рассматривался в качестве протагониста общественных перемен и центра притяжения сил социального обновления. Современная интеграция рабочих в капиталистическую систему, переход к экономике шестого уклада, поражение социализма, глобальный переход к постиндустриальному обществу требуют заново осмыслить «рабочий вопрос». В статье актуализируется проблема выявления содержания и структуры «нового рабочего класса», традиционные и актуальные способы его социальной концептуализации. Исследуются особенности классовых и стратификационных подходов к выделению рабочего класса в структуре общества. Делается вывод о существенном отличии социального положения нового российского рабочего класса от социального положения советского рабочего класса. Показано, что чрезвычайно детализация критериев, некритическое объявление среднего класса основой российского общества, базовой частью его социальной структуры привело к размыванию, высокой степени неопределенности модели социальной структуры российского общества начала XXI века.

Дано авторское определение понятия нового рабочего класса. Под новым рабочим классом современной России мы понимаем группу наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, содержание и характер труда которых рутинизированы, сегментированы; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности на предприятие, в котором они трудятся. Как правило, это работники без высшего образования. Власть и контроль в организации им не принадлежат, степень их свободы и полномочия в организационных структурах ограничены, они практически не влияют на планирование и контроль труда. Ключевым отличием нового рабочего класса становится не его место в системе государственных властных отношений, как это было в СССР, а отношение к собственности и участие в управлении на конкретном предприятии.

Ключевые слова: новый рабочий класс; стратификационный подход; классовый подход; российское общество; социальная структура, рабочий класс.

Abstract

The Object of the Study. The correlation of class and stratification approaches in Soviet and post-Soviet sociology.

The Subject of the Study. New working class in Russian sociological discourse.

The Purpose of the Study. The objectives are to substantiate the necessity of actualizing of the class approach in the study of modern Russian society social structure; identifying the signs of a new working class.

The Main Provisions of the Article. In accordance with Marxist ideology, in Soviet sociology a working class was regarded as a protagonist of social change and a center of attraction for the forces of social change. The contemporary integration of workers into the capitalist system, the transition to the economy of the sixth order, the defeat of socialism, the global transition to a postindustrial society require to comprehend the «working question» from a new prospective. The authors actualize the problem of revealing the content and structure of the «new working class», traditional and actual methods of its theoretical conceptualization. The features of class and stratification approaches to the allocation of the working class in the structure of society have been studied. It has been shown that the excessive specification of criteria, non-critical declarative positioning of the middle class into the basis of the Russian society structure, led to a high degree of uncertainty in the model of the social structure of the Russian society of the early XXI century. The author's definition of the concept of a new working class has been given. Defining «the new working class of modern Russia», we mean a group of employees in all spheres of material production and services whose content and nature of work are routinized and segmented; not participating in management and not having the property rights to the enterprise in which they work. Most of the times, these are workers without higher education. Power and control in the organization do not belong to them, their degree of freedom and authority in organizational structures are limited, they do not influence on the planning and control of labor.

Keywords: Russian society; social structure of society; working class; stratification approach; class approach; characteristics of the working class.

Введение

Социальная структура современного российского общества претерпевает фундаментальные сдвиги в связи с изменениями в мировой экономике. Принципиально изменилось и положение рабочего класса, который в течение столетий рассматривался в качестве протагониста общественных перемен и центра притяжения сил социального обновления. Современная интеграция рабочих в капиталистическую систему, переход к экономике шестого уклада, поражение социализма, глобальный переход к постиндустриальному обществу требуют заново осмыслить «рабочий вопрос».

В современной социологии не решен вопрос о критериях, базовых признаках рабочего класса, поэтому трудно провести четкое различие между ним и другими социальными группами. Не каждый наемный работник является рабочим, с другой стороны, пересечение с социальными позициями других страт не является основанием включения в них рабочих. Именно поэтому особую актуальность в условиях высокодифференцированных современных обществ, приобретает вопрос о критериях выделения этой социальной группы.

Материалы и методы

Источниковедческой базой статьи явились работы К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И. Ленина, советских и российских философов, социологов, историков. Методологическую основу исследования составили стратификационные теории, классовый подход, а также исторический анализ, позволивший проследить общественно-историческую обусловленность трансформации «рабочего класса».

Обсуждение

Введение в научный дискурс понятия «рабочий класс» связывают с трудами философов, историков и экономистов XVIII века – А.Смита, Э.Кондильяка, К.Сен-Симона, Ф.Гизо, О. Минье. Востребованность понятия социального класса в это время объясняется появлением на исторической сцене нового социального актора – буржуазии. К. Маркс, как известно, первым дал обоснование классовой структуры общества, выводя ее из фундаментального анализа всей системы экономических отношений. В 70-е годы прошлого столетия в отечественной науке активизируется внимание к исследованию места и роли рабочего класса в социальной структуре советского общества. Ученые, рассматривая рабочий класс сквозь призму социальной однородности, выявляют его

роль в строительстве коммунизма и развитии социализма [Шкаратан О.И., 1970, 31; Здравомыслов А.Г., 1978, 10; Крухмалев А.Е., 1978, 15; Крухмалев А.Е., 1975, 16; Руткевич М.Н., 1978, 23; Семенов В.С., 1977, 25; Косолапов Р.И., 1979, 14; Мутагиров Д.З., 1973, 19; Ширяев Ю.И., 1978, 30]. В работах 1980-х годов наблюдается переориентация научного интереса на исследование трансформации сущностных признаков рабочего класса. Появляются работы ученых, центром внимания которых становится творческая активность и творческий потенциал рабочего класса как факторов повышения социальной активности рабочих [Назимова А.А., 1988, 20; Смирнов И.П., 1987, 26; Чуланов В.А., 1980, 28]. В 1990-е годы понятие «рабочий класс» практически перестало использоваться в отечественной социологии. Этот период представлен преимущественно научными статьями, отражающими отдельные аспекты жизнедеятельности рабочего класса [Ядов В.А., 1993, 33; Заславская Т.И., 1990, 8; Заславская Т.И., Рывкина Р.В., 1991, 8]. В то же время, в эти годы «рабочий класс» становится объектом единичных кандидатских и докторских социологических диссертаций [Самыгин С.И., 1992, 27; Щербакова Л.И., 1995, 29; Калтырина Е.Л., 1999, 11]. Необходимо отметить, что комплексные исследования, посвященные исследованию нового рабочего класса России, на сегодняшний день отсутствуют, что делает заявленную тему особенно актуальной.

Результаты

Основанием классовой теории является идея неравенства как основы любой стратификации. К.Маркс отмечал, что существование классов и классовой борьбы утверждается ещё со времен Платона. Введение этого понятия в модернистский научный дискурс связывают с трудами философов, историков и экономистов XVIII века – А.Смита, Э.Кондильяка, К.Сен-Симона, Ф.Гизо, О.Минье, а его востребованность в данный исторический период объясняется появлением буржуазии как нового социального актора. Несмотря на то, что К.Маркс не предложил собственного определения класса, начиная с ранних работ можно восстановить логическую структуру его анализа классовой антагонизма как производной системы экономических отношений, важнейшими характеристиками которых являются разделение труда и право частной собственности.

К. Маркс первым дал обоснование классовой структуры общества, выводя ее из фундаментального анализа экономической системы капиталистического общества. По его мысли, не профессия человека определяет его принадлежность к клас-

су, а напротив, его классовое положение ограничивает выбор профессии: «... современное классовое различие ни в коем случае не основано на «ремесле»; наоборот, разделение труда создает различные виды труда внутри одного и того же класса [Маркс К., Энгельс Ф., 1970, 18, с. 310]». К.Маркс определенно не считал основанием для выделения классов и источник доходов или их уровень.

Отсутствие четкого определения классов в марксизме не стало препятствием для развития классовой теории общества в отечественной социологии, т.к. в качестве исходной методологической посылки было принято ленинское определение классов [Ленин В.И., 1919, 17, с.15]. Признаки класса, конфликтность взаимоотношений классов, классовая борьба как источник исторических революций, осознание классовых интересов как процесс превращения «класса в себя» в «класс для себя» – всё это стало конвенциональной точкой зрения советской науки. Важно акцентировать внимание, что в советской трактовке марксистского подхода классы рассматривались как основные компоненты общественной системы, но при этом другие её составляющие (социальные группы, не обладающие признаками класса) не рассматривались как элементы социальной структуры.

Марксистский подход принципиально отличался от всех теорий стратификации. Классы рассматривались как объективно существующие элементы структуры, независимо от того, осознают ли свою принадлежность к какому-либо из них представители этих классов. В теории классов как основы социальной структуры центральной идеей является категория интереса. Именно интересы – экономические, политические, культурные – являются тем, что отличает классы друг от друга и обуславливает классовый антагонизм. В теориях стратификации понятие «интерес» отсутствует.

С конца 1930-х годов в советском обществознании устанавливается единый подход к трактовке социальной структуры советского общества, его трехчленная модель. Основными элементами советского общественного устройства, по определению И.Сталина, являются рабочий класс, колхозное крестьянство и прослойка – советская интеллигенция. Дальнейший анализ социальной структуры советского общества становится невозможным по идеологическим причинам, поэтому, вплоть до конца 1980-х годов теоретические изыскания в этом направлении прекращаются, несмотря на огромное количество работ, посвященных классовой структуре, роли рабочего класса в ней. Заслуживают внимания некоторые эмпирические исследования 1970-80-х годов, по-

священные анализу реальной социальной структуры советского общества, в первую очередь – рабочего класса [Гордон Л.А., Назимова А.К., 1985, 6; Шкаратан О.И., 1970, 31].

Исследования рабочего класса в советский период были направлены на обоснование ведущей роли рабочего класса в определении вектора исторического развития, его воспитывающей роли по отношению ко всем другим социальным группам и слоям советского общества. Именно рабочий класс в общественном сознании утверждался как властный субъект, приближенность к власти определяла и общественный престиж этого класса. Идеологизированная трактовка классовой структуры в ортодоксальном советском марксизме привела к упрощению, выхолащиванию классовой теории.

Особенно заметным становится этот процесс при описании диалектики классовых отношений, суть которых в марксизме – антагонизм. Неантагонистические, дружественные взаимоотношения между рабочим классом, крестьянством и народной интеллигенцией, опирающиеся на единую общественную собственность на средства производства – уничтожают саму идею классового деления общества в его марксистском понимании, превращая ее в простую формальность, примитивную схему.

Неудивительно, что отмена жесткого идеологического контроля в перестроечное и постперестроечное время породила в социологическом сообществе отторжение марксистского подхода к обоснованию социальной структуры, и обусловила необходимость поиска новых концептуальных оснований. Из трех основных направлений стратификационной теории – марксизм, веберизм и функционализм – именно марксизм оказался наименее востребован российскими социологами.

К числу первых стратификационных исследований, основанных не на марксистской идеологии, следует отнести работы О.И. Шкаратана [Шкаратан О.И., 1970, 31]. При этом, большинство социологов того времени не отрицали марксизм как всеобщую методологию обществознания, они стремились ее «улучшить» за счет привлечения новой терминологии и концептуального аппарата. Стратификационный подход социологов этого времени строился на традиционных для западной социологии критериях: уровень образования; профессия и квалификация; содержание труда; уровень доходов. Иерархичность социальной структуры, ранжирование социальных групп по их статусу, а следовательно и неравенство рассматривалось как неотъемлемая ее часть. Принципи-

альной новизной подхода советских социологов в отличие от ортодоксальных марксистов было то, что они не относили неравенство к наследию капитализма, не считали, что оно может быть и должно быть изжито, а связывали наличие неравенства с реальными социальными условиями. В теоретической социологии это означало отказ от идеологических тезисов о стирании различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней [Шкаратан О.И., 1970, 31, с. 18] В это же время появляются исследования социальной структуры сельского населения, где стратификационный подход выступает методологической основой [Арутюнян Ю.В., 1971, 1]. Стратификационный подход социологов 1970-х в основе социальной иерархии усматривал социально-профессиональные группы, ранжируя городское и сельское население страны от неквалифицированных рабочих или колхозников до руководителей крупных предприятий и региональных органов власти. При этом реальная правящая элита оставалась вне поля зрения социологов, как и номенклатурная природа этой элиты. Для рассматриваемого исторического периода это был революционный шаг, по существу, отвергающий доминировавший в советском обществознании редуционистский взгляд на социальную структуру. И, несмотря на терминологическое присутствие рабочих и крестьян в этих типологиях, первые стратификационные исследования 1970-х годов обосновывали бесклассовый характер социальной структуры советского общества. Разумеется, официальной марксистской философией того времени революционный подход социологов был замечен и сурово осужден как ревизионистский [Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р., 1970, 24 с. 41-42].

Стремление сгруппировать рабочих по характеру выполняемых ими действий и операций, разделение труда на машинный и ручной, казалось бы конкретизирует возможность социальной дифференциации этого слоя. В действительности же, такой подход только усложняет задачу, т.к. с появлением новых технологий придется вводить в классификатор все новые и новые группы. Этих явных просчетов удалось избежать известному советскому социологу О.И. Шкаратану. Уже в 1960-70-е годы он смог разработать метод прямой операционализации родовых свойств труда. Он обосновал, что социальный слой присваивает определенный круг профессий. Разделение на «роды» труда подразумевает в операциональном смысле совокупную оценку качественных различий по содержанию труда и по социальным обстоятельствам его выполнения. Его набор показателей принципиально отличался от предыдущих

подходов, основанных только на степени механизации труда. Выделение «родовых» характеристик в конкретных профессиях О.И. Шкаратан произвел по следующим показателям: 1) соотношение исполнительских и организаторских функций; 2) степень многообразия функций и интеллектуального напряжения, возможность новизны в принимаемых производственных решениях; 3) степень самостоятельности в регулировании последовательности трудовых операций (степень самоорганизации труда); 4) требуемый уровень общего и профессионального образования (сложность труда); 5) социально-экономическая оценка работников, выполняющих труд. С 1975 по 1985 год этот исследователь разработал и применил совокупность индикаторов для измерения по заданным критериям, что позволило ему представить социальную структуру зрелого советского общества в виде иерархии 12 различающихся слоев [Шкаратан О.И., 1970, 31, с. 248-254].

Базовыми характеристиками социальной стратификации становятся предметное содержание труда и его сложность. Выделение пяти признаков социального слоя для социальной стратификации позволяет полностью отказаться от трехчленной модели социальной структуры советского общества и проводить исследования реальных отношений неравенства. Таким образом, к середине 1980-х годов произошел окончательный разрыв социологических подходов с упрощенной методологической моделью социальной структуры, основанной на вульгаризации марксистского классового подхода. При этом никто из российских социологов не отказался от принятой терминологии, и понятие «рабочий» присутствует при описании слоев социалистического общества.

Ослабление идеологического контроля не просто заложило основание для свободного поиска в социологических исследованиях, но и позволило в перестроечное и постперестроечное время полностью отказаться от марксистского классового подхода к объяснению природы социальной структуры. Первые работы такого рода появились в период перестройки в конце 1980-х годов [Шубкин В.Б., 1987, 32; Гудков Л., Левада Ю. и др., 1988, 7; Карпинский Л., 1989, 12]. В это время социологи открыто заявляли о бесклассовости советского общества, объявляя об этакратическом характере его социальной структуры. Правящей силой в этом обществе прямо назывался бюрократический слой, партийная и советская номенклатура. Само понятие о номенклатуре не было новым в отечественном дискурсе, однако даже социологи в массе своей не были знакомы с работой М. Восленского «Номенклатура», ко-

торая была переведена и опубликована только в 1991 г. [Восленский М.С., 1991, 3]. Проблемы социальной стратификации выходят на первый план социологического дискурса 1980-90-х годов, для ученых этого времени поиск новых концептуальных ее оснований становится приоритетной задачей [Комаров М.С., 1992, 13; Заславская Т.И., Рывкина Р.В., 1991, 9; Воронков В.М., 1993, 4; Радаев В.В., 1991, 22].

Наличие эксплуатации при отсутствии эксплуататорских классов для советской социологии было абсолютно невозможно даже озвучить, а не только проводить какие-то конкретные исследования. Одними из первых отношения эксплуатации описали Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина, характеризуя их следующим образом:

1) изъятие всего прибавочного и части необходимого продукта через непомерно низкие цены на произведенную продукцию и необоснованно высокие налоги;

2) глубокое расхождение меры труда и меры потребления различных групп работников общественного производства;

3) необоснованная неравномерность территориального и ведомственного распределения элементов социально-бытовой инфраструктуры;

4) присвоение дифференцированной ренты жителями южных районов;

5) преступные способы извлечения нетрудовых доходов за счет граждан или государства (теневая экономика, мафиозные группы) [Заславская Т.И., Рывкина Р.В., 1991, 9].

Вероятно, с позиций современных социологических исследований эта классификация неполна и недостаточно обоснована, но бесспорно это был первый опыт анализа отношений эксплуатации в позднесоветском обществе.

Теоретический поиск российской социологии конца 1990-х – начала 2000-х годов опирался на идеи социальной стратификации, при этом произошел окончательный отказ от социально-классового подхода к описанию общественной структуры [Беляева Л.А., 2001, 2]. Разумеется, социологи этого периода понимали, что социальная структура нового постсоветского общества только формируется и еще достаточно долго не будет определенности и четкости в соотношении социальных страт. Особое внимание в этот период привлекала идея среднего класса, с которым связывали процесс демократических преобразований, и именно он рассматривался как основа социальной структуры новой России. Наибольшую остроту социологического дискурса этого периода приобретает вопрос о критериях социальной стратификации. Л.А. Беляева выделила три группы критериев со-

циальной стратификации современного российского общества: «Социально-политические: а) обладание властью; б) выполнение управленческих функций в государственной и политической сфере; социально-экономические: а) владение собственностью; б) управление собственностью; в) доходы; г) отраслевая занятость по секторам (первичный, вторичный, третичный); д) профессиональная деятельность; е) территория проживания; социокультурные: а) уровень образования; б) квалификация; в) потребности; г) интересы; д) ценности; в) престиж; ж) образ, стиль жизни и др.» (Беляева Л.А., 2001: 33-34) Очевидно, что многомерная классификация была наиболее приемлема для общества переходного периода, однако, неопределенность критериев становится непреодолимым препятствием на пути ее операционального применения. Простое перечисление социальных различий общественных групп, открытость набора классификационным признаков оставляют исследователю произвольное поле для конструирования картины социальной стратификации. Не случайно, сама Л.А. Беляева для описания российских реалий вынуждена была сократить число знаковых различий до отношения к собственности и профессиональной принадлежности. В социальной структуре российского общества конца 1990-х годов по этим двум базовым признакам она усматривает пять основных социальных групп: элитный слой, предэлитный слой; владельцы средних и мелких предприятий – работодатели и топ-менеджеры; массовый слой работников умственного и организаторского труда; работники физического и исполнительского труда [Беляева Л.А., 2001, 2, с. 38-39].

Делая промежуточный вывод, можно отметить концептуальную недостаточность теоретического поиска отечественной социологии конца 1990-х – начала 2000-х годов. Чрезвычайная детализация критериев, некритическое объявление среднего класса основой российского общества, базовой частью его социальной структуры привело к размыванию, высокой степени неопределенности модели социальной структуры российского общества начала XXI века. Безусловно, в условиях трансформации невозможно четкое описание социальных страт и их взаимоотношений, социальные роли различных групп, их статус находятся в состоянии неустойчивости, неопределенности, однако теоретический поиск такой определенности остается актуальной задачей и при описании современных тенденций изменения социальной структуры. Наиболее последовательную и теоретически обоснованную работу в этом направлении проводит институт Социологии РАН, его отдел социальной структуры под руководством

профессора З.Т. Голенковой. Сегодня под социальной и стратификационной структурой данная исследовательская группа понимает «многомерное, иерархически организованное социальное пространство, в котором социальные группы и слои различаются между собой степенью обладания властью, собственностью и социальным статусом». Социальные слои рассматриваются как социально-экономические группы, имеющие различное место в структуре глобальной социальной системы, между которыми имеется социальное неравенство [Голенкова З.Т., 2014, 5, с. 228-229]. З.Т. Голенкова отмечает необходимость учитывать объективную и субъективную характеристики неравенства. Для социолога важно не только реальное различие положения социальных страт, но и субъективное ощущение принадлежности к ним самих субъектов. Анализируя динамику социальной структуры советского и российского общества, автор отмечает не только изменение численности и положения традиционных социальных групп (рабочих, крестьян, вообще наемных работников и формирование нового слоя собственников и предпринимателей), но и принципиальное изменение методологии их исследования. Исследование социальной структуры современного российского общества привело автора к выводу, что она крайне неустойчива, аморфна, неопределенна [Голенкова З.Т., 2014, 5, с. 242].

Заключение

Под новым рабочим классом современной России мы понимаем группу наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся. Наличие незначительного количества акций, не позволяющее их владельцу принимать участие в реальном управлении предприятием, не является основанием для исключения их владельца из группы «новый рабочий класс». Как правило, это работники без высшего образования. Власть и контроль в организации – им не принадлежат, степень их свободы, полномочия в организационных структурах – ограничена, практически они не влияют планирование, организацию и контроль труда.

Ключевым отличием нового рабочего класса становится не его место в системе государственных властных отношений – приближенность к источникам централизованного распределения

всех ресурсов, а отношение к собственности и участие в управлении на конкретном предприятии. Форма найма служит лишь дифференцирующим признаком внутри класса, т.к. принадлежность к новому рабочему классу не определяется ею. Это может быть постоянное место работы на государственном или частном предприятии или временное трудоустройство без оформления контракта, т.е. к рабочему классу можно отнести и часть прекариата, если она соответствует базовым признакам. Уровень доходов (размер заработной платы) и степень рутинизации труда (от четко регламентированного, стандартизированного до самостоятельного и инновационного) также выступают дифференцирующими признаками для нового рабочего класса.

Социальное положение нового российского рабочего класса принципиально отличается от статуса советского рабочего класса. В советское время рабочий класс позиционировался как «ведущая сила общества», источник всех прогрессивных общественных преобразований и, даже критерий общественной морали, то сегодня рабочий класс превращается в реальную социальную группу наемных работников, подвергающийся всем формам эксплуатации и отчуждения и имеющих право бороться с работодателями за улучшение условий своего существования.

С учетом вышеизложенного, социальная структура современного российского общества может быть представлена не только в категориях стратификационной теории, но обоснована в рамках классового подхода. Место нового рабочего класса в социальной структуре российского общества обосновано в рамках классового подхода следующим образом: новый рабочий класс; средний класс (мелкий и средний бизнес; менеджеры среднего звена, включая государственную бюрократию; высококвалифицированные профессионалы, характер труда которых предполагает принятие самостоятельных решений при выполнении сложных задач – инженеры, учителя, врачи, творческие работники и т.д.); правящий класс (крупные собственники, политические элиты, топ-менеджеры крупных компаний). Кроме того, существуют социальные группы и общности, не принадлежащие ни к одному из классов – военнослужащие, пенсионеры, безработные, заключенные, криминальные сообщества и т.п.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

Список литературы

1. Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
2. Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: десять лет постсоветского развития. М., Akademia, 2001.
3. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
4. Воронков В.М. Эволюция правящей элиты в период перехода к демократии / Социально-стратификационные процессы в современном обществе. Т.2. М., ИС РАН, 1993.
5. Голенкова З.Т. Избранные труды. М.: Новый хронограф, 2014.
6. Гордон Л.А., Назимова А.К. Рабочий класс СССР. Тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985.
7. Гудков Л., Левада Ю., Левинсон А., Седов Л. Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнения // Коммунист. 1988. №12. С. 74 – 84.
8. Заславская Т.И. Социальные ориентиры обновления: общество и человек. М.: Политиздат, 1991.
9. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Новосибирск: Наука, 1991.
10. Здравомыслов А.Г. Методологические проблемы изучения советского рабочего класса // Коммунист. 1978. №9.
11. Калтырина Е.Л. Рабочий класс современной России, структурные и статусные изменения: на примере угледобывающих предприятий депрессивного региона: дис. на соиск. ученой степени канд. соц. наук. Новочеркасск, 1999.
12. Карпинский Л. Бюрократия. Опыт словаря нового мышления / Под ред. Ю.Афананьева и М.Ферро. М., 1989.
13. Комаров М.С. Социальная стратификация и социальная структура // Социологические исследования, 1992. №7. С. 62-72.
14. Косолапов Р.И. Социализм: к вопросам теории. М., 1979.
15. Крухмалев А.Е. Рабочий класс СССР. М., 1978.
16. Крухмалев А.Е. Социальная структура развитого социалистического общества. М., 1975.
17. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М., 1919.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Сочинения Т.4. М., 1970.
19. Мутагиров Д.З. Класс - создатель. Л., 1973.
20. Назимова А.А. Перестройка советской экономики и рабочий класс. М.: Знание, 1988.
21. О социальных функциях миграции сельского населения в городе / Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970.
22. Радаев В.В. Властная стратификация в системе советского типа // Рубеж. 1991. №1. С. 117 – 147.
23. Руткевич М.Н. Становление социальной однородности. М.: Политиздат, 1978.
24. Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М., 1970.
25. Семенов В.С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М.: Мысль, 1977.
26. Смирнов И.П. Советский рабочий. Формирование творческой личности. М.: Мысль, 1987.
27. Самыгин С.И. Рыночные отношения и рабочий класс (сравнительный анализ российского и болгарского опыта многоукладного развития): дис. на соиск. уч. степени докт. соц. наук. СПб., 1992.
28. Чуланов В.А. Современные советские рабочие. М.: Мысль, 1980.
29. Щербак Л.И. Социальное самочувствие работников наемного труда в современных условиях: дис. на соиск. уч. степени канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 1995.
30. Ширяев Ю.И. Строительство коммунизма и становление социальной однородности общества // Научный коммунизм. 1978. №4.
31. Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., Мысль, 1970.
32. Шубкин В.Б. Бюрократия. Точка зрения социолога // Знания. 1987. №4.
33. Ядов В.А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования. 1993. №3.

References

1. Arutyunyan Y.V. Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR. M., 1971.
2. Belyaeva L.A. Sotsial'naya stratifikatsiya i srednii klass v Rossii: desyat' let postsovetского razvitiya. M., Akademia, 2001.
3. Voslenskii M.S. Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuza. M., 1991.
4. Voronkov V.M. Evolyutsiya pravlyashchei elity v period perekhoda k demokratii / Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v sovremennom obshchestve. T.2. M., IS RAN., 1993.
5. Golenkova Z.T. Izbrannye trudy. M.: Novyi khronograf., 2014.
6. Gordon L.A., Nazimova A.K. Rabochii klass SSSR. Tendentsii i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. M., 1985.
7. Gudkov L., Levada Y., Levinson A., Sedov L. Byurokratizm i byurokratiya: neobkhodimost' utochneniya // Kommunist. 1988. №12. Pp. 74 – 84.
8. Zaslavskaya T.I., Sotsial'nie orientatiri obnovleniya: obshchestvo i chelovek M.: Politizdat, 1990.
9. Zaslavskaya T.I., Ryvkina R.V. Sotsiologiya ekonomicheskoi zhizni. Novosibirsk: Nauka., 1991.
10. Zdravomyslov A.G. Metodologicheskie problemy izucheniya sovetskogo rabocheго klassa. Kommunist. №9, 1978.
11. Kaltyrina E.L. Rabochii klass sovremennoi Rossii, strukturnye i statusnye izmeneniya: na primere ugledobyvayushchikh predpriyatii depressivnogo regiona: dis. na soisk. uchenoi stepeni kand. sots. nauk. Novocherkassk, 1999.
12. Karpinskii L. Byurokratiya. Opyt slovarya novogo myshleniya / Pod red. Yu. Afanans'eva i M.Ferro. M., 1989.
13. Komarov M.S. Sotsial'naya stratifikatsiya i sotsial'naya struktura. SotsIS. №7., 1992. Pp. 62-72.
14. Kosolapov R.I. Sotsializm: k voprosam teorii. M., 1979.
15. Krukhmalev A.E. Rabochii klass SSSR. M., 1978.
16. Krukhmalev A.E. Sotsial'naya struktura razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva. M., 1975.
17. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 39. M., 1919.
18. Marks K., Engel's F. Manifest kommunisticheskoi partii. Sochineniya T.4. M., 1970.
19. Mutagirov D.Z. Klass - sozidatel'. L., 1973.
20. Nazimova A.A. Perestroika sovetskoi ekonomiki i rabochii klass. M.: Znanie, 1988.
21. Sotsial'nykh funktsiya migratsii sel'skogo naseleniya v gorode / Urbanizatsiya i rabochii klass v usloviyakh nauchno-tekhnicheckoi revolyutsii. M., 1970.
22. Radaev V.V. Vlastnaya stratifikatsiya v sisteme sovetskogo tipa. Rubezh. №1., 1991. Pp. 117 – 147.
23. Rutkevich M.N. (1978). Stanovlenie sotsial'noi odnorodnosti. M.: Politizdat. S. 60. [in Russian].
24. Rutkevich M.N., Filippov F.R. Sotsial'nye peremeshcheniya. M., 1970.
25. Semenov B.C. Dialektika razvitiya sotsial'noi struktury sovetskogo obshchestva. M.: Mysl', 1977.
26. Smirnov I.P. Sovetskii rabochii. Formirovanie tvorcheskoi lichnosti. M.: Mysl', 1987.
27. Samygin S.I. Rynochnye otnosheniya i rabochii klass (sravnitel'nyi analiz rossiiskogo i bolgarskogo opyta mnogoukladnogo razvitiya): dis. na soisk. uch. stepeni dokt. sots. nauk. SPb, 1992.
28. Chulanov V.A. Sovremennye sovetskie rabochie. M.: Mysl', 1980.
29. Shcherbakova L.I. Sotsial'noe samochuvstvie rabotnikov naemnogo truda v sovremennykh usloviyakh: dis. na soisk. uch. stepeni kand. sots. nauk. Rostov-na-Donu, 1995.
30. Shkaratan O.I. Problemy sotsial'noi struktury rabocheго klassa SSSR. M., Mysl', 1970.
31. Shiryayev Y.I. Stroitel'stvo kommunizma i stanovlenie sotsial'noi odnorodnosti obshchestva. Nauchnyi kommunizm. №4., 1978.
32. Shubkin V.B. Byurokratiya. Tochka zreniya sotsiologa. Znaniya. №4, 1987.
33. Yadov V.A. Otnoshenie k trudu: kontseptual'naya model' i real'nye tendentsii. Sotsiologicheskie issledovaniya. №3, 1993.

Сопровождаемое проживание инвалидов как инновационная технология социального обслуживания (по результатам исследования в Алтайском крае в 2017–2018 гг.)

Supported Living of Disabled People as Innovative Practice of Social Service (by the Results of the Study at the Altay Kray in 2017–2018)

Получено 11.10.2018

Одобрено 30.10.2018

Опубликовано 30.11.2018

УДК: 356.6

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10044

КАЛИНИНА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Алтайского государственного университета
Email: jul.kalinina@gmail.com

KALININA, YUA

PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Social Work, Altai State University
Email: jul.kalinina@gmail.com

МАЗАЙЛОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Алтайского государственного университета
Email: bakulinat@mail.ru

MAZAYLOVA, TA

PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Social Work, Altai State University
Email: bakulinat@mail.ru

СИРОТИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Алтайского государственного университета
Email: tatjanasiroтина@gmail.com

SIROTINA, TV

PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Social Work, Altai State University
Email: tatjanasiroтина@gmail.com

ЧУКАНОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Алтайского государственного университета
Email: chukanova.64@mail.ru

CHUKANOVA, TV

PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Social Work, Altai State University
Email: chukanova.64@mail.ru

Аннотация

Объект исследования. Сопровождаемое проживание людей с инвалидностью.

Предмет исследования. Сопровождаемое проживание людей с инвалидностью как инновационная технология социального обслуживания.

Цель исследования. Выявление ресурсов и препятствий для внедрения сопровождаемого проживания людей с инвалидностью как инновационной технологии социального обслуживания в Алтайском крае.

Основные положения статьи. В статье рассмотрены основные ресурсы и препятствия для внедрения сопровождаемого проживания как стационарозамещающей технологии социального обслуживания на территории Алтайского края на основе проведенного исследования в 2017–2018 гг. В ходе исследования было проведено анкетирование и полуструктурированное интервью специалистов краевых учреждений социального обслуживания и некоммерческих организаций, работающих с людьми с инвалидностью. В качестве респондентов также выступили взрослые люди с инвалидностью и их законные представители, проживающие на территории Алтайского края. По результатам исследования выделены основные проблемные зоны, препятствующие внедрению такой инновационной формы жизнеустройства людей с инвалидностью как сопровождаемое проживание, а именно: недостаточная осведомленность как специалистов, так и людей с инвалидностью, их законных представителей о данной технологии; отсутствие достаточного нормативно-правового регулирования в области реализации сопровождаемого проживания как на федеральном, так и региональном уровне; отсутствие специалистов, прошедших обучение в области сопровождаемого проживания и др. По результатам исследования также определены ресурсы для внедрения сопровождаемого проживания в регионе, в том числе осознание значимости внедрения данной технологии как сотрудниками краевых учреждений социального обслуживания и некоммерческих организаций, работающих с людьми с инвалидностью, так

Abstract

The Object of the Study. Supported living of disabled people.

The Subject of the Study. Supported living of disabled people with disabilities as an innovative practice of social service.

The Purpose of the Study. Identifying resources and difficulties of implementation of supported living of disabled people as an innovative practice of social service at the Altay Kray.

The Main Provisions of the Article. The resources and difficulties of implementation of supported living of people with disabilities as an innovative practice of social service at the Altay Kray on the bases of the study results are analyzed. The survey and interview of specialists of regional social agencies and non-profit organization rendering services for disabled people were conducted in 2017 – 2018. Respondents were disabled adults and their legal representatives living at the Altay Kray. On the basis of the study results the main problems of implementation of supported living of disabled people as an innovative form of a living arrangement of disabled people at the Altay Kray are identified. There is insufficient awareness about the practice of either experts or disabled people, their legal representatives; lack of federal and regional legal regulation in the field of the supported living of disabled people; absence of the experts trained in the field of the supported living, etc. On the basis of the study results the resources of implementation of supported living of disabled people have been also identified. There is the understanding of importance of practice implementation in the Kray by both the specialists of regional social agencies and non-profit organization as disabled adults and their legal representatives. The main directions of optimization of implementation of supported living of disabled people as innovative practice of social service at the Altay Kray are described.

и самими людьми с инвалидностью и их законными представителями. По итогам исследования определены основные направления для оптимизации внедрения сопровождаемого проживания как инновационной технологии социального обслуживания в регионе.

Ключевые слова: сопровождаемое проживание; инвалидность; технологии социального обслуживания людей с инвалидностью; формы жизнеустройства людей с инвалидностью; Алтайский край.

Keywords: supported living; disability; social service of disabled people; living arrangement of disabled people; the Altay Kray.

Введение

Одной из основных стратегических целей государственной политики Российской Федерации на протяжении последних лет является повышение качества и уровня жизни граждан. Без повышения качества жизни граждан невозможно достижение конкурентоспособности страны в целом. Одним из направлений повышения уровня жизни населения является реформирование системы социальной защиты, внедрение новых технологий социального обслуживания.

Исследование сопровождаемого проживания людей с инвалидностью как инновационной стационарозамещающей технологии социального обслуживания актуализировано в связи с вступлением в силу как совершенно новых нормативных правовых документов, так и поправок в уже действующие документы на территории Российской Федерации. Так, в декабре 2017 г. понятие «сопровожаемое проживание инвалидов» впервые получило нормативное определение в РФ в Приказе Минтруда России № 847 от 14 декабря 2017 г. «Об утверждении методических рекомендаций по организации различных технологий сопровождаемого проживания инвалидов, в том числе такой технологии как сопровождаемое совместное проживание малых групп инвалидов в отдельных жилых помещениях». Сопровожаемое проживание инвалидов определяется как стационарозамещающая технология социального обслуживания, предусматривающая возможность предоставления инвалидам социальных услуг, услуг по реабилитации и абилитации, образовательных услуг и проведения мероприятий по социальному сопровождению инвалидов (содействие в предоставлении медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам) в целях компенсации (устранения) обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности и сохранения пребывания в привычной, благоприятной для

него среде, выработки навыков, обеспечивающих максимально возможную самостоятельность в реализации основных жизненных потребностей (организация быта, досуга, общения и социальных связей), и адаптации к самостоятельной жизни [Об утверждении методических рекомендаций, 2017, 5, п. 2].

Сопровожаемое проживание людей с инвалидностью в России также регулируется статьями и положениями Конвенции о правах инвалидов от 13.12.2006; Гражданского кодекса РФ; Федерального закона от 28.12.2013 №442-ФЗ "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации"; Закона РФ от 02.07.1992 №3185-1 "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании" [Конвенция о правах инвалидов, 2006, 1, ст. 19; Гражданский кодекс РФ, 1994, 2, ст. 30; Об основах социального обслуживания, 2013, 4, ст. 4; О психиатрической помощи, 1992, 3, ст. 5].

В последние годы сопровождаемое проживание людей с инвалидностью активно внедряется и реализуется в разных регионах Российской Федерации [Формы сопровождаемого проживания, 2015, 14, с. 5; Жизнь с достоинством, 2017, 8, с. 6; Помощь людям, 2017, 9, с. 5]. Накопленный позитивный международный и российский опыт реализации сопровождаемого проживания, исследования разных форм жизнеустройства людей с инвалидностью всё более свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития стационарозамещающих технологий социального обслуживания [Доминелли Л., 2004, 7, с. 34; Zviršek D., 2002, 15, р. 274; Ванье Ж., 2009, 6, с. 16; Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. 2006, 10, с. 28; Сиротина Т.В., Хакимова М.П., 2016, 12, с. 137; Сиротина Т.В., 2018, 11, с. 197]. В то же время данный процесс реформирования должен быть глубоко продуманным, ориентированным на региональную специфику, направленным на предоставление людям с инвалидностью возможности выбора наиболее оптимальной формы жизнеустройства.

В Алтайском крае на данный момент отсутствует опыт реализации сопровождаемого проживания людей с инвалидностью. Вместе с тем система интернатных учреждений для детей и взрослых с инвалидностью представлена достаточно широко: 2 детских дома для детей с умственной отсталостью, в каждом из которых проживает более 150 человек; 10 психоневрологических интернатов; 8 домов-интернатов для престарелых и инвалидов и 16 домов-интернатов малой вместимости для престарелых и инвалидов [Стационарные учреждения, 13]. Столь широкая сеть интернатных учреждений свидетельствует о большом количестве людей с инвалидностью, частично или полностью утративших способность к самообслуживанию, нуждающихся в защите и реализации своих прав, в т.ч. право выбора оптимальной формы жизнеустройства в наиболее благоприятной для индивида среде. Всё вышесказанное обусловило актуальность исследования ресурсов и препятствий для внедрения сопровождаемого проживания людей с инвалидностью как инновационной стационарозамещающей технологии социального обслуживания в Алтайском крае.

**Результаты исследования
«Ресурсы и препятствия для внедрения
сопровождаемого проживания людей
с инвалидностью как инновационной
технологии социального обслуживания
в Алтайском крае»**

В основу исследования легла качественная и количественная методология: методом анкетирования были опрошены инвалиды и их законные представители, методом экспертного опроса в форме анкетирования и полуструктурированного интервью были опрошены специалисты учреждений социального обслуживания (комплексные центры социального обслуживания населения, детские дома-интернаты и психоневрологические интернаты) и НКО Алтайского края. В ходе исследования в 2017 – 2018 гг. было опрошено 5 экспертов методом анкетирования, 7 экспертов методом полуструктурированного интервью и 50 экспертов прошли анкетный опрос на базе Алтайского государственного университета. Последние 50 экспертов обучались по программе дополнительной профессиональной переподготовки в центре повышения квалификации факультета социологии Алтайского государственного университета. Территориальная расположенность экспертов выглядит следующим образом: г. Барнаул, г. Новоалтайск, Тюменцевский район, Егорьевский район и другие районы и города Алтайского края.

Большая часть экспертов (55%) осведомлена о такой технологии как сопровождаемое проживание, специалисты учреждений социального обслуживания и некоммерческих организаций приводили примеры реализации сопровождаемого проживания в разных регионах и городах страны, а именно: опыт г. Пскова, г. Омска, г. Казани, г. Красноярска, Московской области. Другая часть экспертов, составляющая чуть меньше половины респондентов (45%), не знает о данной технологии. На вопрос «Слышали Вы ранее о сопровождаемом проживании?» отвечали отрицательно: «Нет» (ГУ2204); «Я в первый раз об этом слышу, что где-то это есть» (ОО2201); либо отвечали вопросом: «Сопровождаемое проживание? Что вы имеете в виду?» (ГУ2203). Для продолжения интервью экспертам давалось разъяснение понятия «сопровожаемое проживание».

В процессе обсуждения необходимости внедрения технологии сопровождаемого проживания в Алтайском крае все эксперты выразили мнение о значимости её внедрения и реализации.

На вопрос «Как Вы считаете, возможна ли реализация сопровождаемого проживания на базе Вашего учреждения?» мнение экспертов разделилось следующим образом: «да» ответили 40% экспертов; «нет» так же ответили 40%; 20% затруднились ответить. Данное распределение мнений, прежде всего, связано с возможностями и ограничениями учреждений для внедрения сопровождаемого проживания.

Рассмотрим подробнее, какие ресурсы и проблемы указали эксперты. Специалистами были выделены следующие ресурсы, имеющиеся в их организациях социального обслуживания и НКО для внедрения сопровождаемого проживания. Прежде всего, эксперты отметили «наличие базы людей с инвалидностью, нуждающихся в сопровождаемом проживании» (40%). Далее респонденты выделили «наличие квалифицированных специалистов, имеющих опыт работы с людьми с инвалидностью» (30%). 20% экспертов отметили «наличие специального помещения для организации сопровождаемого проживания» (20%): «У нас есть практически всё, то есть у нас есть и помещения, у нас есть кровати, подушки и одеяла и всякое такое, у нас есть команда очень мощных специалистов» (ГУ2202). Часть экспертов ответила, что таковых ресурсов в их учреждениях нет (10%).

Также экспертам необходимо было выделить проблемы, препятствующие реализации сопровождаемого проживания на базе их учреждений. Были получены следующие результаты: «недостаток финансовых средств» (34%), «отсутствие специального помещения» (22%), незаинтересованность

людей с инвалидностью и их законных представителей в сопровождаемом проживании (22%).

Экспертам, прошедшим обучение по программе дополнительной профессиональной переподготовки «Социальная работа» в Алтайском государственном университете, было предложено выделить проблемы, которые препятствуют реализации сопровождаемого проживания в целом в Алтайском крае. В качестве основных проблем были выделены: «недостаток ресурсного обеспечения (материальных, технических ресурсов и т.д.) для внедрения сопровождаемого проживания» (30%); «недостаток подготовленных специалистов для работы с лицами с инвалидностью» (22%); «непроработанность российского законодательства в области сопровождаемого проживания» (18%); «малая информированность семей и самих инвалидов о сопровождаемом проживании» (18%).

В ходе интервью, оценивая препятствия для реализации сопровождаемого проживания в регионе, эксперты единогласно выделили недостаток финансовых средств: «У нас финансирование, все проблемы только в этом, потому что это очень дорого будет» (ОО2201). Эксперты также отметили в качестве препятствия низкую оплату работы специалистов: «И специалисты, наверное, всё-таки должны получать достойную оплату» (ГУ2201).

Таким образом, основными проблемами для внедрения сопровождаемого проживания в Алтайском крае, по мнению экспертов, являются недостаток финансовых, материальных, технических ресурсов, в т.ч. нехватка помещений для реализации технологии; отсутствие обученных данной технологии специалистов.

В качестве мер, способствующих внедрению сопровождаемого проживания в регионе, эксперты отметили следующие: «ознакомление с опытом других регионов России, в которых успешно реализовано сопровождаемое проживание» (25%), «проведение обучающих семинаров и курсов для специалистов, работающих с инвалидами» (22%), «организация социального партнёрства: объединение усилий государства, частного сектора и некоммерческих организаций в области реализации технологии» (21%), «усовершенствование нормативно-правовой базы федерального и регионального уровня в области сопровождаемого проживания» (17%), «проведение информационной компании среди лиц с инвалидностью и их семей о таком виде проживания» (15%).

Также эксперты предложили провести исследование с целью выявления потребности людей с инвалидностью в реализации данной техноло-

гии: «Надо, знаете, вот в идеале бы выяснить потребность, насколько это нужно нам в Алтайском крае» (ГУ2202); «В любых решениях, вопросах для инвалидов, нужно советоваться с инвалидами» (ОО2201).

В ходе исследования было выявлено, что на базе большинства учреждений социального обслуживания и НКО проходят занятия для людей с инвалидностью по приобретению и повышению навыков самообслуживания (80% экспертов), и соответственно 20% специалистов ответили, что такие занятия не проводятся.

Авторами было проведено анкетирование людей с инвалидностью и их законных представителей, так как именно они являются получателями услуг в рамках сопровождаемого проживания, их отношение к данному виду проживания является важным. В исследовании приняли участие 23 респондента, среди них как люди с инвалидностью (65%), так и их законные представители (35%). Были опрошены люди с разной способностью к самообслуживанию: большую часть респондентов составили лица с частичной способностью к самообслуживанию (56%), с полной (35%) и те, кто не имеет способности к самообслуживанию, (29%). Распределение по полу выглядит следующим образом: женщины (65%), мужчины (35%).

В ходе исследования было выявлено, что большинство респондентов не слышали о сопровождаемом проживании, так ответили 65% респондентов. Напротив, 26% ответили, что слышали о таком виде проживания, 9% – затруднились ответить. Те, кто знают о сопровождаемом проживании, получили информацию преимущественно от друзей (57%) и из СМИ (22%).

На вопрос «Какие трудности, связанные с инвалидностью, для Вас наиболее актуальны?» респонденты выделили следующие: на первом месте – «отсутствие доступной среды» (26%); на втором месте – «проблемы трудоустройства» (21%); на третьем месте – «трудности в самообслуживании» (20%). Среди услуг, необходимых людям с инвалидностью, наиболее популярными оказались: помощь и содействие при обращении в учреждения социального обслуживания, здравоохранения и т.д. (24%); помощь в целом при обустройстве быта (18%). На третьем месте по популярности оказались сразу несколько услуг, набравших одинаковое количество процентов (10%), а именно: «помощь в уборке дома, стирке одежды», «помощь и обучение приготовлению пищи», «помощь в освоении компьютера». Также респонденты предлагали свои варианты ответов: предоставление бесплатных лекарственных препаратов.

Большинство людей с инвалидностью проживают вместе с родителями или родственниками и не планируют жить отдельно, так ответили 57% респондентов. 26% респондентов, напротив, живут в отдельной квартире или доме, а 17% живут с родителями или родственниками, но планируют в будущем жить отдельно.

Многие из инвалидов (74%) считают, что сопровождаемое проживание необходимо внедрить в Алтайском крае; 17% респондентов затруднились ответить; 9% считают, что сопровождаемое проживание не нужно внедрять в регионе. При этом большая часть инвалидов (52%) хотели бы получать услуги в рамках сопровождаемого проживания; 17% респондентов не хотят участвовать в сопровождаемом проживании; соответственно 33% – затруднились ответить.

Как мы видим, большинство инвалидов имеет потребность во внедрении сопровождаемого проживания как инновационной технологии социального обслуживания. Так же следует отметить, что некоторая часть людей с инвалидностью испытывает затруднения при ответе на данные вопросы, что, прежде всего, связано с их малой информированностью о сопровождаемом проживании.

В качестве сложностей реализации сопровождаемого проживания в регионе люди с инвалидностью выделили: «недостаток финансовых средств» (34%); «недостаток специалистов, обученных данной технологии» (28%); «отсутствие специального помещения для организации сопровождаемого проживания» (28%).

Интересны оказались ответы людей с инвалидностью и их законных представителей на вопрос «Чем бы Вы могли помочь в продвижении идей независимой жизни инвалидов, реализации сопровождаемого проживания?» Более половины респондентов выразили готовность принять участие в продвижении идей независимой жизни и во внедрении технологии в регионе. Так, респонденты ответили: «ничем не могу помочь» (41%); «мог бы провести информационную кампанию (популяризировать данный вид проживания, разработать сайт и др.)» (33%); «мог бы поделиться своим опытом ухода» (15%).

В анкетировании экспертов и людей с инвалидностью, их законных представителей были использованы одинаковые вопросы для сравнения отношения к возможностям и трудностям реализации сопровождаемого проживания в регионе.

В ходе анализа и сравнения данных были получены следующие результаты. На вопрос «Кто, по Вашему мнению, должен заниматься организацией сопровождаемого проживания людей с инвалид-

ностью на территории Вашего населённого пункта?» мнение экспертов и людей с инвалидностью разошлось. Эксперты отдали приоритет «социальному партнёрству» (40%); далее – «государственным учреждениям» (30%). Люди с инвалидностью на первое место поставили «государственные учреждения» (41%), на второе место – «социальное партнёрство» (31%).

Во время интервью большинство экспертов также отмечали необходимость внедрения сопровождаемого проживания на государственном уровне: «Это только на государственном уровне... Хорошо бы, если бы этим занималась социальная защита» (ОО2201). Помимо этого, специалисты отмечали необходимость организации межведомственного взаимодействия при реализации сопровождаемого проживания: «Должно быть межведомственное взаимодействие, допустим, если мы занимаемся сопровождаемым проживанием и обучаем инвалидов чему-либо, то и другие организации, например, здравоохранение, должны тоже как бы идти к нам навстречу» (ГУ2201).

В качестве приоритетной формы реализации сопровождаемого проживания в Алтайском крае как эксперты (30%), так и люди с инвалидностью и их законные представители (31%) отметили «совместное проживание нескольких инвалидов в обычном многоквартирном доме». Следующим по популярности ответом среди экспертов оказался вариант «Совместное проживание нескольких инвалидов в общежитии» (30%); среди инвалидов – «одиночное проживание в собственной квартире/доме» (28%). В ходе интервьюирования эксперты выделили такие формы сопровождаемого проживания как: многоквартирные дома для совместного проживания инвалидов – «Это было бы, я считаю, неплохо, давали бы инвалидам квартиры в одном доме» (ОО2201); частный большой многосемейный дом – «Мне кажется, это будет один из лучших вариантов вот такого вот проживания: частный, большой, многосемейный дом, с отдельными комнатами» (ГУ2202); общежития для совместного проживания – «Если даже общежитие, это уже большой плюс, я думаю, многие одинокие пошли бы» (ОО2201).

В этом плане мнение групп оказалось разным. В графе «другое» эксперты отметили проживание инвалидов с их законными представителями; в то время как люди с инвалидностью и их законные представители отдали большее предпочтение следующим вариантам: «проживание инвалидов в отдельных квартирах с проживанием сопровождающего в одной из квартир этого же подъезда», «с семьей (с родителями)», «форма зависит от степени инвалидности, заболевания». Ответы

экспертов и людей с инвалидностью, их законных представителей показывают, что инвалиды в большей степени хотят жить самостоятельно и отдельно как и большинство населения без инвалидности.

Наиболее оптимальным видом сопровождаемого проживания эксперты отметили учебно-тренировочное проживание в дневное время в течение рабочей недели (60%). Ответы людей с инвалидностью распределились неравномерно на нескольких видах сопровождаемого проживания: на первом месте – «обучение конкретным навыкам по мере необходимости» (30%); на втором месте сразу два вида получили одинаковое количество процентов «постоянное сопровождаемое проживание», «учебно-тренировочное проживание в дневное время в течение рабочей недели» (22%). В виде собственного варианта ответа как эксперты, так и инвалиды отметили необходимость каждого из видов сопровождаемого проживания, но при этом каждый из видов должен подбираться индивидуально для каждого человека.

Мнение экспертов и людей с инвалидностью разошлись при ответе на вопрос «Какой уровень сопровождения в рамках сопровождаемого проживания представляется Вам наиболее уместным?». Так, эксперты считают, что сопровождение должно быть регулярным (40%): «Специалист должен быть в течение дня и на ночь их можно оставлять одних» (ГУ2201); а инвалиды считают, что ситуационной поддержки по мере необходимости достаточно (39%). На втором месте среди выбираемых уровней сопровождения как у экспертов (20%), так и у людей с инвалидностью (22%) отмечено периодическое сопровождение (2-3 раза в неделю): «Можно сделать не каждый день, через день или раз в три дня, в зависимости от заболевания» (ГУ2202). В варианте «другое» и эксперты, и люди с инвалидностью отметили, что уровень сопровождения зависит от состояния и индивидуальных особенностей инвалида.

В качестве приоритетного места проживания инвалида в рамках сопровождаемого проживания как большинство лиц с инвалидностью и их законных представителей (65%), так и большинство экспертов (57%) отметили: «по месту проживания в среде обычных людей». В графе «другое» эксперты выделили: по месту проживания, но в специально оборудованных квартирах. Люди с инвалидностью в собственных вариантах ответа предложили: «проживание в специально оборудованных квартирах, с оборудованными подъездами и окружающей территорией для максимальной доступной среды», «в среде обычных людей». Таким образом, данные ответы свидетельствуют о

разделении как экспертами, так и получателями услуг идеологии сопровождаемого проживания, а именно: сохранение пребывания инвалида в привычной, благоприятной для него среде. При внедрении сопровождаемого проживания в Алтайском крае наиболее оптимальным вариантом оказания услуг в рамках сопровождаемого проживания было выбрано проживание инвалида в среде обычных людей.

В качестве основного состава специалистов, задействованных в реализации сопровождаемого проживания, эксперты отметили: «специалисты по социальной работе» (29%); «социальные работники» (15%); остальные варианты ответов оказались в равных позициях, это: «медицинские работники», «психологи», «педагоги, воспитатели» (14%) (при ответе на вопрос была возможность множественного выбора вариантов ответа). У людей с инвалидностью и их законных представителей в тройке приоритетных специалистов оказались: «специалисты по социальной работе» – (29%), «социальные работники» – (17%) и «волонтеры» – (16%). В качестве своего варианта ответа инвалиды и их семьи указали, что необходима помощь, по ситуации, всех перечисленных специалистов.

Отметим, что подавляющее большинство респондентов считает, что сопровождение должна оказывать команда специалистов разных профессий, это должен быть штат сотрудников: «Да, разные должны быть специалисты, ни один это человек, конечно, это штат, и медик там должен быть, и психолог, и специалист по социальной работе, конечно» (ГУ2201). Также важная роль в реализации сопровождаемого проживания была отдана волонтерам: «Вы знаете, я думаю, должны быть просто равнодушные люди, если ни чему не обучать, а просто сопровождать, это должны быть какие-то люди, которые просто не равнодушные и они могут быть просто волонтерами, которые могут взять на себя функцию опеки в кавычках за человеком» (ГУ2202).

Эксперты единогласно отметили, что специалистам, реализующим технологию сопровождаемого проживания, необходимо пройти обучение. В качестве приоритетных форм обучения специалисты отметили: «обучение на базе учреждений, которые имеют успешный опыт реализации сопровождаемого проживания» (40%); «организация обучения на базе учреждений Алтайского края (в т.ч. с привлечением специалистов из других регионов)» (30%); «дистанционное обучение» (20%); «регулярное участие в конференциях, форумах по вопросам сопровождаемого проживания» (10%).

Основываясь на полученных результатах, выделенных сложностях и возможностях внедрения сопровождаемого проживания людей с инвалидностью как инновационной технологии социального обслуживания, нами были разработаны следующие рекомендации, позволяющие приблизить внедрение сопровождаемого проживания в Алтайском крае:

- продолжение и проведение полномасштабного исследования с большим охватом как специалистов, так и людей с инвалидностью, их законных представителей с целью выявления потребности в сопровождаемом проживании (конкретных услугах, видах и формах), ресурсов и сложностей реализации данной стационароразмещающей технологии;

- совершенствование и внедрение нормативных правовых документов на уровне региона для реализации сопровождаемого проживания, разработка целевых программ в данной сфере;

- проведение просветительской кампании среди инвалидов и их законных представителей с целью информирования их о технологии сопровождаемого проживания;

- привлечение людей с инвалидностью и их законных представителей к внедрению и реализации сопровождаемого проживания, а именно: к проведению информационной кампании (популяризация сопровождаемого проживания, разработка информационных интернет-ресурсов и т.д.);

- создание специальных условий для внедрения сопровождаемого проживания: материально-техническое, методическое, кадровое обеспечение;

- организация системы обучения и подготовки специалистов для реализации сопровождаемого проживания.

Список литературы

1. Конвенция о правах инвалидов: принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения – 01.09.2018).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения – 01.09.2018).
3. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании: закон Рос. Федерации от 2 июля 1992 г. №3185-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения – 01.09.2018).
4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2013 г. №442-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения – 01.09.2018).
5. Об утверждении методических рекомендаций по организации различных технологий сопровождаемого проживания инвалидов, в том числе такой технологии, как сопровождаемое совместное проживание малых групп инвалидов в отдельных жилых помещениях: приказ Минтруда России № 847 от 14 декабря 2017 г. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/1278> (дата обращения – 01.09.2018).
6. Ванье Ж. Каждый человек – священная история. М. 2009. 260 с.
7. Доминелли Л. Гендерно нейтрально? Женский опыт инвалидности // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 1.
8. Жизнь с достоинством (сопровожаемое проживание) /Под ред. А.М. Царёва. Практическое пособие. М. 2017. 272 с.
9. Помощь людям с инвалидностью в организации самостоятельной жизни (Сопровожаемое проживание): Информационно-методический сборник. М. 2017. 200 с.
10. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов. 2006. 260 с.
11. Сиротина Т.В. Нормативное правовое регулирование сопровождаемого проживания лиц с инвалидностью в Российской Федерации // Социология в современном

References

1. Convention on the Rights of Persons with Disabilities: adopted by the General Assembly on 13 December, 2006 by resolution A/RES/61/106. URL: <https://www.un.org/development/desa/disabilities/convention-on-the-rights-of-persons-with-disabilities.html>
2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii: chast pervaya ot 30 November, 1994 # 51-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. O psikhiatricheskoy pomoshchi i garantyakh prav grazhdan pri yeyo okazanii: Federal'nyi Zakon Rossiiskoi Federatsii #3185-1, 02 July, 1992. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169787/
4. Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi Zakon Rossiiskoi Federatsii #442. 28 December, 2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/
5. Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsii po organizatsii razlichnykh tekhnologii soprovozhdanogo prozhivaniya invalidov, v tom chisle takoi tekhnologii, kak soprovozhdanoe sovmestnoe prozhivanie mal'kh grupp invalidov v otdelnykh zhilykh pomeshcheniyah: Prikaz Mintruda Rossii #847, 14 December, 2017. – URL: <https://rosmintrud.ru/docs/1278>
6. Vanier J. Kazhdyi chelovek – svyashchennaya istoriya. Moskva. 2009. 260 s.
7. Dominelli, L. Genderno neutralno? Zhenskii opyt invalidnosti // The Journal of Social Policy Studies. 2004. T. 2. # 1.
8. Zhizn s dostoinstvom (soprovozhdanoe prozhivanie) / Pod red. A.M. Tzareva. Prakticheskoe posobie. – Moskva. 2017. 272 p.
9. Pomoshch lyudyam s invalidnostyu v organizatsii samostoyatelnoi zhizni (Soprovozhdanoe prozhivanie): Informatzionno-metodicheskii sbornik. Moskva. 2017. 200 p.
10. Romanov, P.V. & Iarskaya-Smirnova, E.R. Politika invalidnosti: sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoi Rossii. Saratov. 2006. 260 p.
11. Sirotnina T.V. Normativnoe pravovoe regulirovanie Normativnoe pravovoe soprovozhdanogo prozhivaniya litz s invalidnostyu v Rossiiskoi Federatsii // Sotziologiya v sovremennom mire: sbornik statei. – Vyp. 10 / pod red. O.N. Kolesnikovoi, E.A. Popova. Barnaul. 2018. 312 p.

мире: сборник статей. – Вып. 10 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2018. 312 с.

12. *Сиротина Т.В., Хакимова М.П.* Забота о людях с ментальными нарушениями в психоневрологическом интернате: исторический контекст // *Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие: сборник трудов* / под ред. В.Н. Ярской. Саратов, 2016. 423 с.

13. Стационарные учреждения Алтайского края: министерство труда и социальной защиты населения Алтайского края. URL: <http://www.aksp.ru/otrasl/stacionar/> (дата обращения – 30.08.2018).

14. Формы сопровождаемого проживания во Владимирской области: юридические аспекты и опыт работы ВООО АРДИ «СВЕТ» по внедрению и развитию сопровождаемого проживания / Кац Л.И., Сторожук О.Г., Кац Ю.М. Владимир, 2015. 204 с.

15. *Zaviršek, D.* Pictures and Silences: memories of sexual abuse of disabled people // *International Journal of Social Welfare*. 2002. Vol. 11 (4). #4.

12. *Sirotnina T.V., Khakimova M.P.* Zabota o lyudy ah s mentalnymi narusheniyami v psihonevrologicheskom internate: istoricheskii kontekst: sbornik trudov // *Kaleidoskop vremeni: uskorenie, inversiya, nelineinost, mnogoobrazie/ pod red. V.N. Yarskaya*. Saratov. 2016. 423 p.

13. Statzionarnye uchrezhdeniya Altaiskogo kraja: ministerstvo truda i sotzialnoi zashchity naseleniya Altaiskogo kraja. URL: <http://www.aksp.ru/otrasl/stacionar/>

14. Formy soprovozhdaemogo prozhivaniya vo Vladimirskei oblasti: yuridicheskie aspekty i opyt raboty VOOO ARDI “SVET” po vnedreniyu i razvitiyu soprovozhdaemogo prozhivaniya / Katz L.I., Storozhuk O.G., Katz J.M. Vladimir. 2015. 204 p.

15. *Zaviršek, D.* Pictures and Silences: memories of sexual abuse of disabled people // *International Journal of Social Welfare*. 2002. Vol. 11 (4). #4.

Реализация муниципальной социальной политики: роль научных исследований (по результатам исследования в городе Барнауле Алтайского края)

Municipal Social Policy Realization: the Role of Scientific Research (by the Results of the Study in Barnaul, Altai Kray)

Получено 18.10.2018

Одобрено 30.10.2018

Опубликовано 30.11.2018

УДК: 316.42

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10045

АНТОНОВИЧ ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Алтайского государственного университета
Email: kluchidima@yandex.ru

ANTONOVICH, I.V.

PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Social Work, Altai State University
Email: kluchidima@yandex.ru

ВЕЛИКЖАНИНА КРИСТИНА АНДРЕЕВНА

старший преподаватель кафедры социальной работы Алтайского государственного университета
Email: velikzhanina_kri@mail.ru

VELIKZHANINA, K.A.

Senior Lecturer of the Chair of Social Work, Altai State University
Email: velikzhanina_kri@mail.ru

КОЛЕСНИКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Алтайского государственного университета
Email: kolesnikova@socio.asu.ru

KOLESNIKOVA, O.N.

PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Social Work, Altai State University
Email: kolesnikova@socio.asu.ru

ЧУДОВА СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Алтайского государственного университета
Email: chudovasg@socio.asu.ru

CHUDOVA, S.G.

PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Social Work, Altai State University
Email: chudovasg@socio.asu.ru

Аннотация

Объект исследования. Муниципальная социальная политика.

Предмет исследования. Роль научных исследований при реализации муниципальной социальной политики.

Цель исследования. Определение роли научных исследований в реализации социальной политики на муниципальном уровне.

Основные положения статьи. В статье рассмотрены основные теоретико-методологические и философские подходы к интеграции науки в осуществление социальной политики на уровне муниципальной власти. Дано обоснование эффективности использования научного потенциала при проведении социальной политики на местном уровне. Привлечение научных достижений и инновационных разработок при решении социальных проблем города Барнаула рассматриваются через реализацию в данном муниципалитете грантового механизма взаимодействия. В виду этого, особым вкладом авторов в работу является анализ законодательства в области предоставления грантовой поддержки научно-исследовательским проектам, мониторинг эффективности реализации конкурса, а также соотнесение результатов грантового конкурса с направлениями социальной политики на городском уровне (по результатам мониторинга реализации грантовых форм поддержки в городе в период с 2014 по 2017 года). В результате исследования были определены основные проблемные зоны, затрудняющие использование потенциала науки в реализации социальной политики города, а именно: отсутствие крепкой и разветвленной сети грантовых конкурсов в данной области, «замороженный» объем финансирования конкурса и слабо выраженная дифференциация по степени научного опыта работы среди претендентов на грант. По итогам исследования определено место и роль научных исследований при реализации деятельности органов местного самоуправления в городе Барнауле в целях осуществления социальной политики, а также разработаны рекомендации по улучшению данной деятельности для управленческого аппарата.

Abstract

The Object of the Study. Municipal social policy.

The Subject of the Study. The role of scientific research in realizing municipal social policy.

The Purpose of the Study. Identifying the role of scientific research in realizing social policy at the municipal level.

The Main Provisions of the Article. The main theoretic methodological and philosophy approaches to the science integration to the social policy realization are analyzed. There is the substantiation of the efficiency of the scientific potential use in the social policy implementation at the local level. Scientific achievements and innovations involvement in solving social problems of the city of Barnaul are considered through the implementation of the grant mechanism of interaction in the municipality. A special contribution of the authors is the analysis of legislation in the field of grant support for research projects, monitoring the efficiency of the competition, as well as the correlation of the results of the grant competition with the directions of social policy at the city level (based on the results of monitoring the implementation of grant forms of support in the city in the period from 2014 to 2017). The main problems have been identified that make it difficult to use the potential of science in the implementation of social policy of the city, namely the lack of strong and extensive network of grant competitions in this area, the "frozen" amount of funding for the competition and weak differentiation in the degree of scientific experience among applicants for the grant. According to the study results the place and role of scientific research in the implementation of the activities of local governments in the city of Barnaul in order to implement social policy have been defined, as well as recommendations to improve this activity for the city management developed.

Ключевые слова: социальная политика, муниципалитет, научные исследования, грантовая поддержка, наука, социальный эффект, молодые ученые.

Keywords: social policy; municipality; scientific research; grant support; science; social effect; young scientists.

Введение

Местное самоуправление в России является одной из основ конституционного строя, основополагающим принципом организации власти, который, наряду с принципом разделения властей, определяет систему управления. Важность данного вопроса определена тем, что повседневная жизнь граждан в большей степени зависит от социально-экономической политики на уровне региона и муниципалитета. Особенности социальной политики российских городов на современном этапе определены следующими обстоятельствами: быстрое изменение её характера при сокращении финансовых инвестиций от государства; неравномерностью экономического развития и его перспектив у различных российских городов; невысоким уровнем благосостояния населения; а также тем, что рыночные преобразования происходят на фоне процессов глобализации и информатизации, превращая города в самостоятельные единицы хозяйства.

В начале текущего столетия переход к инновационному развитию стал рассматриваться как стратегический путь для социально-экономических преобразований в России, в том числе, и на муниципальном уровне. Главные ресурсы в таком переходе – интеллектуальный потенциал нации, фундаментальная наука, технологии и инновации, в основе которых лежат новейшие знания о природе, человеке и обществе [Миндели Л.Э., Черных С.И., 2012, 9, с. 42].

Наука в данном контексте рассматривается с двух сторон: 1) как познавательная когнитивная деятельность или как поиск новых знаний о природе и обществе путём применения некоторого набора научных методов; 2) как составной элемент мировой экономики, когда наука «зарабатывает» деньги исходя из потребностей рынка, и встраивается в экономическую структуру. В современном обществе высокий уровень развития науки, техники и технологий становится источником богатства и благосостояния. Современные ведущие экономисты сходятся во мнении, что «результаты научных исследований убедительно доказали, а мировая практика эти доказательства подтверждает, что наиболее надёжным источником социально-экономического и всеобщего общественного развития есть и остаётся науч-

но-технический прогресс и инновационное использование его ресурсов» [Татаркин А.И., 2010, 13, с. 68]. Целью научно-технического прогресса является повышение социально-экономической эффективности производства, увеличение национального дохода, повышение уровня благосостояния народа, усиление творческого характера труда и так далее [Корабейников И.Н., 2013, 7, с. 47]. Для обеспечения единообразного подхода к научной деятельности различных сфер общественной жизни был выработан термин «единая государственная политика в области науки», который законодательно был закреплён в Конституции Российской Федерации от 25 декабря 1993 года. Согласно данному нормативно-правовому акту Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии. В настоящее время законодательство о науке и государственной научно-технической политике состоит из Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», нормативно-правовых актов, принимаемых в соответствии с ним, а также нормативно-правовых документов субъектов Российской Федерации, касающихся науки и научной деятельности.

Основными целями государственной научно-технической политики являются развитие, рациональное размещение и эффективное использование научно-технического потенциала, увеличение вклада науки и техники в развитие экономики государства, реализация важнейших социальных задач, улучшение экологической обстановки и защиты информационных ресурсов государства, интеграции науки и образования [О науке и научно-технической политике, 2012, 2].

В 2014 году правительством Российской Федерации был сформулирован перечень задач, для решений которых необходимо задействовать потенциал научно-исследовательского сегмента. Данный перечень соответствует приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 07 июля 2011 года № 899. Из 16 приоритетных задач в этом перечне две косвенно соотносятся с направлениями деятельности со-

циальной политики государства [Великжанина К.А., 2016, 4, с. 1112]:

- в области здравоохранения – персонализированная медицина социально значимых и орфаных заболеваний эндокринной системы;

- в области охраны экологии – разработка технологий интегральной оценки экологической безопасности регионов и городов России.

Все этого позволяет говорить о системе взаимодополняющих отношений между наукой и социальной политикой в стране. Те цели и направления социально-экономического развития страны, которые преследует социальная политика на разных уровнях реализации, невозможно достичь без привлечения или без оглядки на научные достижения и инновационные процессы в общественной жизни. Наука (научные исследования) с этой точки зрения, позволяет «активизировать» те стороны общественной жизни, которые либо малоизучены, либо не попадают в «поле зрения» управленческого аппарата, но являются важными звеньями в росте уровня благосостояния всего населения страны.

Во всех индустриальных обществах, в том числе в период глобализации мировой экономики, управленческий аппарат государства делает упор на инновационные процессы в сфере производства, науки и техники. Это обеспечивает прогрессивное и интенсивное развитие подведомственной территории, а также способствует росту благосостояния граждан и укрепления государственных позиций на мировом поприще. В стратегии государственного развития, как и в стратегическом планировании, выделяются только те направления и виды научных исследований и технологических разработок, которые имеют первостепенное общегосударственное социально-экономическое и оборонное значение. Считается, что именно они образуют некий набор суперприоритетов, на развитие которых должны направляться основные усилия и финансовые средства [Волковецкий Д.С., 5].

В виду этого, роль науки как суперприоритета в развитии государства базируется на нескольких основных теоретико-методологических и философских подходах. С точки зрения теории общественно-исторических формаций К. Маркса, наука в её технологическом, производительном ключе выступает основной производительной силой, так как является одним из катализаторов повышения мировой экономики, и в частности, рыночных отношений. Квинтэссенцией других парадигм, играющих методологическую роль в социально-философском анализе и прогнозировании научного и технического прогресса, является цивилизацион-

ная парадигма в различных её вариантах: это концептуальные модели цивилизационного развития человечества Н.Я. Данилевского – О. Шпенглера – П.А. Сорокина – А. Дж. Тойнби, триадные модели типа триады «доиндустриальное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество» Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, А. Тоффлера или триады Ю.М. Осипова – В.Л. Иноземцева: «доэкономическое общество – экономическое общество – постэкономическое общество» [Волковецкий Д.С., 5; Сорокин П., 1992, 11, с. 433; Сорокин П., 2000, 12, с. 433; Bell D., 1973, 14; Galbraith J. K., 1967, 15; Toffler A., 1981, 16; Toynbee A., 1947, 17; Spengler O., 2007, 18].

В рамках стадийных концепций развития цивилизаций научно-технический прогресс, правильные приоритеты в технологиях, скорость технологического продвижения на пути к информационному обществу, по мнению некоторых ученых, есть основа для разрешения проблем современной модернизации российского государства. Только через связь между наукой, государством, обществом можно преодолеть определённые трудности инновационного процесса развития экономики, социальной сферы, сферы здравоохранения, сохранности численного контингента в городской местности и сельской среде [Ивашевский С.Л., 2012, 6, с. 110].

Исходя из этого, на всех уровнях государственной власти реализуется грантовая политика, призванная не только эффективно решать существующие проблемы территории, но и определять "точки роста" в планировании векторов социальной политики. Государственные и муниципальные гранты представляют собой выделенные соответственно из государственного и местного бюджета денежные средства, которые безвозмездно передаются неправительственным некоммерческим организациям для реализации разработанных ими социальных программ [Кумаритова А.А., 2008, 8, с. 89].

В соответствии с Федеральным Законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 13.07.2015 №270-ФЗ предоставление государственных и муниципальных грантов на территории страны реализуется через упорядочивание деятельности государственных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности за счёт средств федерального бюджета [О внесении изменений, 2015, 1].

На наш взгляд, при проведении грантовой политики государства во главу угла необходимо ставить именно муниципальный уровень власти, в виду того, что местное сообщество очень остро

ощущает изменения и реагирует на все существующие и возникающие социальные проблемы территории. Отсюда главным элементом развития внутреннего потенциала муниципалитета является научная сфера деятельности, в виду того, что без науки не может состояться экономика, соответствующая идеям постиндустриального общества, где ценность общества – именно знание, которое способствует улучшению социально-экономического, культурно-духовного и нравственного положения граждан.

Исходя из этого, взаимосвязь социальной политики местного самоуправления и научной деятельности наиболее удачно прослеживается через то, в какой мере общество опирается на социогуманитарную науку, ведь главная прикладная функция социальной науки – оптимизация механизма управления социумом. Без присутствия научной деятельности в развитии муниципалитета ослабевает не только способность населения к принятию инноваций (в любой сфере общественной жизни), но и снижается возможность формирования грамотного административного слоя округа, уменьшается способность региона, а вместе с тем и города, к разработке и реализации целевых программ, а также снижается эффективность использования экономической помощи от государства и иных инвесторов.

В виду этого, нам представляется важным прояснить существующее положение научной сферы в реализации социальной политики, а также её роли в развитии благосостояния муниципалитета. Наиболее эффективно рассматривать научную жизнь города, как уже отмечалось выше, через систему реализации конкурсных технологий как открытого и прозрачного способа продвижения идей в интересах большого количества людей.

Результаты исследования «Место науки в реализации социальной политики органами местного самоуправления (на примере города Барнаула)»

В 2017 году нами было проведено исследование, цель которого определить место и роль научных исследований в реализации социальной политики органами местного самоуправления города Барнаула. Исследование проводилось на основе анализа и систематизации статистических данных, предоставленных Администрацией города, в период с 2014 по 2017 года, а также мониторинга нормативно-правового законодательства данной области.

Эффективность грантовой поддержки научных исследований в различных направлениях социальной политики в Барнауле было оценено

нами с трёх значимых позиций: нормативно-правовое регулирование, объём финансирования и востребованности у граждан данного конкурса, а также научный и социальный эффект результатов внедрения научных разработок.

Анализируя законодательную базу в части конкурсной поддержки научной сферы, авторами был выявлен примечательный факт: нормативно-правовое регулирование данной области очень скудно. Так, при городской поддержке реализуется только один грантовый конкурс, имеющий в своём направлении научный уклон – Постановление Администрации города Барнаула от 26 июля 2011 № 2219 «О конкурсе на соискание грантов Администрации города в области науки для молодёжи (до 30 лет)». Гранты администрации города, согласно данному Постановлению, присуждаются ежегодно на конкурсной основе. В качестве проектов общегородского значения в области науки для молодёжи признаются проекты, содействующие развитию научного потенциала молодёжи города Барнаула: созданию, сохранению и распространению лучших достижений в области науки в городе. Финансирование Конкурса осуществляется за счёт средств бюджета города в пределах утвержденных ассигнований на текущий год и является расходным обязательством городского округа – города Барнаула Алтайского края.

Присуждение грантов проводится по трём направлениям, которые соотносятся с траекториями социальной политики, реализуемой в городе:

1. «Общегуманитарное и социально-экономическое направление». Проекты в сфере экономики, социологии, демографии и других социогуманитарных наук, направленные на решение актуальных вопросов, модернизацию и внедрение новых технологий в области образования, культуры, спорта и других значимых сферах деятельности на территории г. Барнаула;

2. «Техническое направление». Проекты в сфере физико-математических, химических, географических наук, направленные на решение актуальных вопросов, модернизацию и внедрение новых технологий в области промышленности, строительства, энергетики, жилищно-коммунального хозяйства, IT-инфраструктуры на территории г. Барнаула;

3. «Здоровье и экология». Проекты в сфере медицинских, биологических наук, направленные на решение актуальных вопросов, модернизацию и внедрение новых технологий в области здравоохранения, экологии, биоинженерии на территории города [О конкурсе на соискание грантов Администрации города в области науки для молодёжи (до 30 лет), 2011, 3].

Безусловно, осуществление грантовой поддержки науки только через один городской конкурс не может в полной мере обеспечить должный уровень реализации того потенциала, которые есть у научных исследований, инноваций и модернизаций. Отсутствие мощной и единой системы муниципальной поддержки, которая, как вариант, могла бы предоставлять гранты для каждого из направлений социальной политики отдельно и/или расширить рамки возрастного ценза исследователя, чревато не только превалированием проектов в одной конкретной области над другой, но и локальной «утечкой мозгов», другими словами, когда учёный достигнет планки молодого возраста, на который нацелен рассматриваемый конкурс, то он не сможет дальше принимать участия в росте и развитии научной составляющей города. С этой точки зрения, деятельность органов местного самоуправления города Барнаула может быть оценена, как неудовлетворительная, не в полном объёме ориентированная на использование для развития города науки.

Мониторинг статистических данных по второй позиции, выделенной авторами в части объёмов финансирования, а также востребованности грантовой формы у граждан, в абсолютных цифрах показал следующее: до 2017 года было подготовлено более 150 научных проектов, их них 32 разработки получили муниципальную поддержку на общую сумму 3420 тысяч рублей [Молодёжные проекты, получившие грантовую поддержку города, успешно реализуются в Барнауле, 10]. Уровень востребованности данной формы поддержки оценивался исходя из количества учёных, заявившихся на участие в конкурсе с 2014 по 2017 годы. Так, количество поданных заявок на участие в гранте в этот период незначительно, но росло: если в 2014 году претендующих на победу в конкурсе было 16 человек, то в 2017 году на одного претендента стало больше. Несмотря на то, что рост поданных заявок не очень большой, востребованность данного конкурса оставалась на стабильно высоком уровне – примерно 15-16 заявок ежегодно. Такое положение дел говорит о заинтересованности молодого поколения в продвижении науки, в реализации своих компетенций, как учёных, и готовности участвовать в развитии города.

Вместе с тем, при более детальном анализе организации и реализации грантового конкурса, можно выделить ряд отрицательных моментов, в некотором роде тормозящих развитие данного направления поддержки в городе. Одним из наиболее значимых и ключевых моментов, на наш взгляд, является материальная составляющая

деятельности. Так, в области финансирования конкурса на соискание грантов администрации города Барнаула в области науки для молодёжи прослеживается тенденция стабильности ассигнования: начиная с 2014 и на сегодняшний период, бюджет составляет 500 тысяч рублей. Такая тенденция не является благоприятной для развития научной жизни города, в виду того, что отборочная комиссия вынуждена или снижать количество победителей, или сокращать объём финансирования одного проекта. Последствием такого подхода к распределению ресурсов, с одной стороны, может быть снижение качества предлагаемых научных идей, полноты их реализации или в самом худшем варианте развития событий - отказ от реализации проекта.

Второй отрицательный момент при реализации грантовой поддержки науки связан со снижением числа заявок-победителей. Безусловно, мы не можем говорить однозначно о том, что малое количество победителей конкурса негативно сказывается на востребованности участия молодых учёных в грантовом конкурсе. Такая тенденция может свидетельствовать и о повышении качества научных идей, то есть комиссия отбирает наиболее актуальные для города проекты и способствует их реализации в целях повышения уровня жизни граждан муниципалитета. С другой стороны – жёсткая конкуренция среди претендентов на грант может вытеснить с рынка те научные проекты молодых людей, которые впервые решили принять участие в конкурсе и не имеющих достаточного опыта в их реализации. Такое положение вещей чревато потерей интереса у начинающих учёных попробовать свои силы и закрепит монополию «матёрых» молодых учёных на грантовую поддержку. Отсюда может вытекать и подспудная проблема – стагнация новизны научных идей, другими словами, отсутствие «новой научной крови» застопорит те важные социальные функции науки (выявление и прогнозирование социальных проблем общества) и не позволит муниципальной власти вовремя прореагировать на сложившиеся обстоятельства.

Касательно распределения грантовой поддержки науки в городе Барнауле мы можем увидеть первый вариант развития событий, когда отборочные комиссии вынуждены снижать количество победителей конкурса. Так, если в 2014 году было поддержано 5 научных проектов, то в 2017 году количество победителей резко сократилось до двух человек. Для минимизации последствий такого подхода к определению числа победителей, на наш взгляд, было бы целесообразней ввести в положение конкурса отдельные виды

квот для учёных, представляющих свои разработки на конкурс впервые или установить верхние пределы объёма финансирования каждого научного проекта. Такая модернизация грантового конкурса не только бы увеличила количество молодых учёных, желающих усовершенствовать деятельность по социальной политике города, но и решило бы вопрос с расширением нормативно-правовой базы поддержки, делая её более стабильной.

Вместе с тем, анализ статистических данных по третьему основанию эффективности грантовой политики города Барнаула показал, что снижение числа заявок-победителей, в первую очередь, происходит в целях повышения социального и научного эффекта от проекта для инфраструктуры муниципалитета. Так, суммарно за последние четыре года реализации данного конкурса лучшие научные проекты, получившие грантовую поддержку муниципалитета, в дальнейшем были признаны и на различных конкурсах федерального уровня. Например, в рамках реализации научного проекта «Мобильный робот-труболаз для диагностики трубопроводов» (стал победителем в 2014 году, сумма финансирования по гранту составила 57000 рублей) разработан компактный мобильный робот, производящий видеосъёмку, которая транслируется на монитор персонального компьютера, управляемого роботом. В случае аварийной ситуации полученные данные позволяют локализовать проблемный участок и обеспечить оперативное решение проблемы. Данный проект также занял второе место на Всероссийском молодежном робототехническом фестивале «РобоФест», стал обладателем бронзовой медали VIII Саратовского салона изобретений, инноваций и инвестиций. Помимо этого, на эту разработку было получено три патента, и в настоящее время научная разработка модернизируется.

В 2016 году одним из победителей стал научный проект «Электронный поводирь», на разработку и реализацию которого администрацией города Барнаула было выделено 100000 рублей. Сущность этого проекта заключается в создании компактного гаджета, размещаемого на руке слабовидящего человека, и помогающего ему передвигаться и активно интегрироваться в инфраструктуру города. В этом же году научная разработка была признана лучшей на Всероссийском конкурсе проектов в области социального предпринимательства «Лучший социальный проект 2016 года». Дальнейшая его модернизация на сегодняшний день осуществляется на базе студии инновационных робототехнических решений ООО «Интеркот» [Молодёжные проекты, полу-

чившие грантовую поддержку города, успешно реализуются в Барнауле, 10].

Суммируя вышеизложенное, можно утверждать, что грантовая политика города Барнаула в отношении развития и продвижения науки находится на удовлетворительном уровне, несмотря на отдельные проблемы, которые в этой области прослеживаются. Роль научных исследований и разработок в оценке эффективности социальной политики на муниципальном уровне, безусловно, ведущая, носит прикладной характер. Как показывает практика, научные проекты, разрабатываемые на местном уровне, не только соотносятся с направлениями социальной политики города, но и стремятся улучшить социально-экономическое, жилищно-коммунальное состояние, сферу социальной защиты населения в масштабах целой страны. Вместе с тем возникает вопрос, касательно использования ресурсов науки в рамках одной из её главных целей – прогнозирование. Органы местного самоуправления в большей степени ориентированы на те проекты, которые смогут решить существующие проблемы, но при таком одностороннем подходе рискуют упустить возможность предупредить социальные болезни.

Вместе с тем, грантовая поддержка государственных органов местного самоуправления города Барнаула носит целевой характер. Восребованность данной формы взаимодействия органов власти и граждан с каждым годом остается на стабильно высоком уровне, расширяется тематика научных проектов. Несмотря на то, что деятельность в области грантовой политики муниципалитета закреплена на нормативно-правовом уровне, что обеспечивает её стабильность, эффективность и способствует чёткому целеполаганию при формировании стратегии развития муниципалитета на долгосрочную перспективу, отсутствие разветвлённой системы поддержки, где научные исследования и разработки в различных отраслях социальной политики города смогли бы найти своё практическое применение, делает существующую грантовую систему слабо продуманной и поверхностной.

В целом, существующая поддержка научных исследований и проектов в городе Барнауле способствует оказанию своевременной поддержки социально незащищённым гражданам, мониторингу социально-экономической, политической, культурной обстановки в субъекте Российской Федерации, и исходя из этого, повышению качества жизни населения, как приоритетной задачи социальной политики страны. Вместе с тем, учёт выявленных проблемных точек, в частности, увеличение бюджета конкурса, введение новых

номинаций для молодых учёных, впервые участвующих в грантовой деятельности, не только бы повысил интерес среди граждан к науке, но

позволил бы увеличить социальный научный эффект во всех направлениях социальной политики города.

Список литературы

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»: федер. закон Рос. Федерации от 13 июля 2015 №270-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117193/ (дата обращения – 01.09.2018).
2. О науке и научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 №127-ФЗ. – URL: <https://fzrf.su/zakon/o-nauke-i-nauchno-tekhnicheskoy-politike-127-fz/> (дата обращения – 01.09.2018).
3. О конкурсе на соискание грантов Администрации города в области науки для молодежи (до 30 лет): постановление Администрации г. Барнаула от 26 июля 2011 №2219. URL: <http://docs.cntd.ru/document/438946673> (дата обращения – 01.09.2018).
4. Великжанина К.А. К вопросу об интеграции науки и социальной политики в Российской Федерации на муниципальном уровне // Политика и общество. 2016. №8(140).
5. Волковецкий Д.С. О философских основаниях научной политики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-filosofskih-osnovaniyah-nauchnoy-politiki> (дата обращения – 01.09.2018).
6. Иващевский С.Л. Цели и средства развития российской науки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №1-3.
7. Корабейников И.Н., Ермакова Ж.А., Синюков А.А. Управление научно-техническим развитием регионального промышленного комплекса на основе кластерного подхода // Вестник УЮрФУ. Серия экономика и управление. 2013. №2.
8. Кумаритова А.А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2008. №7.
9. Миндели Л.Э., Черных С.И. Российская наука: реальность и перспектива // Журнал «Инновации». 2012. №12(176).
10. Молодежные проекты, получившие грантовую поддержку города, успешно реализуются в Барнауле. URL: <http://barnaul.org/news/molodezhnye-proekty-poluchivshie-grantovuyu-podderzhku-administratsii-goroda-uspeshno-realizuyutsya-.html> (дата обращения – 01.09.2018).
11. Сорокин П. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
12. Сорокин П. Макросоциологическая теория Н.Я. Данилевского // О русской общественной мысли. СПб. 2000. 221 с.
13. Татаркин А.И. Инновационное развитие России: от политических призывов к антикризисным действиям // Вестник ЮУрГУ. 2010. №20.
14. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. — N.Y.: Basic Books, 1973. – URL: https://www.os3.nl/_media/2011-2012/daniel_bell_-_the_coming_of_post-industrial_society.pdf (дата обращения – 01.09.2018).
15. Galbraith J. K. The New Industrial State. – Houghton: Mifflin, 1967. - 427 p.
16. Toffler A. The Third Wave. - Bantam Books, 1981. – 537 p.
17. Toynbee A. J. Study of History. – New York: Oxford University Press. [Somervell's abridgement of Vol. 1-4], 1947. – 634 p.
18. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. - Germany, 200. - 1250 p.

References

1. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tekhnicheskoy politiki: feder. zakon Ros. Federacii ot 13 iyulya 2015 №270-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117193/ (data obrashcheniya – 01.09.2018).
2. O nauke i nauchno-tekhnicheskoy politike: feder. zakon Ros. Federacii ot 23 avgusta 1996 №127-FZ. – URL: <https://fzrf.su/zakon/o-nauke-i-nauchno-tekhnicheskoy-politike-127-fz/> (data obrashcheniya – 01.09.2018).
3. O konkurse na soiskanie grantov Administracii goroda v oblasti nauki dlya molodezhi (do 30 let): postanovlenie Administracii g. Barnaula ot 26 iyulya 2011 №2219. URL: <http://docs.cntd.ru/document/438946673> (data obrashcheniya – 01.09.2018).
4. Velikzhanina K.A. K voprosu ob integracii nauki i social'noj politiki v Rossijskoj Federacii na municipal'nom urovne // Politika i obshchestvo. – 2016. -- №8(140).
5. Volkoveckij D.S. O filosofskih osnovaniyah nauchnoj politiki // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya. – 2012. -- №2.– URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-filosofskih-osnovaniyah-nauchnoy-politiki> (data obrashcheniya – 01.09.2018).
6. Ivashevskij S.L. Celi i sredstva razvitiya rossijskoj nauki // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2012. -- №1-3.
7. Korabejnikov I.N., Ermakova Zh.A., Sinyukov A.A. Upravlenie nauchno-tekhničeskim razvitiem regional'nogo promyshlennogo kompleksa na osnove klaster'nogo podhoda // Vestnik UYUrFU. – Seriya ehkonomika i upravlenie. – 2013. -- №2.
8. Kumaritova A.A. Gosudarstvennye i municipal'nye granty: vzniknovenie, stanovlenie i perspektivy razvitiya v rossijskom grazhdanskom prav // Zhurnal rossijskogo prava. – 2008. -- №7.
9. Mindeli L.E.H., ChErnyh S.I. Rossijskaya nauka: real'nost' i perspektiva // Zhurnal «Innovacii». 2012. -- №12(176).
10. Molodezhnye proekty, poluchivshie grantovuyu podderzhku goroda, uspeshno realizuyutsya v Barnaule. URL: <http://barnaul.org/news/molodezhnye-proekty-poluchivshie-grantovuyu-podderzhku-administratsii-goroda-uspeshno-realizuyutsya-.html> (data obrashcheniya – 01.09.2018).
11. Sorokin P. Sociokul'turnaya dinamika / // Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo. – M.: Politizdat – 1992. – 543 s.
12. Sorokin P. Makrosociologicheskaya teoriya N.YA. Danilevskogo // O russkoj obshchestvennoj mysli. – SPb. – 2000. – 221 s.
13. Tatarkin A.I. Innovacionnoe razvitie Rossii: ot politicheskikh prizyvov k antikrizisnym dejstviyam // Vestnik YUUrGU. – 2010. – №20.
14. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. — N.Y.: Basic Books, 1973. – URL: https://www.os3.nl/_media/2011-2012/daniel_bell_-_the_coming_of_post-industrial_society.pdf (data obrashcheniya – 01.09.2018).
15. Galbraith J.K. The New Industrial State. – Houghton: Mifflin, 1967. - 427 p.
16. Toffler A. The Third Wave. - Bantam Books, 1981. – 537 p.
17. Toynbee A.J. Study of History. – New York: Oxford University Press. [Somervell's abridgement of Vol. 1-4], 1947. – 634 p.
18. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. - Germany, 200. - 1250 p.

Соревнование и конкуренция как формы взаимодействия субъектов профессиональной деятельности

Emulation and Competition as the Forms of Interaction of the Subjects of Professional Activity

Получено 11.10.2018

Одобрено 30.10.2018

Опубликовано 30.11.2018

УДК: 316.4

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10046

ЕМЕЛЬЯНОВА ЛЮДМИЛА АНДРЕЕВНА

кандидат психологических наук, доцент, ученый секретарь Научно-образовательного Центра «Культура – основа качества образования и жизненных сил современного человека и общества»
Email: ela99999@mail.ru

YEMEL'YANOVA, LA

PhD, assistant professor, Scientific Secretary of the Scientific and Educational Center "Culture - the basis of the quality of education and the vital forces of modern man and society"
Email: ela99999@mail.ru

КАЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

председатель правления кооператива «Центр социальных услуг»

KAZANTSEV, SM

Chairman of the Board of the Cooperative Society «Centre for Social Services»

Аннотация

Объект исследования. Соревнование и конкуренция
Предмет исследования. Соревнование и конкуренция как формы взаимодействия субъектов профессиональной деятельности.
Цель исследования. Выявление особенностей соревнования и конкуренции как форм взаимодействия субъектов профессиональной деятельности
Основные положения статьи. В статье раскрываются особенности проявления социалистического соревнования и конкуренции в связи с общественным устройством государства, с системой существующих в нем общественных отношений, которые порождают их. В ней исследуются отличительные характеристики социалистического соревнования и конкуренции как двух социальных явлений и форм взаимодействия субъектов профессиональной деятельности. В работе показано большое значение социалистического соревнования в решении важных для государства задач, прежде всего, в интенсификации труда, достижении лучших результатов в производстве материальных и духовных благ, развитии социалистического общества в целом, реализации интересов общества и каждого его участника. В статье раскрыты особенности социалистического соревнования: его сущность, функции, формы, основные принципы и виды стимулирования его участников.
В работе раскрыты социальные аспекты конкуренции, ее проявления в обществе и профессиональной деятельности в сравнении с социалистическим соревнованием. Представлены основные подходы к исследованию конкуренции как междисциплинарного феномена. Дано авторское понимание сущности конкуренции субъектов профессиональной деятельности как одного из видов социальной конкуренции. Представлены структура конкуренции коллективных субъектов профессиональной деятельности, ее положительные и негативные функции, характер протекания, основные подходы к управлению ею. В качестве основных различий между социалистическим соревнованием и конкуренцией субъектов профессиональной деятельности рассмотрены их различия в мотивации, поведении, используемых ими методах и средствах достижения победы. Конкуренция и соревнование являются управляемыми, как самим государством, так и самими субъектами деятельности.
Особенности проявления социалистического соревнования и конкуренции связаны с системой существующих в государстве общественных отношений, которые порождают их. Конкуренция и соревнование являются важнейшими формами взаимодействия и взаимоотношений между субъектами профессиональной деятельности, но имеющие свои особенности проявления.

Ключевые слова: социалистическое соревнование; конкуренция; субъекты деятельности.

Abstract

The Object of the Study. Competition and Competition
The Subject of the Study. Competition and competition as a form of interaction between subjects of professional activity
The Purpose of the Study. Competition and competition as a form of interaction between subjects of professional activity
The main Provisions of the Article.
The authors reveal the features of manifestation of socialist emulation and competition in connection with the social structure of the state and the system of social relations existing in it and generating them. The distinctive characteristics of socialist emulation and competition as two social phenomena and forms of interaction between subjects of professional activity have been studied. The great importance of socialist emulation in solving important tasks for the state is shown, in the intensification of labour, the achievement of better results in the production of material and spiritual goods, the development of socialist society as a whole, the realization of the interests of society and each of its participants. In the particular the features of socialist emulation are revealed: its essence, functions, forms, basic principles and types of stimulating its participants.
Besides the work reveals the social aspects of competition, its manifestations in society and professional activity in comparison with the socialist emulation. The main approaches to the study of competition as an interdisciplinary phenomenon are presented. The author's understanding of the essence of competition of subjects of professional activity as one of the types of social competition is given. The structure of competition of collective subjects of professional activity, its positive and negative functions, the nature of the course, the main approaches to its management are presented. As the main differences between socialist competition and competition of subjects of professional activity, their differences in motivation, behavior, methods used by them and means of achieving victory are examined. Competition and competition are manageable, both by the state itself, and by the subjects themselves.
The features of the manifestation of socialist competition and competition are connected with the system of social relations existing in the state, which give rise to them. Competition and competition are the most important forms of interaction and relationships between the subjects of professional activity, but having their own manifestations.

Keywords: Socialist emulation; competition; subjects of activity.

В современных условиях Россия переходит от социалистического общественного строя к буржуазно-капиталистическому. В этом переходе изменяются социальные, общественно-политические процессы, появляются новые черты, институты, формы взаимодействия между людьми. Так, вместо существующего при социализме соревнования появилась новая форма взаимодействия субъектов – конкуренция. Поскольку исходными условиями перехода российского общества к капиталистической общественной системе была социалистическая система общественных отношений, постольку появившуюся новую форму – конкуренцию – важно рассматривать в сравнении с соревнованием. Обе эти формы имеют определенные черты и особенности. Рассмотрим кратко эти особенности.

В социалистическом обществе социалистическое соревнование проявлялось как состязание отдельных работников, малых групп, больших коллективов, организаций в целом за лучшие показатели в труде. Социалистическое соревнование организовывалось повсеместно: на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах страны, да и в отношениях с другими странами [Иванов Э. П., 1984, 8 с. 27].

Управление социалистическим соревнованием осуществлялось государством. Его организаторами выступали Центральные Комитеты КПСС и ВЛКСМ, Совет Министров СССР, профессиональные союзы. Правительство страны являлось инициатором таких форм социалистического соревнования, которые в большей степени соответствовали государственным задачам, поставленным на том или ином этапе общественно-экономического развития. Правительством государства в двадцатые годы прошлого столетия была поставлена задача развития промышленности за десять лет. Единственный способ ее решения состоял в строительстве предприятий и интенсификации труда. Для обеспечения интенсификации труда нужен был метод, в качестве которого выступало социалистическое соревнование.

В годы первой пятилетки (1929 – 34 гг.) соцсоревнование проходило в форме коммунистических субботников и ударного труда. В этот период была развернута индустриализация, которая дала возможность победить в Великой Отечественной войне. В годы Великой Отечественной войны возникли формы соцсоревнования по усилению помощи фронту за счет высокоскоростных методов производства и строительства. В послевоенные годы оно было ориентировано на восстановление и подъём народного хозяйства, проходило за

повышение показателей в труде, бережное расходование ресурсов, увеличение выпуска товаров. На любом этапе социально-экономического развития страны характерной особенностью социалистического соревнования была его направленность на мобилизацию трудящихся на повышение производительности труда, снижение трудовых производственных затрат, рациональное использование и экономию сырья, повышение качества продукции, внедрение в производство передовых методов труда.

Наиболее развитыми были следующие формы: соревнование по профессиям, за присвоение званий лауреатов заводской премии, лучшего молодого производственника, ветерана труда, почетного ветерана труда, заслуженного ветерана труда и т.п. Широко практиковалось проведение различных смотров-конкурсов на лучшее проведение заводской учебы, лучший творческий план, а также смотры по технике безопасности, по охране труда и др.

Другие социалистические государства на опыте соцсоревнования в СССР разворачивали своеобразные его формы в соответствии со своими историческими, общественными и экономическими особенностями развития. Социалистическое соревнование являлось не только инструментом подъема экономики, но и идеологическим инструментом, почином, носящим воспитательный характер. В целом социалистическое соревнование выступало в качестве механизма интенсификации труда. Вместе с тем оно являлось важнейшим социальным стимулом и мотивом достижения высоких показателей в труде работников, коллективов организаций в целом.

В результате социалистического соревнования выявлялся победитель, который показывал исключительно высокую производительность труда. На него равнялись все остальные. В социалистическом соревновании прославлялись сам труд, высокие показатели в нем и его победитель как образец для подражания, герой, идеал для других трудящихся.

В процессе социалистического соревнования сотрудники организации решали всеобщие для страны, для народа задачи, стремились, прежде всего, к первенству коллектива во имя общего блага, а не к личному первенству. В соревновании личные интересы были неразрывно связаны с коллективными и общественными. Такая связь общественных и индивидуальных интересов способствовала укреплению коллективизма в обществе, созданию благоприятного психологического климата в организации. В соревновании каждый его участник удовлетворял потребность профес-

сионального роста, стремления к мастерству и совершенству, самореализации и самоутверждению в жизнедеятельности.

Важное значение имела эмоциональная сторона участников социалистического соревнования. Социалистическое соревнование формировало чувство дружбы, солидарности, создавало радостное настроение, праздничность, торжественность, подъем душевных сил. Оно способствовало тому, что его участники осознавали ценность общественного труда, важность своего участия в нем. Социалистическое соревнование воспитывало возвышенное отношение к труду как к самому почетному и необходимому в жизни человека.

Важно подчеркнуть также то, что при социалистической системе отношений в коллективах были развиты взаимопомощь, обмен опытом, стремление сделать лучше условия и процесс труда. Победитель соцсоревнования, как правило, делился своим профессиональным опытом, передавал свои знания и навыки труда другим членам своего коллектива.

В социалистическом соревновании в трудовой деятельности были реализованы следующие основные принципы его организации и функционирования:

- контроль над процессом соревнования на всех этапах и во всех структурных подразделениях организации, включающий разработку критериев оценки;

- сравнимость результатов соревнования;

- гласность соревнования, которая заключалась в широком обсуждении его результатов и т.д. Она способствовала знакомству сотрудников с передовым опытом. Социальное значение гласности соревнования заключалось в создании примера, образца для подражания, авторитетного и в то же время доступного для всех; добровольность, предполагающая добровольное участие работников в социалистическом соревновании, что способствовало совершенствованию социальных отношений в организации [Симаков А.Г., 1990, 14, с. 47-48].

В социалистическом соревновании реализовывались знания, умения, навыки работников, равенство их возможностей в участии, а также готовность более сильного работника обучить другого мастерству, которым он овладел. Было развито наставничество. Важным являлось то, что победитель социалистического соревнования характеризовался не только высокими показателями, но и высокими гражданскими достоинствами. Он показывал пример не только в профессиональной деятельности, но и в отношениях к своим сотрудникам, к решению задач, стоящих

перед организацией. Победитель социалистического соревнования обладал ценностными ориентациями, отвечающими общественно значимым целям.

Социалистическое соревнование выполняло следующие основные функции:

- интенсификации трудовой деятельности;
- выполнения общественно-хозяйственных планов;

- повышения темпов научно-технического прогресса;

- снижения материальных и трудовых затрат;

- повышения качества создаваемого общественного продукта;

- воспитательную. Оно формировало понимание у трудящихся того, что только трудом можно добиться лучших результатов в нем;

- создания маяков общественно-полезной деятельности. В социалистическом соревновании победитель не обладал статусом исключительности. Это означает то, что и любой другой его товарищ по труду может стать победителем в следующем соревновании.

Победители социалистического соревнования имели материальное вознаграждение и моральное поощрение. Социалистическое соревнование способствовало росту благосостояния трудящихся. Победители социалистического соревнования получали дополнительное материальное вознаграждение к окладу в виде премий и других денежных выплат. Материальное вознаграждение работников увеличивалось в соответствии с повышением ими производительности труда. Кроме материального поощрения, в социалистическом соревновании было широко распространено и моральное стимулирование. Передовикам социалистического соревнования государство присваивало звания Героя Социалистического Труда, награждало их орденами и медалями, вручало им переходящее Красное знамя Центральных Комитетов Коммунистической партии и комсомола, профсоюзов, Совета Министров СССР. Для победителей социалистического соревнования правительство страны учредило единые общесоюзные знаки: «Победитель социалистического соревнования», «Ударник пятилетки». Портреты победителей соцсоревнования размещались на «Доске почета» и т.д. [Иванов Э.П., 1984, 8, с. 57-59].

Таким образом, социалистическое соревнование выступало одной из движущих сил развития социалистического общества. Социалистическое соревнование было важным социальным взаимодействием людей в процессе их профессиональной деятельности, в котором объективно реализовывались интересы общества и каждого его

участника. Большое значение социалистического соревнования выражается в том, что оно способствовало повышению производительности труда, снижению производственных затрат, рациональному использованию сырья, подъему экономики страны. В соцсоревновании выражалось движение трудящихся масс за наивысшие достижения в производстве материальных и духовных благ, развития социалистического общества в целом.

При переходе к рыночной экономике важнейшей формой взаимодействия людей в процессе их деятельности, в том числе и профессиональных, производственных коллективов, вместо социалистического соревнования появилось такое социальное явление, как конкуренция. В условиях плановой экономики советского периода в России конкуренция рассматривалась как негативная характерологическая особенность капиталистического общественно-экономического устройства. В отличие от социалистического соревнования конкуренция рассматривается как объективная среда функционирования субъектов в условиях рыночной экономики. Принято считать теоретиками и практиками, что конкуренция является основой рыночной экономики.

Социальные аспекты конкуренции касаются важнейших сторон жизнедеятельности людей. Конкуренция может проявляться в любом виде деятельности (игровой, учебной, профессиональной), в которой имеется возможность сравнивать результаты деятельности субъектов по качеству и количеству. Конкуренция как социальный феномен происходит как борьба за достижение преимуществ, господство, национальное богатство, поддержание необходимого уровня занятости и качества жизни, лучшие условия и оплаты труда. Конкуренция определяет социальный статус индивида, группы, этноса, государства, поскольку она связана с наличием разнообразных ресурсов. Богатства формировали и формируют престиж, положение стран в мире, преимущества перед другими странами, господство. Крайние формы конкуренции в целях их приобретения или увеличения порождают национальные войны, войны между странами. Конкурирующие субъекты прилагают усилия для расширения своих преимуществ, своего влияния.

Конкуренция исследуется в различных науках. Несмотря на значительное число работ по проблематике конкуренции в различных областях науки, отсутствует единое понимание этого феномена. В экономике конкуренция рассматривается как процесс борьбы хозяйствующих агентов и условия рыночной экономики [Азоев Г.Л., 1996, 1; Портер М., 1993, 12; Юданов А.Ю., 1998,

18; и др.]; в педагогике – как условия, среда, в которых находится личность учащегося и которая требует формирования ее конкурентоспособности [Андреев В.И., 1992, 2; Митина Л.М., 2002, 11; и др.]; в биологии – как соревнование между особями одного или разных видов за средства существования и условия размножения [Дарвин Ч., 1939, 5; Кропоткин П., 2006, 10; и др.].

Конкуренция как социальное явление рассматривается как поведенческая характеристика [Вебер М., 2002, 3; Григорьев С. И., 2001, 4; Зиммель Г., 2007, 7; Кастельс М., 2000, 9; Радаев В. В., 2003, 13; Сорокин П.А., 1920, 15; Тоффлер А., 2003, 16; Хайек Ф.А., 2000, 17; и др.]. По мнению М. Вебера, конкуренция есть мирное состязание за возможность распоряжаться теми шансами, которые имеются также и у других действующих [М.Вебер, 2002, 3 с. 117]. По определению В.В. Радаева, «конкуренция – это действия двух и более участников рынка, нацеленные на получение одного и того же ограниченного ресурса, доступного при определенных усилиях с их сторон» [Радаев В.В., 2007, 13, с. 320]. По мнению А. Тоффлера, «конкуренция – это процесс, посредством которого люди получают и передают знания, она ведет к лучшему использованию знаний и способностей» [Тоффлер Э., 2003, 16, с. 62]. Австрийский социолог и экономист Ф. Хайек определял конкуренцию как механизм координации, распространения и освоения знания, процедуру открытия [Хайек Ф.А., 2001, 17, с. 189]. С.И. Григорьев рассматривал конкуренцию как «борьбу за прибыль, конкурентоспособность товаров и услуг, в которой конкуренты применяют легитимные и нелегитимные методы, способы и приемы» [Григорьев С.И., 2001, 4, с. 219]. Социологическая сущность конкуренции для Г. Зиммеля заключается, прежде всего, в том, что это опосредованная борьба, направленная на объективную цель. Конкуренция не предполагает нанесения непосредственного вреда противнику или его устранение. Скорее она вытекает из стремления обеих сторон к одной и той же цели. В отличие от других видов борьбы, конкуренция не проходит в виде наступлений или отступлений, потому что объект конфликта не находится в руках кого-либо из противников. Конкуренция относится к тем видам борьбы, в которых устранение противника само по себе не является победой [Зиммель Г., 2007, 7, с. 212]. М. Кастельс пишет, что «конкуренция организуется на основании факторов, специфических для новой информационной экономики, внутри глобальной системы, представляющей сеть, построенную на информационных технологиях. Конкурентоспособность субъектов глобальной экономики зави-

сит, в первую очередь, от способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях» [Кастельс М., 2007, 9, с. 114].

На основе рассмотренных концепций конкуренции, приведенных в социологической литературе, автор делает следующие выводы: конкуренция как социальное явление рассматривается как поведенческая характеристика субъектов и характеристика структуры рынка, в ее основе лежат знания, представляющие основную ценность и способствующие развитию самих субъектов.

В данной статье рассматривается конкуренция коллективных субъектов профессиональной деятельности как одного из видов социальной конкуренции. Выделяются индивидуальный, групповой, коллективный субъекты профессиональной деятельности. В основе конкуренции субъектов профессиональной деятельности лежат знания, профессионализм, которые формируют их конкурентные преимущества.

Конкуренцию субъектов профессиональной деятельности автор определяет как систему взаимодействия индивидуальных, групповых и коллективных субъектов профессиональной деятельности, характеризующуюся достижением целей деятельности в условиях противоборства с добивающимися этих же целей другими субъектами [Емельянова Л.А., 2013, 6, с. 117]. Целью любых субъектов деятельности в условиях конкуренции является достижение наилучшего результата деятельности при минимальном количестве затраченного времени.

Содержание конкуренции субъектов профессиональной деятельности имеет определенную структуру, которая включает: наличие субъектов конкурентного взаимодействия; цель деятельности (без цели не может быть деятельности, соответственно и результата деятельности), мотивацию, наличие конкурентных мотивов (достижение успеха, лидерских позиций, преимуществ, высокого материального благополучия, престижности и других); процесс, направленный на достижение успеха в конкуренции и сопряженный с мобилизацией интеллектуальных и (или) физических ресурсов. В эту структуру входит результат, выявляющий позиции лидера (победителя) и побежденного (аутсайдера). Данная структура присуща всем субъектам, вступающим в конкурентное взаимодействие.

В процессе конкуренции каждый субъект удовлетворяет свою потребность в самореализации в деятельности. Высокий результат субъекта конкуренции предполагает высокое качество деятельности, ее высокую временную скорость

и обуславливает конкурентоспособность самого субъекта.

Результаты деятельности субъектов в конкуренции рассматриваются в сравнении и характеризуются количественными и качественными показателями. Конкурентное преимущество выявляется в сравнении полученных результатов субъектами профессиональной деятельности. Предпочтение отдается тому субъекту, у которого результат деятельности обладает наилучшими показателями в их количественном и качественном планах. Победитель в конкуренции обладает определенными преимуществами и всегда стремится их сохранить или увеличить.

В конкуренции имеют место следующие основные мотивы коллективных субъектов профессиональной деятельности: престижности организации в обществе; высокой значимости ее деятельности для общества; содействия развитию организации; достижения успеха в профессиональной деятельности и за счет этого высокой заработной платы и материального благополучия; соответствия высокому уровню профессиональной компетентности и другие.

Следует отметить важное отличие конкуренции от соревнования. Конкуренция субъектов профессиональной деятельности в новых условиях общественной жизни отличается от соревнования, прежде всего, мотивацией. В конкуренции может доминирующим являться мотив достижения первенства, лидерства, часто посредством уничтожения соперника. В условиях конкуренции у субъекта может наблюдаться ориентация на исключительность результата деятельности в сравнении с результатом деятельности конкурентов. Методам, средствам достижения высокого результата деятельности победитель (лидер) конкуренции не обучает своих конкурентов. Наоборот, эти методы и средства являются его конкурентным преимуществом. И чем более продолжительное время победитель будет сохранять конкурентное преимущество в тайне от своих соперников, тем больше возможности у него оставаться на лидирующих позициях. И в этом он заинтересован.

В процессе социалистического соревнования субъекты профессиональной деятельности имели мотивацию участия в нем и достижения успеха во имя общекolleктивного блага.

В процессе конкуренции субъектами могут быть использованы различные средства. В зависимости от используемых средств конкуренция может носить конструктивный и деструктивный характер. В процессе конструктивной конкуренции субъектами профессиональной деятельности

реализуются в полной мере их профессионализм, нравственные ценности (честность, порядочность, справедливость) и соблюдаются принятые нормы, правила конкурентного взаимодействия. Деструктивная конкуренция характеризуется тем, что ее субъекты используют методы и средства, связанные с нарушением принятых норм морали и правил взаимодействия, чтобы выйти «победителем», когда для достижения цели все средства хороши.

В зависимости от характера протекания конкуренция проявляет себя как партнерская и конфронтационная. При партнерской конкуренции присутствует ненапряженное общение между субъектами, сохраняется доброжелательность друг к другу, не нарушаются деятельность и взаимоотношения, субъекты воспринимаются как партнеры. Конфронтационная конкуренция происходит в напряженных условиях, когда появляются коммуникативные барьеры, нарушаются взаимоотношения субъектов и их деятельность, субъекты в определенных случаях воспринимаются как враги в отношении друг к другу.

Конкуренция так же, как и соревнование, выполняет определенные функции. Можно выделить положительные и отрицательные функции конкуренции. К положительным функциям отнесены: формирование мотивации достижения успеха и высоких результатов в профессиональной деятельности субъектов, стимулирование личностного роста, развития, повышения профессиональной компетентности субъектов деятельности; удовлетворение своих потребностей субъектов деятельности за счет ее продуктивности. К негативным функциям относятся следующие. Конкуренция предполагает статусы победителя и побежденного, при этом вызывает переживание негативных эмоций у последнего. Она может вызвать конфликтное взаимодействие и желание удовлетворить в первую очередь собственные интересы в ущерб интересам других. Конкуренция у субъектов деятельности усиливает неуверенность, страх не соответствовать ее условиям, проиграть, снижает самооценку субъектов, портит доверительные отношения, допускает

использование любых методов и средств для достижения победы в ней, может привести к нарушению взаимоотношений и деятельности.

При раскрытии содержания социальной конкуренции важно учитывать и такие ее стороны, как стили поведения конкурирующих субъектов. Поведение субъектов деятельности в условиях конкуренции может носить как активный, так и пассивный характер. Стили поведения субъекта в конкуренции зависят от того, насколько он хочет достичь собственных целей, будучи либо активным, либо пассивным.

Конкуренция выдвигает требования к субъекту деятельности быть конкурентоспособным, обладать определенными конкурентными преимуществами в профессиональной деятельности.

Конкуренция между коллективными субъектами профессиональной деятельности является регулируемым процессом. В современном обществе к регулированию процессом конкуренции могут быть применены следующие основные подходы: системный, инновационный, маркетинговый, процессный и др. В процессе регулирования конкуренцией субъектов профессиональной деятельности может использоваться подход управления их интеллектуальным потенциалом.

Непродуктивна антагонистическая конкурентная борьба в обществе «на уничтожение». Большую роль в регулировании конкуренции играет государство. Конкуренция законодательно закреплена в России Законом РСФСР от 2006 года N 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», определяющим организационные и правовые основы предупреждения, ограничения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. Социальные аспекты конкуренции регулируются также на уровне поиска и нахождения компромисса самими субъектами взаимодействия. При этом ключевыми выступают не только экономические мотивы, выраженные в повышении уровня собственного благополучия, но и мотивы нравственно-этического характера, проявляющиеся в духовных ценностях, творческой самореализации субъектов и т.д.

Список литературы

1. Азов Г.Л. Конкуренция: анализ, стратегия и практика. М.: Центр экономики и маркетинга, 1996.
2. Андреев В.И. Саморазвитие творческой конкурентоспособной личности менеджера. Казань: СКМ, 1992.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология / Сост. и ред. С.П. Бань-

References

1. Azoev G.L. Konkurenciya: analiz, strategiya i praktika - M Centr ehkonomiki i marketinga, 1996.
2. Andreev V.I. Samorazvitie tvorcheskoj konkurentosposobnoj lichnosti menedzhera. Kazan': SKAM, 1992.
3. Veber M. Osnovnye sociologicheskie ponyatiya // Teoreticheskaya sociologiya: antologiya v 2-x chastyax. / Sost.

- ковская. М.: Книжный дом «Университет», 2002.
4. Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего. Барнаул, 2001.
 5. Дарвин Ч. Происхождение видов. М.: Изд-во АН СССР, 1939.
 6. Емельянова Л.А. Концепция конкуренции и конкурентоспособности коллективных субъектов деятельности. (Монография). М. Издательство РЭУим. Г.В.Плеханова, 2013.
 7. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. М.: Директ-Медиа, 2007.
 8. Иванов Э.П. Соревнование в системе социально-экономических отношений. М.: Мысль, 1984.
 9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М, 2000.
 10. Кропоткин П.А. Взаимопомощь среди животных и людей. Минск: Белорусская энциклопедия, 2006.
 11. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002.
 12. Портер М. Международная конкуренция. Пер. с англ. / Под ред. В.Д. Щетинина. М.: Международные отношения, 1993.
 13. Радаев В.В. Современные экономико-социологические концепции рынка // Анализ рынков в современной экономической социологии / Отв. ред. В.В. Радаев, М. С. Добрякова. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 21–60.
 14. Симаков А.Г. Социализм: соревнование и конкуренция. М.: Знание, 1990.
 15. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
 16. Тoffler Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге 21 века (пер. с англ.). М.: АСТ, 2003.
 17. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок (1949). М.: Изограф, 2000.
 18. Юданов А.Ю. Конкуренция: теория и практика. М.: «Гном-пресс», 1998.
- i red. S.P. Bankovskaya. M.: knizhnyj dom «Universitet», 2002. ch. 1.
 4. Grigor'ev S.I. Vitalistskaya sociologiya: paradigma nastoyashchego i budushchego. Barnaul, 2001.
 5. Darvin C.H. Proiskhozhdenie vidov. M.: Izd-vo AN SSSR, 1939.
 6. Emel'yanova L.A. Konceptsiya konkurencii i konkurentosposobnosti kollektivnyh sub"ektov deyatel'nosti. (Monografiya). M. – Izdatel'stvo REUim. G.V.Plekhanova, 2013.
 7. Zimmel' G. Social'naya differenciaciya. Sociologicheskie i psihologicheskie issledovaniya. M.:Direkt-Media, 2007.
 8. Ivanov E.H.P. Sorevnovanie v sisteme social'no-ehkonomicheskikh otnoshenij. - M.: Mysl', 1984.
 9. Kastel's M. Informacionnaya ehpoха: ehkonomika, obshchestvo i kul'tura. M, 2000.
 10. Kropotkin P.A. Vzaimopomoshch' sredi zhivotnyh i lyudej. Minsk: Belorusskaya ehnciklopediya, 2006.
 11. Mitina L.M. Psihologiya razvitiya konkurentosposobnoj lichnosti. Voronezh:NPO« MODEHK », 2002.
 12. Porter M. Mezhdunarodnaya konkurenciya. Per. s angl. / Pod red. V.D.Shchetinina. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1993.
 13. Radaev V.V. Sovremennye ehkonomiko-sociologicheskie koncepcii rynka // Analiz rynkov v sovremennoj ehkonomicheskoy sociologii / Otв. red. V.V. Radaev, M. S. Dobryakova. M.: GU-VSHEH, 2007. С. 21–60.
 14. Simakov A.G. Socializm: sorevnovanie i konkurenciya. - M.: Znanie, 1990
 15. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo. M.: Politizdat, 1992.
 16. Toffler E.H. Metamorfozy vlasti: znanie, bogatstvo i sila na poroge 21 veka. M . ACT, 2003.
 17. Hajek F.A. Individualizm i ehkonomicheskij poryadok. M., Izograf, 2001.
 18. Yudanov A.YU. Konkurenciya: teoriya i praktika. - M.: «Gnom-press», 1998.

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теория социального качества как инновационный инструмент изучения общества (размышления в связи с международным социологическим форумом: «Социальное качество и социальное управление»)

The Theory of Social Quality as an Innovative Tool for the Study of Society (Reflections on the International Sociological Forum: "Social Quality and Social Governance")

Получено 13.10.2018

Одобрено 30.10.2018

Опубликовано 30.11.2018

УДК: 1

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10047

БОБКОВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник научной школы «Управление человеческими ресурсами» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Email: bobkovvn@mail.ru

BOBKOV, VYACHESLAV NIKOLAYEVITCH

Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences, Chief Research Worker of the Scientific School «Human Resource Management» at G V Plekhanov Russian University of Economics
Email: bobkovvn@mail.ru

АКИМОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

д.э.н., профессор, заведующий Кафедрой экономики труда и социальных отношений Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова
Email atnazarov@mail.ru

AKIMOV, AK

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Labour Economics and Social Relations, M.K. Amosov North-Eastern Federal University
Email atnazarov@mail.ru

Аннотация

Показано, что теория социального качества разрабатывается как философская парадигма по отношению к современной капиталистической модернизации экономики, сопровождающейся потерей «социальной компоненты». Рассмотрены индикаторы социального качества, позволяющие проводить субъективное оценивание качества жизни не на индивидуальном уровне, а на уровне страновых обществ. Охарактеризованы итоги международного социологического форума «Социальное качество и социальное управление», проходившего в сентябре 2018 г. в г. Пекине, Китай. Очерчены особенности российской научной школы изучения уровня и качества жизни, сформировавшейся во Всероссийском центре уровня жизни, и позволяющие измерять уровень и качество жизни в единстве его объективных и субъективных характеристик. Рассмотрены особенности ноосферного социализма, представляющего собой модель устойчивого развития общества, позволяющую объединить разработки теории социального качества и теории уровня и качества жизни, и разрабатываемые российскими учеными, относящимися к ноосферной научной школе.

Abstract

It is shown that the theory of social quality is developed as a philosophical paradigm in relation to the modern capitalist modernization of the economy today, accompanied by the loss of the "social component". The indicators of social quality allowing to carry out subjective assessment of quality of life not at the individual level, but at the level of country societies are considered. The article describes the results of the international sociological forum "Social Quality and Social Management", held in Beijing, China, in September 2018. The features of the Russian scientific school of studying the level and quality of life formed in the All-Russia Centre of Living Standards, and allowing to measure the level and quality of life in the unity of its objective and subjective characteristics are outlined. The features of noospheric socialism which is a model of sustainable development of society, allowing to combine the development of the theory of social quality and the theory of living standards and quality of life, and developed by Russian scientists belonging to the noosphere scientific school have been analyzed.

Ключевые слова: социальное качество; социально-экономическая безопасность; социальная включенность; социальная сплоченность; социальные полномочия; уровень и качество жизни; ноосферный социализм; российская теория уровня и качества жизни; ноосферная научная школа в России; международная ассоциация социального качества.

Keywords: social quality; socio-economic security; social inclusion; social cohesion; social powers; living standards and quality of life; noosphere socialism; Russian theory of level and quality of life; noosphere scientific school in Russia; international association of social quality.

Введение

26-28 сентября 2018 года в Китайской народной республике, в г. Пекине, в Институте социоло-

логии Китайской академии общественных наук (CASS) состоялся международный социологический форум: «Социальное качество и социальное

управление». В форуме приняли участие и выступили эксперты: Ли Пейлин – исследователь, президент CASS, Чен Гуангжин – директор института социологии CASS, проф. Ли Вей, директор Департамента социального развития института социологии CASS, Лаурент ван дер Мазен (Международная ассоциация социального качества, Нидерланды), проф. Дес Гаспер (Институт глобального и социального управления, Ерасмус Университет, Роттердам, Нидерланды), Тим Кадман (главная исследовательская дирекция, Гриффис университет, Австралия), проф. Вячеслав Бобков (зав. лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, г. Москва), проф. Ананта Кумар Гири (Мадрасский институт развития, Индия), доцент Донг Куан Айм (департамент городской социологии, Сеульский национальный университет, республика Корея), проф. Лин Ка (школа государственного управления, Жайянг университет, Китайская народная республика), доцент Тиан Кай (Пекинский университет, Китайская народная республика), проф. Фонг Эрик, проф. Тони Тейм, доценты Жонг Нуа и Джин Лей (все представляли Департамент социологии Китайского университета в Гонконге, Китайская народная республика). Международный форум явился важным событием в осмыслении новых разработок в области социального качества и, безусловно, открыл новый этап в развитии теории социального качества, её интернационализации и осмысления практических возможностей применения на примере Китая.

Теория социального качества

Концепция социального качества (social quality), разработанная западноевропейскими исследователями, возникла как философская альтернатива капиталистической модернизации экономики, сопровождающейся потерей «социальной компоненты», подчиняющей и удушающей её. Оценка социального качества и социальной целостности в перспективе повседневной жизни людей лежала в основе подхода социального качества к этой «десоциализации всего».

Один из первых проектов Концепции по социальному качеству был опубликован в 2001 г. [Beck, W., F. Thomese, L. J. G. van der Maesen, and A. Walker, eds., 2001, 15]. Концепция социального качества, исследующая социальные отношения и процессы, основана на измерении качества социального содержания повседневной жизни. Она определяет контуры пространства, в котором люди имеют возможность участвовать в экономической, социальной и других сферах жизни обще-

ства в условиях, способствующих повышению их уровня благосостояния и более полного раскрытия личностного потенциала.

Социальное качество определяется как степень, до которой люди способны участвовать в жизни их сообществ на условиях, способствующих росту их благосостояния и индивидуальным возможностям [Walker A., 2005, 26]. Этот подход, как правило, сосредоточен на личностях, выступающих в качестве активного субъекта в рамках развивающихся социальных условий. «Социальное» здесь понимается как результат диалектических взаимоотношений между формированием личностей в обществе и самореализацией индивидуумов. Социальное как бы заполняет пространство между глобальными и биографическими (личностными) процессами.

В качестве одного из способов выявления и оценивания социального качества были предложены следующие компоненты [Gordon D., 2007, 19]:

- *социально-экономическая безопасность*: набор адекватных средств (стандартов) в области финансовых ресурсов, жилья и окружающей среды, здоровья, образования и наличия работы;

- *социальная включенность*: способность участвовать в социальной, культурной и экономической жизни общества в сфере гражданских прав, рынка труда, общественных и частных служб, и социальных сетей;

- *социальная сплоченность*: степень, в которой социальные отношения, нормы и ценности разделяются в сфере доверия, интегративных норм и ценностей, социальных сетей и идентичности;

- *расширение социальных прав и возможностей* (социальных полномочий): степень, в которой структуры, системы и учреждения повышают способность людей играть ответственную роль в усовершенствовании их повседневных обстоятельств (способность действовать в контексте социальных отношений в области базы знаний, рынка труда, открытости и поддержки институтов, обращаться к коллективному действию и культурным действиям в поддержке личных отношений).

Теория социального качества довольно плодотворно развивается и, в последнее время, обогатилась целым рядом новых теоретико-методологических и практико-ориентированных исследований [Van der Maesen, L.J.G. and A. Walker, eds. 2012, 23; Abbott, P., C. Wallace, and R. Sapsford. 2016, 14; Lin, K., and P. Herrmann, eds. 2015, 20 и др.]. Среди этих изменений было предложено расширение архитектуры компонентов и инструментария измерения социального ка-

Таблица 1

Расширение «Архитектуры социального качества»: предложение

Конституционные факторы (процессы)	Обусловленные факторы (возможности и непредвиденные обстоятельства)	Нормативные факторы (ориентации)
Безопасность личности (человечества)	Социально-экономическая безопасность	Социальная справедливость
Общественное признание	Социальная сплоченность	Солидарность
Общественная отзывчивость	Социальная включенность	Общие ценности
Способности человека	Создание условий для полноценного участия в жизни общества	Человеческое достоинство
Добавить	Добавить	Добавить
Экологическое сознание	Учет экологических ограничений	Экологическое равновесие
Инструменты	Инструменты	Инструменты
Параметры для характеристики их сущности и изменений	Индикаторы для исследования результатов стратегий, направлений и изменений	Критерии для оценивания результатов связи между обусловленными и конституционными факторами

Источник: [Van Renswoude, J. and All, 2012, 24]

чества (Таблица 1). В более ранних разработках [Van Der Maesen and All, 2010, 25] была отражена только верхняя часть таблицы 1. В расширенной архитектуре социального качества добавлена экологическая компонента, а также инструменты измерения социального качества.

В докладах и в ходе дискуссий на Международном форуме в Пекине, посвященном проблематике социального качества и социального управления были рассмотрены и обсуждены две группы вопросов: 1) состояние исследований проблем социального качества и практического применения их результатов и 2) перспективы создания Международной Ассоциации социального качества.

По первой группе вопросов на осуждение были вынесены результаты исследований о философии и антропологии социального качества; об извлечении уроков из экологической сертификации для управления устойчивым развитием; об объективных и субъективных индикаторах качества жизни; о влиянии социального качества и доверия на благосостояние и налоговые отношения, об оценке факторов социального качества в Китае; о характеристиках средне доходных групп в современном Китае; о сравнительном исследовании индексов местного социального качества и социального качества различных регионов Китая; о тенденциях безработицы молодежи в Гонконге и ее связи с преступностью и др.

Современные теоретические основы исследования уровня и качества жизни

Развитие теории социального качества явилось ответом не только на продолжающуюся утрату «социальной компоненты» в развитии современного капитализма. Теория социального качества также выступила альтернативой индивидуалистической субъективной концепции качества жизни, широко распространенной в западно-европейской философской и социологической мысли во второй половине 20-го века. Тем не менее, преодолев индивидуалистический подход к изучению качества жизни, она сохранила приоритетность субъективных (социологических) оценок изучения современных обществ, поднявшись на уровень осмысления субъективного как состояния не индивидуалистического, а общественного сознания и выработки индикаторов для его измерения и оценивания динамики.

Российские теории исследования качества общества в конце XX-го – начале XXI-го веков отличались от теории социального качества тем, что в них была обоснована необходимость комплексного изучения уровня и качества жизни в единстве объективных и субъективных сфер его формирования, измерения и оценивания [Бобков В.Н., Мстиславский П.С., 1996, 2; Римашевская Н.М., 2001, 9; Айвазян С.А., 2002, 1; Маликов Н.С. 2002, 8 и др.]. В последующем, в публикациях исследователей, представляющих научную школу

Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ) декомпозиция качества и уровня жизни населения включала следующие сферы их формирования: здоровье и здравоохранение; безопасность жизнедеятельности; мировоззрение; социально-психологическую; интеллектуально-образовательную, духовно-культурную, профессионально-трудovou; семейно-личностную; гражданско-общественную, антропо-природную и социально-экономическую [Качество и уровень...2007, 7; Бобков В.Н., 2017, 3]. Эти сферы формирования уровня и качества жизни измеряются и оцениваются объективными и субъективными индикаторами. Важное место среди них отводится выявлению неравенства распределения уровня и качества жизни, исследованию соответствующих социальных слоев, снижению бедности, исследованиям условий роста средних классов и снижения социально-экономического неравенства [Бобков В.Н., Колмаков И.Б., 2017, 4; Российское общество и вызовы времени. 2015-2017, 10 и др.].

В дискуссиях с исследователями, представляющими подход к изучению общества в рамках теории социального качества, российскими учеными аргументируется позиция, стоящая в том, что рассмотрение уровня и качества жизни в единстве объективных и субъективных сторон их формирования, измерения и оценивания, позволяет давать комплексную характеристику качества общества, в том числе, с учетом влияния внешней среды его жизнедеятельности [Российское общество и вызовы времени. 2015-2017; Качество и уровень жизни...2007, 7 и др.].

Что касается субъективных характеристик качества жизни, то теория социального качества, безусловно, расширяет и систематизирует компонентную и индикаторную базу изучения общества. Российские социологи выявляют в результате опросов самые различные аспекты жизни россиян, однако, они не сгруппированы в соответствии с классификацией компонентов и индикаторов, разработанных в теории социального качества. Если сгруппировать индикаторы, применяемые российскими социологами для характеристики качества российского общества [Российское общество и вызовы времени. 2015-2017, 10 и др.], в соответствии с группировкой индикаторов социального качества, то получим следующее:

- *социально-экономическая безопасность*: ресурсообеспеченность представителей различных доходных групп; уровень и качество жизни населения, в т.ч. продолжительность рабочей недели в разных типах населенных пунктов, доходы; жилищные условия, ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура); состояние здоровья и др.;

- *социальная включенность* – ситуация на работе, возможность реализовать себя в профессии; положение, статус в обществе; удовлетворенность своей жизнью; демократия участия; социальные неравенства; риски социальной напряженности; массовое политическое сознание и др.

- *социальная сплоченность*: мировоззренческие ориентации, альтернативные мировоззренческие суждения и жизненные устремления; сдвиги в массовых настроениях и ценностных ориентациях; поддержка ценностных ориентиров; общность/различия в целеполагании в сознании; моральное состояние общества; межнациональные отношения; палитра вызовов и угроз в массовых представлениях; гражданская и этническая идентичность; ресурс интеграции и риски в полиэтническом и религиозном пространстве; повседневное эмоционально-психологическое состояние; социальное самочувствие и др.;

- *создание условий для полноценного участия личности в жизни общества*: состояние экономики; динамика занятости; возможности получения необходимых образования и знаний; ситуация в области прав и свобод, развития демократии; борьба с коррупцией, законность и правопорядок; борьба с терроризмом; влияние религии на ценностное сознание; возможность проведения досуга; психологическая атмосфера; уровень доверия государственным и общественным институтам и др.

Представленные группировки индикаторов социального качества, измеряемые в нашей стране, показывают богатую палитру знаний о состоянии российского общества, которую представляют российские социологи. Однако, для проведения международных сопоставлений состояния различных страновых обществ, важно определить ключевые социологические сопоставимые компоненты и индикаторы, характеризующие состояние общества. Возможности для этого имеются в рамках современных достижений теории социального качества и результатов исследований общества российскими социологами.

Ноосферная ориентация социального качества

Российскими учеными разрабатывается теория ноосферного социализма, сформирована ноосферная научная школа [Вернадский В.И., 2013, 5; Вернадский В.И. 2013, 6; Субетто А.И., 2001, 11; Субетто А.И. 2011, 12; Субетто А.И., 2012, 13]. Некоторые важные аспекты этой теории, ее роли в ноосферной ориентации социального качества в направлении устойчивого развития были представлены нами на Форуме в Китае. Обоснована

гипотеза, состоящая в том, что антагонистические противоречия нынешнего этапа государственно-монополистического капитализма неизбежно приведут к ноосферному социализму. Это будет общество высокого социального качества. Его теоретические основы и основные характеристики вбирают в себя достижения теории социального качества и теории уровня и качества жизни и смогут реализовать: 1) гармонизацию отношений Человека с Природой, развитие и применение высокопроизводительных энерго- и ресурсосберегающих технологий; 2) опережающее развитие общественного и личного интеллекта по сравнению с ростом сложности окружающей среды и на основе этого обеспечить управляемую социо-природную эволюцию; 3) формирование научно-образовательного общества, способного обеспечивать высокое благосостояние каждого, сочетание свободы и социальной справедливости для всех, коллективные способы принятия решений на основе прямой народной демократии, опирающейся на возможности современных информационно-коммуникационных и будущих технологий принятия решений и др.

Переход от капитализма в России к ноосферному социализму полагает эволюционный путь в результате реформ, которые могут занять длительный период и потребуют формирования переходных институтов и методов общественного контроля за их развитием, что будет одной из самых сложных задач в управлении переходом через реформы от капитализма к ноосферному социализму [Bobkov V. N. and all, 2016; Bobkov V. N. and all, 2017, 16].

Международная Ассоциация социального качества

Создание Международной Ассоциации социального качества в целях активизации исследований, обучения кадров и практической реализации принципов и индикаторов социального качества будет иметь важное значение для интернационализации принципов этой теории с учетом специфических особенностей ее развития в различных страновых сообществах, а также ее обогащение достижениями теории уровня и качества жизни и ноосферного социализма. Доклад по этому вопро-

су на Форуме в Китае Лоурента ван дер Мазена, представлявшего международный журнал «Социальное качество» [The International Journal...2017, 22], был поддержан участниками Форума. Достигнуто согласие о том, что в результате проделанной работы в Китае созданы серьезные научно-практические заделы в разработке и применении теории социального качества [Construction on Social Policy...2016, 18; Social Quality of China...2017, 21], что позволяет заинтересованным организациям этой страны инициировать создание Международной Ассоциации социального качества, на первом этапе, в составе учреждений Китайской народной республики, России, Украины и заинтересованных стран Европейского союза. Участники Форума обратились к представителям Китайской народной республики и России провести консультации в институтах национальных академий наук и, в случае их поддержки, подготовить и принять решение о создании Международной Ассоциации социального качества, а затем, обратиться к заинтересованным организациям других стран о присоединении к этой Ассоциации.

Заключение

В настоящее время созданы теоретические предпосылки, накоплен практический опыт и имеется желание объединить международные усилия по сближению достижений теорий социального качества, уровня и качества жизни и ноосферного социализма для комплексной характеристики развития обществ. Важную роль в этом могло бы сыграть создание Международной Ассоциации социального качества. Это позволит обогатить знания о качестве современных обществ, выработать единые индикаторы для международных сопоставлений и расширить обмен опытом по повышению социального качества.

Благодарность

Авторы благодарят Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) за поддержку выполнения научного проекта «Российские средние классы: теоретико-методологические основы выявления, социальные стандарты идентификации, оценивание и увеличение численности», № 16-02-00533-ОГН, реализуемого в период 2016-2018 гг.

Список литературы

1. Айвазян С.А. Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации: их измерение, динамика, основные тенденции. Уровень жизни населения регионов России. 2002, С. 5-40.

References

1. Ajvazyan S.A. Analiz sinteticheskikh kategorij kachestva zhizni naseleniya sub"ektov Rossijskoj Federatsii: ikh izmerenie, dinamika, osnovnye tendentsii. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2002, S. 5-40.

2. Бобков В.Н., Мстиславский П.С. Качество жизни: сущность и показатели. Человек и труд. 1996. С. 48–52.
3. Бобков В. Уровень и качество жизни в Российском обществе: (2014 - 2016 гг.) размышления в связи с издательской серией: «Российское общество и вызовы времени». Российский экономический журнал, №6, 2017. С. 79-94.
4. Бобков В.Н., Колмаков И.Б. Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации. Экономика региона. 2017. Т.13, вып.4., С.971-984.
5. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. Киров: Константа, Москва: Академический проект, 2013. 412 с.
6. Вернадский В.И. Наука как планетарное явление. Собрание сочинений. т. 10. Под ред. Е.М. Галимова. 2013 г. 474 с.
7. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991-2005 гг.). Рук. авт. колл. В.Н. Бобков, М.: 2007. 719 с.
8. Маликов Н.С. К вопросу о содержании понятия «качество жизни». Уровень жизни населения регионов России. 2002, с. 17-25.
9. Римашиевская Н.М. Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века—Проект «Таганрог». М.: Российская академия наук, 2001.
10. Российское общество и вызовы времени. Книги 1- 5/ [М.К. Горшков и др.], под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2015 -2017.
11. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. Санкт-Петербург и Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова. 2001. 537 с.
12. Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма. Санкт-Петербург и Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова. 2011, С.108.
13. Субетто А.И. Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы. Изд-во Астерион, Санкт-Петербург, 2012. 76 с.
14. Abbott, P., Wallace C., Sapsford R. 2016. The Decent Society: Planning for Social Quality. London: Routledge.
15. Beck, W., F. Thomese, L. J. G. van der Maesen, and A. Walker, eds. 2001. Social Quality: A Vision for Europe. The Hague: Kluwer Law International.
16. Bobkov V. N., Bobkov N. V., Herrmann P. Searching for a New Way of Thinking Society for Today — Noospheric Social Quality. Экономика региона. №2, 2016, С.451-463
17. Bobkov V N, Bobkov N V . Searching for a New of Thinking about Society. A Noospheric Social Orientation for Development toward Sustainability. International Journal of Social Quality. Volume 7, Number 1, Summer 2017: 73-79. ISSN: 1757 - 0344 (Print) * ISSN: 1757-0352 (Outline) © Berghahn Books.
18. 李炜;高和荣 (Author), Li Wei;Gao He Rong (Editor) Construction on Social Policy for Improving Social Quality. 2016. 10. - 207p.
19. Gordon D. (2007) Measuring social quality in Asia and Europe: with Particular Reference to Socio –economic Security (2007)// The Second Social Quality Conference in Asia «Social Quality and Sustainable Welfare Societies: Towards a new partnership between Asian Universities and Universities of the European Union». Offprint 1, - 27p.
20. Lin. K., and P. Herrmann, eds. 2015. Social Quality Theory: A New Perspective on Social Development. New York: Berghahn Books.
21. Social Quality of China. Teory, Measurement and Policy. 2017. 5. - 212p.
22. The International Journal of Social Quality. Volume 7. November 2. Winter 2017. 137p.
23. Van der Maesen, L.J.G. and A. Walker, eds. 2012. Social Quality: From Theory to Indicators. New York: Palgrave MacMillan.
24. Van Renswoude, J., L.J.G. van der Maesen, and P. Herrmann. 2012. Development toward Sustainability: The Need for a Comprehensive Conceptual and Methodological Framework for New.
25. L.Zh.G. Van Der Maesen, Kh. Verkleydzh, Dzh. Van Rensuod (2010) Rezul'tatypervogo soveshchaniya nauchno-issledovatel'skogo tsentra po ustoychivomu razvitiyu [The results of the first meeting of the Research Centre for Sustainable Development]. The Hague: EFSK, August.
26. Walker, A. "Which Way for the European Social Model: Minimum Standards or Social Quality. p. 33- 53 in the Changing Face of Welfare", paper presented at the second Social Quality Conference in Asia: Social Quality and Sustainable Welfare Societies: Towards a New Partnership between Asian Universities of the European Union (2005).
2. Bobkov V.N., Mstislavskij P.S. Kachestvo zhizni: sushhnost' i pokazateli. CHelovek i trud.1996. S. 48–52.
3. Bobkov V. Uroven' i kachestvo zhizni v Rossijskom obshhestve: (2014 - 2016gg.) razmysleniya v svyazi s izdatel'skoj seriej: «Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni». Rossijskij ehkonomicheskij zhurnal, №6, 2017.S. 79-94.
4. Bobkov V.N., Kolmakov I.B. Vyyavlenie sotsial'noj struktury i neravenstva raspredeleniya denezhnykh dokhodov naseleniya Rossijskoj Federatsii. EHkonomika regiona.- 2017. - T.13, vyp.4., S.971-984.
5. Vernadskij V.I. Filosofskie mysli naturalista. Kirov: Konstanta, Moskva: Akademicheskij projekt, 2013. - 412s.
6. Vernadskij V.I. Nauka kak planetarnoe yavlenie. Sbranie sochinenij. t. 10. Pod. red. E.M. Galimova. 2013 g. - 474s.
7. Kachestvo i uroven' zhizni naseleniya v novoj Rossii (1991-2005gg). Ruk. avt. koll. V.N. Bobkov, M.: 2007. - 719 s.
8. Mal'kov N.S. K voprosu o soderzhanii ponyatiya «kachestvo zhizni». Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2002, s 17-25.
9. Rimashievskaya N.M. Zhenshina, muzhchina, sem'ya v Rossii: poslednyaya tret' XX veka-Proekt «Taganrog». M., Rossijskaya akademiya nauk, 2001.
10. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Knigi 1- 5/ [M.K. Gorshkov i dr.], pod red. M.K. Gorshkova.- M.: Ves' Mir, 2015 -2017.
11. Subetto A.I. Noosferizm. Tom pervyj. Vvedenie v noosferizm. Sankt-Peterburg i Kostromskoj gosudarstvennyj universitet im. N.A. Nekrasova. 2001. -537s.
12. Subetto A.I. Manifest noosfernogo sotsializma. Sankt - Peterburg i Kostromskoj gosudarstvennyj universitet im. N.A. Nekrasova. 2011, S.108.
13. Subetto A.I. Noosfernaya nauchnaya shkola v Rossii: itogi i perspektivy. Izd-vo Asterion, Sankt- Peterburg, 2012, - 76 s.
14. Abbott, P., Wallace C., Sapsford R. 2016. The Decent Society: Planning for Social Quality. London: Routledge.
15. Beck, W., F. Thomese, L. J. G. van der Maesen, and A. Walker, eds. 2001. Social Quality: A Vision for Europe. The Hague: Kluwer Law International.
16. Bobkov V. N., Bobkov N. V., Herrmann P. Searching for a New Way of Thinking Society for Today — Noospheric Social Quality. Экономика региона. №2, 2016, С.451-463
17. Bobkov V N, Bobkov N V . Searching for a New of Thinking about Society. A Noospheric Social Orientation for Development toward Sustainability. International Journal of Social Quality. Volume 7, Number 1, Summer 2017: 73-79. ISSN: 1757 - 0344 (Print) * ISSN: 1757-0352 (Outline) © Berghahn Books.
18. 李炜;高和荣 (Author), Li Wei;Gao He Rong (Editor) Construction on Social Policy for Improving Social Quality. 2016. 10. - 207p.
19. Gordon D. (2007) Measuring social quality in Asia and Europe: with Particular Reference to Socio –economic Security (2007)// The Second Social Quality Conference in Asia «Social Quality and Sustainable Welfare Societies: Towards a new partnership between Asian Universities and Universities of the European Union». Offprint 1, - 27p.
20. Lin. K., and P. Herrmann, eds. 2015. Social Quality Theory: A New Perspective on Social Development. New York: Berghahn Books.
21. Social Quality of China. Teory, Measurement and Policy. 2017. 5. - 212p.
22. The International Journal of Social Quality. Volume 7. November 2. Winter 2017. 137p.
23. Van der Maesen, L.J.G. and A. Walker, eds. 2012. Social Quality: From Theory to Indicators. New York: Palgrave MacMillan.
24. Van Renswoude, J., L.J.G. van der Maesen, and P. Herrmann. 2012. Development toward Sustainability: The Need for a Comprehensive Conceptual and Methodological Framework for New.
25. L.Zh.G. Van Der Maesen, Kh. Verkleydzh, Dzh. Van Rensuod (2010) Rezul'tatypervogo soveshchaniya nauchno-issledovatel'skogo tsentra po ustoychivomu razvitiyu [The results of the first meeting of the Research Centre for Sustainable Development]. The Hague: EFSK, August.
26. Walker, A. "Which Way for the European Social Model: Minimum Standards or Social Quality. p. 33- 53 in the Changing Face of Welfare", paper presented at the second Social Quality Conference in Asia: Social Quality and Sustainable Welfare Societies: Towards a New Partnership between Asian Universities of the European Union (2005).

Ноосферная социология жизненных сил, благополучия человека и общества – концептуальная основа социальной работы в XXI столетии

The Noospheric Sociology of Life Forces, the Wellbeing of Man and Society Is the Conceptual Basis of Social Work in the 21st Century

Получено 07.10.2018

Одобрено 21.10.2018

Опубликовано 30.11.2018

УДК: 316.4

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10048

ГРИГОРЬЕВ СВЯТОСЛАВ ИВАНОВИЧ

доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ведущий научный сотрудник Института художественного образования и культурологии Российской академии образования
Email: garry_2005@mail.ru

GRIGOR'YEV, SI

Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of RAO, Leading Research Worker of the Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education
Email: garry_2005@mail.ru

ГУСЛЯКОВА ЛЮДМИЛА ГЕРАСИМОВНА

доктор социологических наук, профессор, международный магистр социальной работы, профессор кафедры менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры
Email: guslyakova@mail.ru

GUSLYAKOVA, LG

Doctor of Sociological Sciences, Professor, International Master of Social Work, Professor at the Chair of Information Resources Management of the Altay State Institute of Culture
Email: guslyakova@mail.ru

ГОВОРУХИНА ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры
Email: govorgv@gmail.com

GOVORUKHINA, GV

PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Information Resources Management at the Altay State Institute of Culture
Email: govorgv@gmail.com

Аннотация

Объект исследования. Ноосферная социология.

Предмет исследования. Особенности ноосферной социологии жизненных сил, благополучия человека и общества как концептуальной основы социальной работы в XXI столетии.

Теоретическая сторона предмета. Обоснование ноосферной социологии как новой парадигмы социальной работы в XXI веке.

Эмпирическая сторона предмета. Опрос населения 17 регионов России о смысле жизни и справедливости для повышения эффективности разработки виталистской модели социальной работы в современном обществе.

Цель исследования. Выявление мнения населения о смысле жизни и справедливости в современных регионах России.

Основные теоретические и эмпирические положения статьи. В начале статьи авторы обозначили факторы, которые актуализируют рассмотрение тематики статьи. Авторы, во-первых, раскрывают особенности социальной защиты населения в мировом социальном пространстве во второй половине XX века, обосновывая тезис о том, что виталистская социология играет интегративную роль в формировании виталистской модели социальной работы. Социологическое сопровождение характерно не только для российской, но и зарубежной теории и практики социальной работы. Во-вторых, в начале XXI века изменяется миссия социальной работы в мире – от социальной помощи к социальному благополучию. При этом авторы отмечают, что современная социальная культура предполагает разнообразие форм и масштабов обеспечения социального благополучия человека и общества в различных исторических и социокультурных контекстах. Это подтверждают результаты опросов населения в 17 регионах России относительно смысла жизни и справедливости. В-третьих, на основе анализа результатов этих опросов авторы обосновывают необходимость использования ноосферной социологии как концептуальной основы разработки виталистской модели социальной работы в условиях становления общества ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции. При этом подчеркивают, что базовым исследовательским методом ноосферной социологии как науки выступает принцип определения характера взаимодействия жизненных сил

Abstract

The Object of the Study. Noosphere sociology.

The Subject of the Study. Features of the noospheric sociology of vital forces, well-being of man and society as a conceptual basis of social work in the XXI century.

The Theoretical Aspect of the Subject. The rationale for noospheric sociology as a new paradigm of social work in the XXI century.

The Empirical Aspect of the Subject. Survey of the Population of 17 Regions of Russia on the Meaning of Life with Justice to Increase the Efficiency of Developing a Vitalistic Model of Social Work in Modern Society.

The Purpose of the Study is to identify public opinion about the meaning of life from justice in modern regions of Russia.

The Main Theoretical and Empirical Provisions of the Article. The authors identified the factors that actualize the consideration of the topic of the article. The authors, first, reveal the features of social protection of the population in the world social space in the second half of the twentieth century, justifying the thesis that vitalist sociology plays an integrative role in shaping the vitalist model of social work. Sociological support is characteristic not only for Russian, but also for foreign theory and practice of social work. Secondly, at the beginning of the 21st century, the mission of social work in the world changes from social assistance to social well-being. At the same time, the authors note that social culture today involves a variety of forms and scales of ensuring the social wellbeing of a person and society in various historical and socio-cultural contexts. This is confirmed by the results of population polls in 17 regions of Russia regarding the meaning of life and justice. Thirdly, on the basis of an analysis of the results of these surveys, the authors substantiate the need to use noospheric sociology as a conceptual basis for developing a vitalist model of social work in the conditions of the formation of a noospheric civilization of controlled socio-natural evolution. At the same time, they emphasize that the basic research method of noospheric sociology as a science is the principle of determining the nature of the interaction of the vital forces of man and society with the space of their existence in specific sociohistorical, natural and socio-cultural conditions.

человека и общества с пространством их бытия в конкретных социально-исторических, природных и социокультурных условиях.

Ключевые слова: ноосферная социология; виталистская социология социальной работы; социальное благополучие.

Keywords: noospheric sociology; vitalist sociology of social work; social well-being.

Говоря об актуальности и росте сложности проблем социальной работы в условиях становления ноосферного общества цивилизации управляемой социоприродной эволюции, его концептуального осмысления в современной социологии, необходимо учитывать и общую мировоззренческую ситуацию в мире, а также в России, переживающей с 1991 года очередную революционную ломку уклада общественной жизни, каждого человека, доминирующих смыслов его бытия, представлений о справедливом и несправедливом. Что касается доминирующей научной картины мира, то сегодня в такой роли оказалась *диатропика* – диатропическое видение мира, опирающееся на системно-синергетическую картину мира, доминировавшую большую часть второй половины XX века.

Такая доминирующая научная картина мира, формируя современные мировоззренческие основания научного мышления, взаимодействует со всеми основными формами общественного сознания: религией, мифологией, моралью, идеологией, искусством, философией, обыденным сознанием. В связи с формированием ноосферной социологии жизненных сил, благополучия человека и общества, ее влиянием на социальную работу такое развитие событий становится особо важным, принципиально значимым, стратегически и технологически инновационным, а также интегрирующим традиции и новации, консерватизм и модернизацию. Все это сегодня неизбежно должно быть реализовано и концептуально, методологически и социально-технологически, на практике [Абрамян, 2007, 1; Вернадский, 2013, 3; Ноогенез, 1996, 13; Проблемы, 1996, 15; Русский, 1989, 16; и др.].

Такие масштабы теоретико-методологического и социально-технологического обновления социальной работы, сочетая социогенетику, социально-исторический опыт и новации, актуально-сетевую модернизацию, потребовали и более обстоятельного осмысления полипарадигмальности и монизма социологии как одной из базовых научных дисциплин, определивших развитие социальной работы и как теории, и как практики социальной помощи.

Виталистская социология играет в этих процессах масштабно значимую интегративную и дифференцирующую роль [Пригорьев, 2001, 4; Неклассическая, 2003, 12; Ноосферизм, 2017, 14; Субетто, 1998, 18; и др.]. Она в зависимости от развитости жизненных сил человека и среды его обитания, наличия или отсутствия аномалий физического, психического и социального здоровья, а также стандартизации социальной помощи разным категориям нуждающихся задает стратегии и выбор технологий такой помощи, характер социальной поддержки. В России на рубеже XX-XXI веков сформировалась не только виталистская теория социальной работы, основанная на социологическом витализме, но и виталистская модель социальной работы, новой культуры социальной помощи [Пригорьев, 2002, 6; Гусякова, 2006, 7; и др.].

Изучение истории и теории социальной работы в России, а также за рубежом в последние 2-3 десятилетия показало, что и в прошлом элементы социологического витализма, виталистской теории и практики социальной работы были достаточно значимы, сохранялись постоянно. Эта тенденция развивалась в создании специальной виталистской теории социальной работы, виталистской модели практики социальной работы, о чем свидетельствует и опыт, и научно-образовательные практики, представленные в различных публикациях [Бондер, 2003, 2; Келли, 1997, 9; Леннеер-Аксельсон, 1992, 10; 2010 Joint, 2010, 19; Payne, 1991, 20; Selected, 2002, 21; и др.]. Это – характерное явление не только российской, но и зарубежной теории и практики социальной работы, ее социологического сопровождения.

Во второй половине XX века в мировом социальном пространстве развития систем социальной защиты внимание и роль человека труда в государствах социалистического содружества привело к доминированию понимания социального благополучия как благополучия человека и общества, обеспечиваемого включенностью личности во все основные сферы общественных отношений как субъектов социальной жизни, обладающих достойным уровнем и качеством жизни. Организация общества и государства, активность

и культура личности выступают основой социального благополучия человека и общества, показателями этого благополучия.

Вместе с тем современная социальная культура предполагает наличие разнообразия форм и масштабов обеспечения социального благополучия человека и общества в различных исторических и социокультурных контекстах, социальных микрорайонах жизни, бытия каждого индивида, что имеет прямое отношение к доминирующим смыслам жизни каждого из нас. В связи с чем, говоря о благополучии человека и общества, нельзя игнорировать их доминирующие смыслы жизни и социальные идеалы.

Это подтверждают результаты опросов населения о смысле жизни и справедливости, проведенных в 17 регионах России в 2013-2017 годах под руководством С.И. Григорьева.

Участники опросов выбирали следующие определения смысла жизни, которые им близки:

- ориентация на ценности семьи, семейно-бытовое благополучие, служение родным и близким – 20%;

- стремление к достижению личного успеха в бизнесе, предпринимательской деятельности, получении прибыли, эффективности личностного развития – 18%;

- ориентация на получение различных видов наслаждений, гедонизм личной и общественной жизни – 16%;

- ориентации, интерес к политической деятельности, участию в работе органов власти (12%);

- стремление к достижению общественно-значимых целей, служение обществу и государству, людям, общему благу (10%).

Реже других по массовости были упомянуты следующие доминирующие на личностном уровне ориентации: во-первых, интерес, увлеченность деятельностью по защите природы, решению экологических проблем – 5%; во-вторых, стремление к истине, глубоким научным знаниям, открытиям, новым изобретениям – 6%; кроме того, здесь оказались и такие смысложизненные ориентации, как служение Богу, высшим духовно-религиозным ценностям (7%). Затруднившихся с ответом оказалось 2%.

Очевидно, что без учета специфики означенных представлений о смысле жизни решение задач обеспечения благополучия общества и человека не может быть эффективным. И не только потому, что восприятия людьми своего благополучия связывается, в главном, с реализацией смысложизненных ориентаций, но и в силу того обстоятельства, что благополучие общества

в ориентациях переменных нередко сочетается с благополучием личности весьма противоречиво, а порой и вовсе противоречит одно другому. Разумеется, эта проблема требует решения с участием целого ряда государственных инструментов и гражданского общества.

Не менее сложны в этой связи сочетания представлений о справедливости и задач обеспечения благополучия человека и общества в современной России:

- справедливость как соблюдение нравственных норм, моральных правил поведения личности, человеческая порядочность в личной и общественной жизни – 18%;

- справедливость как законность, соблюдение законов, юридическое равноправие – 16%;

- справедливость как обеспечение естественных различий, разнообразия социального и имущественного положения представителей различных слоёв населения – 13%;

- справедливость как воздание по заслугам, соответствующее поощрение или наказание – 12%;

- справедливость как социальное равенство положения жителей, населения страны – 11%;

- справедливость как сохранение и защита, развитие жизни, обеспечение её безопасности, благополучия – 10%;

- справедливость как социально справедливое равенство и неравенство социального положения, благополучия людей – 6%.

Менее других оказались распространены такие представления о справедливости как служение подлинным ценностям и целям духовно-культурного национально-государственного развития (4%); как служение прекрасному, его творение и защита в жизни человека и общества (3%); как служения Богу религиозным истинам, святым верованиям (1%).

Трактовки этих характеристик справедливости связаны с решением проблем обеспечения благополучия человека и общества. Они в значительной мере корреспондируются с определением смысложизненных ориентаций, характеристикой смыслов жизни, которые также связаны с решением вопросов обеспечения благополучия человека и общества.

Всё это в полной мере отражает содержание анализа проблем благополучия, справедливости и развития смыслов жизни, их реализации в жизни людей в контексте социологии витализма.

Виталистская теория социальной работы в конце XX века возникла и оформилась в России в контексте новой социологической парадигмы – виталистской социологии, которая основывается

на специфическом определении ее объекта, предмета и базового исследовательского метода, а также исходных, первичных категорий. Определение этих категорий и понятий дает хорошие основания, фундамент для понимания особенностей не только виталистской теории и модели практики социальной работы, но и ее ноосферной концепции и моделей реализации в условиях становления культурвитализма мышления и бытия ноосферного общества цивилизации управляемой социоприродной эволюции.

Акцентуация социологическим витализмом значимости *социального здоровья* человека и общества, *социальной культуры*, обеспечивающей оптимальное сочетание в жизни людей, человека, общества и государства природно-экологического и социокультурного, общественного и личностного, социально-исторического, социогенетического и актуально-сетевого, повседневно-прагматического, закономерно объективно-неизбежно привела к возникновению *ноосферной социологии*. Это стало и отражением требований современного общественно-цивилизационного развития, в котором еще в XX веке был начат процесс перехода человечества от традиционного потребительского стихийно-эксплуататорского общества к ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции, где Разум и Духовность, интегрируясь, будучи востребованы именем спасения жизни на Земле, определили на основе витализма, социологии жизненных сил человека и общества возникновение ноосферной социологии, ноосферного общественознания и человекознания в целом.

Эти отрасли научного знания под влиянием доминирующей новой научной картины мира, которая, как и цивилизационные трансформации общественного развития, стимулирует развитие ноосферологии, отдельных отраслей науки, ориентированных на знания о путях перехода человечества к ноосферной цивилизации, требующей от людей, живущих на планете Земля, нового образа жизни, интеграции Разума и Духовности, Этики и Рационализма, сочетания общественного и личностного, новых форм общественного устройства, государственности и международного сотрудничества, взаимодействия бизнеса, государства и общественных организаций «третьего сектора». Все это, как никогда в прошлом, на фоне усложнения современного общества и человека, их социальных коммуникаций и содержания деятельности, роста рисков для жизни повышает значимость развития социологии, которая превращается в ноосферную социологию, опирающуюся на социологический витализм, ноосферологию как интегративное течение современного

научного знания, где доминирующей научной картиной на рубеже XX-XXI веков стала диатропика, пришедшая на смену системной, а, точнее говоря, системно-синергетической научной картине мира, доминировавшей большую часть второй половины XX столетия [Материалы, 2018, 11].

Объектом ноосферной социологии в современных условиях выступают процессы формирования и функционирования общества, личности ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции, их жизненных сил и пространства жизнедеятельности, социальных отношений как взаимозависимости людей по поводу их жизненного пространства, средств к жизни, обеспечиваемых интеграцией Разума и Духовности, Рационального и Морального.

Предметом ноосферной социологии сегодня является совокупность закономерностей и специфика процессов формирования и функционирования общества и личности в контексте становления ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции, их жизненных сил и пространства бытия, социальных отношений как взаимозависимости людей по поводу их жизненного пространства, средств обеспечения жизни, гарантируемых интеграцией Разума и Духовности, Рационального и Морального.

Базовым исследовательским методом ноосферной социологии как науки выступает принцип определения характера взаимодействия жизненных сил человека и общества с пространством их бытия в конкретных социально-исторических, природных и социокультурных условиях под влиянием интеграции в жизни людей Рационального и Духовного, Разума и Морали, социально-исторического, социогенетического и актуально-сетевого, повседневно-прагматического.

Растущая значимость ноосферной социологии и социологического витализма в условиях усложнения общества и человека на этапе перехода человечества от традиционного потребительского стихийно-эксплуататорского общества к ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции не могла не повысить роль такой специальной среднеуровневой социологической теории как *ноосферная виталистская социология социальной работы*, где сегодня активно формируется терминология и технологии виталистской ноосферной модели социальной помощи и поддержки различных групп населения. В России это происходит чаще в контексте развития научной школы виталистской теории и практики социальной работы, возникшей на основе достижений Алтайской социологической школы 1990-х годов.

Виталистская теория и практика социальной работы, разработанная на Алтае, активно стимулировала развитие ноосферной виталистской стратегии и технологий социальной помощи, эволюции ноосферных практик социальной поддержки различных групп населения.

Таким образом, в настоящее время приоритетность развития теории и практики социальной работы представляется наиболее актуальным на основе ноосферной социологии жизненных сил, благополучия человека и общества. И эта ориентация дает хорошие результаты в развитии социальной работы не только как науки, но и как образовательной технологии, а также социаль-

но-технологической практики, что подтверждено созданием целого ряда новых моделей социальной работы, ее концептуальной модернизации, образовательного и рекламно-просветительского обеспечения [Григорьев, 2006, 5; Гусякова, 2017, 8; Ноогенез, 1996, 13; Современная, 2016, 17; и др.].

Сегодня вполне очевидно, что ноосферная социология жизненных сил, благополучия человека и общества становится наиболее перспективной концептуальной основой социальной работы в XXI столетии. Иного в условиях становления общества ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции, ноосферного социализма – не дано!

Список литературы

1. Абрамян А. Космическая одиссея XXI века: путь к спасению / А. Абрамян. Москва: ИД Магистр-Пресс, 2007. 108 с.
2. Бондер С. Социальная работа в экологической перспективе: от общественного благосостояния к качеству жизни / С. Бондер // Теория и практика социальной работы: основные направления развития в XX-XXI веках (отечественный и зарубежный опыт): хрестоматия / сост. и науч. ред. С. И. Григорьев, Л. Г. Гусякова. – 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Издательский дом Магистр-Пресс, 2004. С. 98-105.
3. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. Москва: Айрис-пресс, 2013. 576 с.
4. Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего / С. И. Григорьев. Барнаул: Изд-во АРНЦ СО РАО, 2001. 229 с.
5. Григорьев С.И. Социальная работа с молодежью: учебник / С. И. Григорьев, Л. Г. Гусякова, С. А. Гусова. Москва: Гардарики, 2006. 208 с.
6. Григорьев С.И. Социология для социальной работы / С. И. Григорьев, Л. Г. Гусякова. Москва: ИД Магистр-Пресс, 2002. 164 с.
7. Гусякова Л.Г. Виталистская модель теории и практики социальной работы: монография / Л. Г. Гусякова. Барнаул: Азбука, 2006. 196 с.
8. Гусякова Л.Г. Социальное образование: учебное пособие по направлению подготовки 51.04.03 «Социально-культурная деятельность» (уровень магистратура) / Л. Г. Гусякова, Г. В. Говорухина, С. И. Григорьев. Барнаул: Изд-во АГИК, 2017. 201 с.
9. Келли Дж. А. Проблема социальной работы на селе: американский взгляд / Дж. А. Келли // Социальная работа в сельских регионах и образование в области социальной работы / под ред. Л. Г. Гусяковой. Барнаул: День, 1997. 177 с.
10. Леннеер-Аксельсон Б. Психосоциальная работа с детьми и подростками / Б. Леннеер-Аксельсон // Социальная работа. Вып.1. Москва, 1992. С. 21-28.
11. Материалы международной научно-практической конференции «В. И. Вернадский и перспективы развития российской науки» (к 155-летию со дня рождения В. И. Вернадского), Санкт-Петербург, 12–13 марта 2018 г. / СЗИУ РАНХиГС. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. 244 с.
12. Неклассическая социология в современной России: накопление методологического потенциала и технологических возможностей / под ред. С. И. Григорьева. Москва; Барнаул: Изд-во АРНЦ СО РАО, 2003. 288 с.
13. Ноогенез и образование. Построение ноосферной школы: [В 2 т.] / под ред. А. М. Буровского. Т. 1. Красноярск: Изд-во НМЦНЭО, 1996. 233 с.

References

1. Abrahamyan, A. The Cosmic Odyssey of the 21st Century: The Way to Salvation / A. Abrahamyan. – Moscow: ID Magister-Press, 2007. – 108 p.
2. Bonder, S. Social work in the ecological perspective: from public welfare to quality of life / S. Bonder // Theory and practice of social work: the main directions of development in the XX-XXI centuries (domestic and foreign experience): reader / comp. and scientific ed. S.I. Grigoryev, L.G. Guslyakova. – 2nd ed., ext. and pererab. – Moscow: Magister Press Publishing House, 2004. – P. 98-105.
3. Vernadsky, V.I. Biosphere and noosphere / V.I. Vernadsky; preface by R.K. Balandin. – Moscow: Iris Press, 2004. – 576 p.
4. Grigoryev, S.I. Vitalistsky sociology: the paradigm of the present and the future / S.I. Grigoryev. – Barnaul: Publishing house of ARNC SO RAE, 2001. – 229 p.
5. Grigoriev, S. I. Social work with youth: a textbook / S. I. Grigoriev, L. G. Guslyakova, S. A. Gusova. Moscow: Gardariki, 2006. – 208 p.
6. Grigoriev, S. I. Sociology for social work / S. I. Grigoriev, L. G. Guslyakova. Moscow: Magister Press Press, 2002. – 164 p.
7. Guslyakova, L. G. The vitalist model of the theory and practice of social work: monograph / L. G. Guslyakova. – Barnaul: ABC, 2006. – 196 p.
8. Guslyakova, L. G. Social Education: A Manual in the Direction of Training 51.04.03 “Social and Cultural Activity” (Master’s Level) / L. G. Guslyakova, G. V. Govorukhina, S. I. Grigoriev. Barnaul: AGIC publishing house, 2017. – 201 p.
9. Kelly, J. A. The Problem of Social Work in the Countryside: An American Perspective / J. A. Kelly // Social Work in Rural Regions and Education in the Field of Social Work / ed. L. G. Guslyakova. Barnaul: Day, 1997. – 177 p.
10. Lenneer-Axelsson, B. Psychosocial work with children and adolescents / B. Lenneer-Axelsson // Social work. Issue 1. – Moscow, 1992. – p. 21-28.
11. Materials of the international scientific-practical conference “V. I. Vernadsky and the Prospects for the Development of Russian Science” (on the 155th anniversary of the birth of V. I. Vernadsky), St. Petersburg, March 12–13, 2018 / SZIU RANEPА. – Spb.: CPI SZIU RANEPА, 2018. – 244 p.
12. Non-classical sociology in modern Russia: the accumulation of methodological potential and technological capabilities / ed. S. I. Grigorieva. – Moscow; Barnaul: Publishing house of the ARNC SO RAO, 2003. – 288 p.
13. Noogenesis and education. Building a noospheric school: [In 2 t.] / Ed. A.M. Burovsky. T. 1. Krasnoyarsk: Publishing house NMTSNEO, 1996. 233 p.
14. Noosphereism - a new way of development: a collective scientific monograph / for scientific. ed. G.M.Imanov and A.A.Gorbunov (based on the materials of the International

14. Ноосферизм – новый путь развития: коллективная научная монография / под науч. ред. Г.М.Иманова и А.А.Горбунова (по материалам Международной научной конференции, посвященной 80-летию известного ученого Субетто Александра Ивановича, – СУБЕТТОВСКИХ ЧТЕНИИ, состоявшихся 28 января 2017 г. в Санкт-Петербурге, в Смольном институте РАО). В 2-х книгах. СПб.: Астерион, 2017. 920 с.
15. Проблемы ноосферы и устойчивого развития : материалы Первой международной конференции. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1996.
16. Русский космизм и Ноосфера / ред.-сост. О. Д. Куракина. Москва: МФТИ, 1989. 189 с.
17. Современная история: поиск справедливости и благополучия, безопасности и новой культуры жизни?... Или... (российские эксперты о столетии социалистической революции в России 1917 г.). Москва: МФСПиК, 2016. 47 с.
18. *Субетто А.И.* О внутренней линии генезиса неклассичности социологии – социогенетике / А. И. Субетто, С. И. Григорьев // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований / под ред. С. И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттера. Москва: Интеллект, 1998. 272 с.
19. 2010 Joint World Conference on Social Work and Social Development: The Agenda: Abstract Book. - IFSW, 10th-14th June 2010. - Hong Kong, 2010. – 456 P.
20. *Payne M.* Modern Social Work Theory. A critical introduction. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan, 1991. P. 201–224.
21. Selected Abstracts Conference of the International Association of Schools of Social Work (15-18 joule Montpellier, France). France, 2002. 352 P.
- Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of the famous scientist Subetto Alexander Ivanovich - SUBETTOVSKIE READINGS, held on January 28, 2017 in St. Petersburg, at the Smolny Institute of RAO). In 2 books. - SPb .: Asterion, 2017. 920 p.
15. Problems of the noosphere and sustainable development: proceedings of the First International Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1996.
16. Russian cosmism and Noosphere / ed.-comp. O. D. Kurakin. Moscow: MIPT, 1989. 189 p.
17. Modern history: the search for justice and prosperity, security and a new culture of life? ... Or ... (Russian experts on the centenary of the socialist revolution in Russia in 1917). - Moscow: MFSPiK, 2016. - 47 p.
18. *Subetto, A. I.* On the inner line of the genesis of non-classical sociology - sociogenetics / A. I. Subetto, S. I. Grigoriev // Sociology on the threshold of the XXI century: new research directions / ed. S.I. Grigorieva, J. Cohenen-Hutter. - Moscow: Intellect, 1998. - 272 p.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Средние классы в капиталистической России (представление научной монографии)

Middle Classes in the Capitalist Russia (Presentation of the Scientific Monograph)

Получено 18.10.2018 Одобрено 30.10.2018 Опубликовано 30.11.2018 УДК: 330.59./331

БОБКОВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник научной школы «Управление человеческими ресурсами» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Email: bobkovvn@mail.ru

ОДИНЦОВА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА

канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Email: odin_ev@mail.ru

BOBKOV, VYACHESLAV NIKOLAYEVITCH

Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences, Chief Research Worker of the Scientific School «Human Resource Management» at G V Plekhanov Russian University of Economics
Email: bobkovvn@mail.ru

ODINTSOVA, YELENA VALER'YEVNA

PhD in Economics, Leading Research Worker of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences
Email: odin_ev@mail.ru

Опубликована научная монография: *Средние классы в капиталистической России* / коллектив авторов; гл. науч. ред. В.Н. Бобков; редкол.: Е.В. Одинцова (зам. гл. ред.), В.Г. Квачев, И.Б. Колмаков, В.В. Павлова. М.: КНОРУС, 2018. 208 с.

В монографии представлены результаты проведенного авторами исследования, посвященного проблематике идентификации средних классов. В отличие от других исследований авторы рассматривают средний класс как феномен, представляющий собой социальные слои внутри общественных классов наемных работников, работодателей и предпринимателей, не являющихся работодателями, и социальной группы самозанятых работников.

Авторы комплексно подходят к проблеме идентификации российских средних классов, основываясь при их выявлении на объективных (положение в сфере занятости и уровень образования, материально-имущественная обеспеченность) и субъективных критериях. В качестве инструментальной основы для проведения многокритериального оценивания средних классов предлагаются социальные стандарты, определяющие признаки, соответствующие модели качества и уровня жизни представителей средних классов. Обоснованы и представлены в монографии следующие социальные стандарты, предлагаемые авторами для оценки принадлежности к средним

классам и выявления потенциала их формирования.

1. Социальные стандарты в рамках объективных критериев идентификации средних классов:

- 1.1. Социальные стандарты образования;
- 1.2. Социальные стандарты положения в сфере занятости;
- 1.3. Социальные стандарты душевых денежных доходов;
- 1.4. Социальные стандарты сбережений;
- 1.5. Социальные стандарты доходов от основной занятости;
- 1.6. Социальные стандарты обеспеченности недвижимым имуществом;

2. Социальные стандарты в рамках субъективного критерия идентификации средних классов.

Социальные стандарты для оценки принадлежности к средним классам обоснованы авторами исходя из взаимосвязи различных аспектов качества и уровня жизни населения, что прослеживается во взаимообусловленности требований стандартов по соответствующим идентификационным критериям, и имеют двух-(трех-)уровневую структуру, фиксируя границы принадлежности к средним классам и его структурным группам.

Проведено оценивание масштабов потенциала средних классов среди занятого населения,

определяемого соответствием критериям и социальным стандартам идентификации. Авторами на данных официальной статистики и негосударственного общероссийского репрезентативного мониторингового обследования показано, что наиболее высокий потенциал российских средних классов обусловлен уровнем профессионального образования, положением в сфере занятости, а также самоидентификацией. Существенное сжатие границ потенциала средних классов было выявлено по критериям материально-имущественной обеспеченности. Авторы приходят к выводу, что на современном этапе потенциал формирования средних классов в России ограничен в связи с тем, что у потенциальных их представителей имеющийся уровень душевых денежных доходов, сбережений, доходов от основной занятости, обеспеченности недвижимым имуществом не позволяют преодолеть необходимый порог, идентифицирующий принадлежность к средним классам, и, соответственно, войти в состав средних классов.

В монографии представлена авторская методика идентификации российских средних классов на основе многокритериального оценивания, определяемая интегрированным учетом потенциалов их формирования по обоснованным критериям и социальным стандартам. Проводится оценка численности российских средних классов в рамках многокритериального оценивания, их структурирование, определяется состав средних классов при идентификации на основе интегрированного учета предложенных критериев и социальных стандартов.

Авторы не ограничиваются проработкой теоретико-методологических основ определения средних классов, их количественной и качественной идентификацией. По результатам проведенного исследования определены механизмы увеличения численности российских средних классов, связанные с выявленными по итогам исследова-

ния барьерами, приводящими к сжатию, недоиспользованию имеющегося потенциала, показанного по различным критериям и социальным стандартам. Среди основных механизмов увеличения численности средних классов в монографии предложены: создание высокопроизводительных рабочих мест для реализации неиспользуемого образовательного потенциала работников, стимулирование развития предпринимательской деятельности и самозанятости, повышение уровня и снижение неравенства распределения душевых денежных доходов, повышение уровня доходов от основной занятости, повышение уровня жилищной обеспеченности, в том числе, через реализацию более высоких стандартов площади вновь вводимого жилища и уровня его благоустроенности и др.

Монография обобщает основные результаты исследовательского проекта «Российские средние классы: теоретико-методологические основы выявления, социальные стандарты идентификации, оценивание и увеличение численности», реализуемого в период 2016-2018 гг., и подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках выполнения научного проекта № 16-02-00533-ОГН.

Авторы надеются, что монография будет интересна исследователям, занимающимся проблематикой идентификации средних классов, социальных структур, оценивания уровня и качества жизни населения, преподавателям и практикующим работниками, и послужит основой для развития соответствующих дискуссий, теоретико-методологических подходов, исследовательского инструментария и актуализации государственной социальной политики по увеличению численности и структуры средних классов в российском обществе.

Информация о монографии представлена в электронной библиотеке издательства КноРус, см. ссылку: <https://www.book.ru/book/931351>

Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения (представление научной монографии)

Precarious Employment in the Russian Federation: Theory and Methods of Identification, Evaluation and the Vector of Decreasing (Presentation of the Scientific Monograph)

Получено 18.10.2018 Одобрено 30.10.2018 Опубликовано 30.11.2018 УДК: 331.5

БОБКОВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник научной школы «Управление человеческими ресурсами» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Email: bobkovvn@mail.ru

BOBKOV, VYACHESLAV NIKOLAYEVITCH

Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS, Chief Research Worker of the Scientific School «Human Resource Management» at G V Plekhanov Russian University of Economics
Email: bobkovvn@mail.ru

НОВИКОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ, доцент кафедры финансовой стратегии московской школы экономики МГУ
Email: novikovalV5@gmail.com

NOVIKOVA, IV

Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Centre for Strategic Studies at Institute of Mathematical Research of Complex Systems, Lomonosov Moscow State University, Associate Professor of Financial Strategy Department, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University
Email: novikovalV5@gmail.com

Опубликована научная монография: **«Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения»**: научная монография / коллектив авторов; гл. науч. ред. В.Н. Бобков; редкол.: И.В. Новикова (зам. гл. ред.), В.Г. Квачев, И.Б. Колмаков, Н.В. Локтюхина, Н.Л. Лютов, Ю.Г. Одегов, Е.В. Одинцова, В.В. Павлова, И.А. Шичкин. Москва: КНОРУС, 2018. 340 с.

Данная монография является вторым комплексным научным трудом, подготовленным коллективом исследователей при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках выполнения научного проекта: «Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения», № 16-18-10140.

Первая монография в рамках данного исследования вышла в свет в 2017 году: **«Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда»**: Монография / Главный научный редактор д.э.н., проф. В.Н. Бобков. Редакционный коллектив: О.Н. Альхименко, В.Г. Квачев, И.Б. Колмакова, Н.В. Локтюхина, В.Р. Мешков, И.В. Новикова, Ю.Г. Одегов, Е.В. Одинцова, В.В. Павлова, И.А. Шичкин. М.: Изд-во РеалПринт, 2017. 560 с.

В монографии **«Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения»** раскрывается феномен неустойчивой занятости,

ее теоретические аспекты и трансформация подходов к изучению, причины и последствия, особенности проявления в цифровой экономике, проводится оценивание масштабов, и намечаются направления их снижения. Рассматриваются политические аспекты этой глобальной проблемы современности и возможные парадигмальные пути ее решения.

Теория неустойчивой занятости рассмотрена через призму трансформации подходов к ее изучению, определения причин и последствий. В монографии представлен экономико-социологический генезис понятия неустойчивой занятости. Даны две дискуссионные точки зрения: неустойчивость – это локальные беспорядки или новый глобальный порядок. Авторами проведен анализ динамики международного и национального разделения труда, глубины влияния четвертой индустриальной революции на изменение природы труда и на неустойчивость занятости.

Науковедческий анализ теории неустойчивой занятости включает в себя определение актуальности проблемы научного статуса теории неустойчивой занятости, выявление предпосылок и исторических аспектов развития этой теории в России, ее особенности и компоненты научности теории неустойчивой занятости.

Авторами сделана попытка оценить масштабы неустойчивости занятости. С этой целью были проанализированы имеющиеся критерии, разра-

ботанные Международной организацией труда, а также выявлены новые критерии неустойчивой занятости, предложенные участниками исследовательского проекта. На основе этого составлены обобщенные критерии неустойчивой занятости, определена вероятность и степень неустойчивости, верхняя и нижняя границы размеров неустойчивой занятости.

В монографии приведены результаты проведенного социологического исследования неустойчивой занятости, на основе которых были составлены характеристики условий труда работников, определен доступ к механизмам социальной защиты, выявлены самооценка материального положения, а также влияние показателей макроэкономики на показатели и индикаторы неустойчивой занятости.

Авторы рассмотрели наиболее актуальные тенденции развития современного мира, революцию 4.0 и трансформацию сферы труда, в частности неустойчивость занятости в цифровой экономике. Проведено исследование неустойчивой занятости через призму интернет-платформ. В монографии представлена оценка навыков работников в условиях современных информационно-коммуникационных технологий и гибкой неустойчивой занятости.

Практико-ориентированными являются предложения авторов по снижению масштабов неустойчивой занятости, в том числе рисков неустойчивости занятости для разных категорий населения (например, иностранных работников, людей с инвалидностью, в зависимости от возраста, пола, уровня образования, наличия квалификации и профессии). Достаточно подробно в монографии представлена проблема неустойчивой занятости трудовых и вынужденных мигрантов, а также направления снижения их неустойчивости.

Авторами рассмотрено совершенствование инфраструктуры и институтов рынка труда, проблемы в их функционировании, приводящие соискателей рабочих мест в неустойчивую занятость.

Практической значимостью обладают предложенные механизмы правового регулирования нетипичных трудовых отношений как способа сокращения неустойчивой занятости.

Данная монография представляет собой результат комплексного актуального научного исследования, ознакомление с которым может стать весьма полезным для широкого круга читателей, занимающихся проблемами занятости, рынка труда и качества трудовой жизни и общества.

Информация о монографии представлена в электронной библиотеке Издательства КноРус, см ссылку:

<https://www.book.ru/book/931350/>

Содержание выпусков журнала в 2018 году

Выпуск 1/2018

Колонка главного редактора

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одинцова Е.В.

Индикаторы неустойчивой занятости по найму в формальной экономике в России, количественное оценивание

Бобков В.Н., Долгушкин Н.К.

Пространственное неравенство качества и уровня жизни населения: Уральский и Приволжский федеральные округа и Россия в целом (2013–2016 гг.)

Кадошцева С.В., Пивкина Н.Ю.

Государственные финансы и качество жизни населения регионов (на примере ДФО)

Зленко Е.Г.

Ограниченность прожиточного минимума трудоспособного населения как инструмента регулирования минимального уровня трудовых доходов в России и ее арктическая специфика

Катабай П.Х.

Проблемы функционирования локальных рынков труда в контексте новой экономической реальности

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Григорьев С.И., Катаева В.И., Фомичева Т.В.
Инновационные практики социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) по делам семьи и детей в России.

Юдина М.А.

Социальные перспективы проекта цифровая экономика РФ 2017–2030

Гузанова А.К., Шнейдерман И.М.

Жилищная проблема с точки зрения семейных ценностей и предпочтений

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Субетто А.И.

Ноосферная парадигма стратегии восходящего воспроизводства населения России

Коломиец Б.К.

Разум в процессе интеллектуализации: современный цикл

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России»

Выпуск 2/2018

Колонка главного редактора

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Колмаков И.Б.

Социальная структура российского общества по уровню жилищной обеспеченности: критериальная и количественная идентификация, ориентиры для государственной политики

Елизаров В.В., Синица А.Л.

Бедность семей с детьми: проблемы определения и измерения, региональные особенности

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Волгин Н.А., Широкова Л.Н., Мосина Л.Л.

Актуальные вопросы развития российского Севера: компенсационные и стимулирующие системы, направленные на привлечение и закрепление населения в северных и арктических регионах

Мигранова Л.А., Токсанбаева М.С.

Человеческий потенциал населения российских регионов: уровень и динамика развития (часть первая)

ЗАНЯТОСТЬ И РЫНОК ТРУДА

Одегов Ю.Г., Павлова В.В.

Новые технологии и их влияние на рынок труда

Новикова И.В.

Стратегирование занятости населения как механизм минимизации её неустойчивости

Бартлин Е.А.

Об экономическом механизме реализации государственной политики занятости в России

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рыбаковский Л.Л.

Предистория возникновения теории трех стадий миграционного процесса

Юртикова Н.В.

Применение социальных индикаторов для оценки бедности в современной России

Мачхелян Г.Г.

Культурная доминанта в управлении экономикой: эффективность печатных изданий и документов-веление времени

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Субетто А.И., Бобков В.Н.

Резолюция конференции №18 Московского экономического форума (3–4 апреля 2018 года, Москва, Президиум РАН) на тему «Ноосферная парадигма стратегии и механизмы восходящего воспроизводства населения России», состоявшегося 4 апреля 2018 года в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России»

Выпуск 3/2018

Колонка главного редактора

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФЕНОМЕН ПРЕКАРИЗОВАННОЙ ЗАНЯТОСТИ

В.Н. Бобков

Гибкая занятость: путь к хаосу или новая модель устойчивости рынков труда?

Ю. Чоба

Гибкость = прекаризация или гибкость + безопасность? Потерянные гарантии социальной безопасности

Н.В. Локтюхина, И.В. Новикова

Автоматизация процессного управления как механизм сокращения неустойчивости занятости населения

В.Г. Квачев

Аутсорсинг домашнего труда в России: неустойчивость занятости в субстантивной экономике

И.А. Шичкин

Состояние, масштабы и направления снижения неустойчивой занятости трудящихся-мигрантов в России

С.Р. Есимжанова

Гибкие формы занятости как фактор неустойчивости рынка труда Казахстана

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Л.А. Мигранова, М.С. Токсанбаева

Человеческий потенциал населения российских регио-

нов: уровень и динамика развития (часть вторая)

Л.Н. Иванова-Швец

Социальные факторы инновационного развития регионов

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П. Херрман

Прекаризация – это не безработица, глупыш

М.А. Юдина

Защита трудовых прав в условиях перехода к четвертой промышленной революции: пути преодоления неустойчивой занятости

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.Н. Бобков

XXVIII Экономический форум в Кринице-Здруй, республика Польша

В.Н. Бобков

13-я Ежегодная международная конференция европейской сети мониторинга региональных рынков труда (EN RLMM) «Развитие навыков в изменяющемся мире труда: концепции, измерения и данные, применяемые на региональном и местном уровнях в мониторинге рынков труда в Европе»

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России»

Выпуск 4/2018

Колонка главного редактора

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Кашепов

Прогнозирование занятости населения и безработицы в условиях повышения пенсионного возраста

С.Х. Берешев

Регламентация гибких форм занятости в Республике Казахстан

И.Д. Мацкуляк, Д.И. Мацкуляк, Н.З. Нагдалиев

Концепция антикризисного регулирования социально-трудовых отношений (СТО) несостоятельных предприятий в системе кластеризации экономики

Т.В. Пирогова, Н.И. Коляда

Эффективность муниципальных расходов и качество работы местных органов власти в контексте интересов гражданского общества

В.В. Гаврилюк, В.Ю. Бочаров, М.А. Гильтман

Современное положение молодежи «нового рабочего класса» на рынке труда УРФО

М.А. Селиванова, Ю.М. Ильиных

Проблемы закредитованности населения России

Н.И. Коляда

Экономическая культура и финансовый механизм

Ю.Г. Одегов, В.В. Павлова, Л.С. Теленная

Технологические предпосылки трансформации сферы труда

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.И. Григорьев, Л.Г. Гусякова, Г.В. Говорухина

Культурвитализм – концептуальная основа оценки эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения Сибири

В.В. Гаврилюк, Т.В. Гаврилюк

Рабочий класс в советском и российском социологическом дискурсе

Т.В. Сиротина, Ю.А. Калинина, Т.А. Мазайлова, Т.В. Чуканова

Сопровождаемое проживание инвалидов как инновационная технология социального обслуживания (по результатам исследования в алтайском крае в 2017–2018 гг.)

К.А. Великжанина, И.В. Антонович, О.Н. Колесникова, С.Г. Чудова

Реализация муниципальной социальной политики: роль научных исследований (по результатам исследования в городе Барнауле Алтайского края)

Л.А. Емельянова, С.М. Казанцев

Соревнование и конкуренция как формы взаимодействия субъектов профессиональной деятельности

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Н. Бобков, А.К. Акимов

Теория социального качества как инновационный инструмент изучения общества (размышления в связи с Международным социологическим форумом: «Социальное качество и социальное управление»)

С.И. Григорьев, Л.Г. Гусякова, Г.В. Говорухина
Ноосферная социология жизненных сил, благополучия человека и общества – концептуальная основа социальной работы в XXI столетии

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова
Средние классы в капиталистической России (представление научной монографии)

В.Н. Бобков, И.В. Новикова
Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения (представление научной монографии)

Содержание выпусков журнала в 2018 году: №1–4

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России»

Уважаемые читатели!

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» включён в список изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований, имеет Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), DOI 10.24411/ ISSN 1999-9836.

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» в 2018 году выходит в свет ежеквартально на бумажном носителе.

Индекс журнала в Объединенном каталоге «Пресса России» – 71187.

ПРАВИЛА ПО КОМПЛЕКТНОСТИ РУКОПИСЕЙ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

Общими критериями материалов, принимаемых для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России», являются актуальность, новизна материала и его ценность в теоретическом и/или прикладном аспектах.

Статья должна быть оригинальной, ранее не опубликованной, не нарушающей авторских прав третьих лиц (в случае нарушения авторских прав, вся полнота ответственности лежит на отправителях подобных материалов в редакцию). Текст статьи должен сопровождаться иллюстративными материалами (таблицы, схемы, графики, диаграммы и т.д.). Объём статьи 0,5-1,0 п. л. (12-14 страниц формата А4).

Аннотация

Аннотация должна обрисовывать общую направленность статьи и формулировать её основные результаты. В аннотации следует использовать основные ключевые понятия, относящиеся к представляемой статье, имея в виду, что большинство современных информационных систем осуществляют контекстный поиск только по названиям и аннотациям научных публикаций. Объём аннотации 250-400 слов.

Структура аннотации

В аннотации, согласно требованиям ВАК, нужно отразить следующие элементы:

- * «Объект»;
- * «Предмет» (если в статье есть эмпирические исследования, указывается «Предмет», затем – два подзаголовка: «Теоретическая сторона предмета», «Эмпирическая сторона предмета»);
- * «Цель»;
- * «Основные теоретические положения статьи», или «Основные теоретические и эмпирические положения статьи».

Структура статьи

Статья должна быть разбита на разделы, а при необходимости – подразделы и более мелкие структурные единицы, имеющие многоуровневую (при наличии подразделов) нумерацию. Первым разделом статьи должно быть введение. В нём рекомендуется чётко обрисовать объект исследования и привести краткий обзор опубликованных по данной теме работ (3-4 ссылки на источники, опубликованные в течение последних трёх лет). Если статья имеет большой объём, во введении следует ознакомить читателя с её структурой.

Требования к оформлению статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Microsoft Word, записывается с расширением .doc, .docx, или .rtf. Название файла должно соответствовать фамилии автора и названию статьи.

Статья должна содержать следующие элементы:

- * УДК – универсальная десятичная система классификации информации и картотек.
- * Блок 1 – на русском языке: Ф.И.О. автора (-ов) (полностью); название статьи; аннотация; ключевые слова (5-7 слов) или словосочетания, разделённые точкой с запятой). Аннотация выделяется курсивом, шрифт Times New Roman, размер – 10 пт.
- * Блок 2 – на английском языке: информация блока 1 в той же последовательности.
- * Блок 3 – данные об авторах на русском языке: фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, учёное звание; адресные данные автора (-ов); организация(-и), электронная почта всех или одного автора.
- * Блок 4 – информация блока 3 в той же последовательности на английском языке.
- * Блок 5 – полный текст статьи на русском языке с употреблением буквы ё (шрифт основного текста Times New Roman, размер основного текста – 12 пт (для таблиц допустимо использовать 10 пт); поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и ле-

вое – 3 см; межстрочный интервал – полуторный; отступ первой строки – 1,25; выравнивание текста – по ширине; ссылки на формулы даются в круглых скобках; формулы набираются в редакторе формул.

Таблица или рисунок не должны превышать 0,5 страницы формата А4. Рисунки и таблицы выполняются **только в чёрно-белом варианте**. Цветные рисунки и таблицы не допускаются! На все рисунки и таблицы должны быть указаны ссылки на их источник. Рисунки представляются отдельными файлами в формате .jpg с разрешением не менее 300 dpi.

* Блок 6 – **список литературы** на русском языке. Название «Список литературы». Списки литературы оформляются по алфавиту в соответствии с библиографическими требованиями (ГОСТ Р 7.05-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления») в едином формате, установленном РУНЭБ. Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (из списка литературы), год издания, номер источника по списку литературы, страница.

* Пример отсылки к списку литературы в основном тексте статьи: [Бобков В.Н., Черных Б.А., 2014, 1, с. 23].

* На все источники литературы должны быть ссылки в тексте работы.

* Список литературы должен состоять не менее чем из 15 источников с обязательным цитированием зарубежных авторов в объёме не менее 10%.

* Блок 7 – транслитерированный список литературы (название «References»).

Пример транслитерации источника:

9. Losev, AF. Istoriya antichnoy estetiki. Posledniye veka. Kniga 2. M.: Folio, 2000, pp. 124-128.

Для выделения в тексте допустимо полужирное и курсивное написание. Примеры рекомендуется выделять курсивом, новые термины и понятия – полужирным шрифтом.

Не рекомендуется использовать такие выделения, как ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ, р а з р я д к а через пробел и подчеркивание; подстрочные ссылки.

Перечень дополнительных материалов, прилагаемых к статье: отчет электронной проверки на плагиат, согласие на обработку персональных данных (в связи с тем, что информация об авторах публикуется в печатном издании, а также размещается в открытом доступе в сети Интернет в электронной версии журнала).

Прочие условия публикации

Редакция оставляет за собой право тематического отбора и редактирования материалов. Мнения авторов, изложенные в статьях, необязательно совпадают с мнением редакции. Поступившие в редакцию рукописи не возвращаются.

Авторы несут ответственность за содержание статей, сам факт их публикации, а также за ущерб, причинённый третьим лицам, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

Автору может быть отказано в публикации, если:

- * статья не оформлена в соответствии с настоящими правилами;
- * автор отказался от доработки статьи согласно требованиям редакционной коллегии и рецензента;
- * автор не учёл конструктивные замечания рецензента и не исправил статью в назначенный редакцией срок;
- * текст не прошёл проверку на плагиат (% заимствований превышает нормы ВАК).

Окончательное решение о публикации материала принимает редакционная коллегия.

**Адрес редакции: Российская Федерация 117218
Москва, Нахимовский проспект, д.32.
Телефон: +7 499 125 1751
Email: vcugjournal@mail.ru; bobkovn@mail.ru**

Пример оформления статьи:

УДК 331.5

ПРОФИЛИ НЕУСТОЙЧИВОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ IDENTIFYING THE PROFILE OF PRECARIOUS EMPLOYMENT IN RUSSIA

ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Email: ivanov@mail.ru

IVANOV, II.

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Chair of Labour Economics, Plekhanov Russian University of Economics

Email: ivanov@mail.ru

Аннотация.

Объект. Неустойчивая занятость.

Предмет. Профиль неустойчивой занятости.

Цель. Выявление профиля неустойчивой занятости в России на основе анализа баз данных о занятости населения.

Основные положения статьи. Неустойчивая занятость (прекаризация занятости, англ. – precarity of employment) – вынужденные для работника социально-экономические отношения, ...

Ключевые слова: неустойчивая занятость; профиль неустойчивой занятости; «Работа в России»; «Super Job»; «Head Hunter».

Abstract

The Object of the Study. Precarious employment.

The Subject of the Study. Profile of precarious employment.

The Purpose of the Study. Identifying the profile of precarious employment in Russia on the basis of the analysis of databases on employment.

The main Provisions of the Article. Precarious employment (precarity of employment) is forced to the employee socio-economic relations ...

Keywords: precarious employment; the profile of precarious employment; «Work in Russia»; «Super job»; «Head Hunter».

1. Введение

Современная экономика и сфера труда характеризуются распространением гибких, краткосрочных и переходных форм занятости [Eurofound, 2017, 11; МОТ, 2015, 3].

В формальной экономике доля работников, находящихся в неустойчивых формах занятости по устной договоренности без оформления документов о трудоустройстве, а также не на основе бессрочных трудовых договоров, составляла в 2016 г. от 8,5% до 12,2% (таблица 1).

Таблица 1

**Доля наёмных работников с неустойчивыми формами занятости
(на основе наличия и вида трудового договора; основная работа, 2016 г.)**

	В %*
Доля наёмных работников, занятых на основе устной договоренности без оформления документов	3,8/7,5

* На основе данных Росстата [Официальный сайт..., 7].

Дополнительную информацию о профиле неустойчивости занятости можно получить из анализа по резюме распределения лиц, готовых работать с заработной платой ниже ПМтр, по возрастам (рисунок 1).

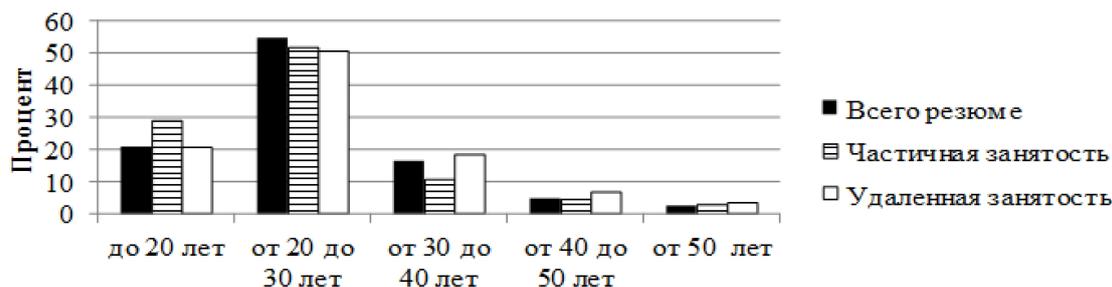

Рисунок 1. Распределение лиц, готовых получать заработную плату ниже ПМтр., по возрастам (HeadHunter)

Расчёт производится по формуле (1):

$$ВРП = 15,1197 \cdot ЦмБ^{0,527} ЦмВ^{0,245} + e(t) \quad (1)$$

Список литературы

1. Бобков В.Н., Черных Е.А. Влияние неустойчивой занятости на переходы молодёжи на рынке труда //Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 3 (193).
2. Employment, Skills and Human Capital Global Challenge Insight Report «The Future of Jobs Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution» World Economic Forum. 2016. 167 p.

References

1. Bobkov, VN, Chernykh EA. Vliyaniye neustoychivoy zanyatosti na perekhody molodyozhi na runke truda //Uroven' Zhizni Naselenia Regionov Rossiyi. – 2014. – № 3 (193).
2. Employment, Skills and Human Capital Global Challenge Insight Report «The Future of Jobs Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution» World Economic Forum. 2016. 167 p.